331
А-87.
2526

АРХИВ ИСТОРИИ ТРУДА ....В РОССИИ....

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой комиссией по исследованию истории труда в России

под редакцией

ЮЛИЯ ГЕССЕНА

8/32

Кн. 8.

Содержание:

1. *А. Пруссак.* Строительные рабочие в московском государстве.
2. *Н. А. Рожков.* Очерк истории труда в России. (Продолжение).
3. *Л. Айзенберг.* Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской жел. дороги в 1859 и 1860 г.г.
4. *С. В. Рождественский.* Основы социальной организации педагогического труда в 18—19 веках.
5. *С. Тхоржевский.* Государственное земледелие на южной окраине московского государства в 17 веке.
6. *Макс Гордон.* Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда.
7. *А. Шебунин.* К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. (Окончание).
8. *Т. Панфилова.* Работные люди в свете депутатских наказов 1767 г.
9. *С. И. Архангельский.* Крестьяне крепостной деревни московского промышленного района во второй половине 18 века.
10. *С. Вознесенский.* Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.
11. *Вл. Юл. Гессен.* К истории ремесленного труда в древней Руси. (Окончание).
12. *Д. Карин.* Положение рабочих на постройках Гл. Общества Росс. железных дорог.
13. *П. Вакс.* Медико-санитарные условия на постройке Петербургско-Московской жел. дороги.

ПЕТРОГРАД — 1923.
Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Рукописи адресовать:

Юлию Исидоровичу Гессену, Петроград, Басков пер., 35, кв 7.

Телефон 1-59-16.

Личный прием: по четвергам от 12 ч. до 6 ч.

331(09)
А-87
252/6

АРХИВ
ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ

ВЫПУСКАЕМЫЙ

Ученой Комиссией по исследованию истории труда в России
под редакцией **Юлия Гессена.**

КНИГА ВОСЬМАЯ.

8/32

ПЕТРОГРАД — 1923.
Издание Культурно-просветительного Отдела Петрогр. Губернского Совета Профессиональных Союзов.

Строительные рабочие в московском государстве.

Московское правительство, как известно, стремилось привлечь все классы населения на службу государству. Почувствовав настоятельную необходимость иметь кадр хорошо обученных русских строителей, оно предприняло ряд мер, чтобы возможно лучше поставить обучение строительному делу, закрепить за государством специалистов строительного дела, а затем установить правильный технический надзор за постройками.

С 17 века московское правительство начало обязывать как вызванных из-за границы, так и своих лучших мастеров, помимо работы по специальности, брать на выучку назначенных им для этого мальчиков, по преимуществу детей казаков и стрельцов. Правительство платило за обучение и давало деньги на одежду и на прокорм учеников, чтобы «учась, с голоду не умереть». Ученики могли жить или у своего учителя или на частной квартире и приходить к учителю «по вся дни». От мастеров требовалось, чтобы они «ребят выучили мастерству доброму, и открыли дела свои в ученьи явно, и ни в чем бы в делах своих не скрылись». По окончании ученья требовалось «об'явить» учеников в приказе. Лучшие из них попадали на службу в каменный приказ [1]).

Но кроме учеников—правительственных стипендиатов, значительное число мальчиков обучалось не на правительственный счет; это были, главным образом, сыновья строительных рабочих, т. к. отцы под угрозой батогов были обязаны обучить сыновей своему мастерству. Случалось, что родители, сами не будучи мастеровыми, отдавали своих сыновей какому-либо мастеру для обучения. Отдача в ученье часто закреплялась особой записью. Учебные записи имеют форму обычных порядных записей; отдавали в ученье лет на 8—9; ученику следовало быть «во всем послушну, покорну и безответну»; если

1) Акты исторические, т. 3, № 242, т. 4, № 14 и № 147. Султанов. Памятники древнего русского зодчества в Коломенском и Броницком у.у. Московской губ., стр. 50.—Дополнения к актам историч., т. 7, № 22.—Летопись, т. 6, стр. 180.—Успенский. Словарь царских живописцев и иконописцев, стр. 248.

ученик «в послушании и в покорении во всем быть не учнет, то мастеру вольно за вину смирять и доброму делу наставливать» [2]).

В целях учета и правильного распределения рабочей силы всем рабочим от мала до велика на местах велись списки в с'езжих избах, пересылаемые затем в Москву в каменный приказ; в этих списках мастеровые делились по специальностям: каменщики, плотники и т. д.; списки по мере надобности пополнялись и поверялись: вычеркивались умершие, вписывались новые мастера; велись списки сыновьям мастеровых, как будущим мастеровым. Любопытной иллюстрацией данного положения служит такого рода судебное дело. Белозерские каменщики оговорили ряд посадских людей, будто бы те знают мастерство, но скрывают свои знания; следствие показало, что «те белозерские каменщики и кирпичники, которые про тех посадских людей сказывали, пропиваются на кабаках, а, пропившиеся, прошают у посадских людей на пропой денег, а кто будет денег им не дает, и тех людей посадских клеплют и называют каменщиками и каменщиковыми детьми по недружбам, для своея бездельные корысти», на самом же деле «наперед сего отци их и они» каменщиками не были [3]).

По вышеупомянутым спискам каменный приказ вызывал мастеровых на правительственные и церковные строительные работы; если же «учнут хорониться, то жен их и детей сыскивать и метать в тюрьму, покаместа мужья их не об'явятся, а как мужья их об'явятся, учиня им наказанье», выслать на место работы [4]). Рабочих на работы требовалось много; напр., с 1663 по 1669 г., судя по требовательным спискам, на правительственные работы одной лишь Москвы требовалось 3170 человек [5]).

В первой половине 17 века строительные рабочие получали постоянное жалованье, «чем им сытым быти мочно», так как голодные, работая непродуктивно, могли «государеву делу чинить поруху». В 1647 г. было издано распоряжение платить рабочим лишь тогда, когда государево дело будет. А с 1684 г. строительные рабочие уже не числились на постоянной государевой службе, но им было разрешено «государево дело делать подрядом» [6]).

Пострадавшие на постройках впредь до выздоровления освобождались от вызова на работу; напр., Петрушке Ари-

---

[2]) Акты юридические, № 205.
[3]) Доп. к акт. истор., т. 1, № 70.
[4]) Акт. ист., т 4, № 186.
[5]) Орлов. Пришлые рабочие в Москве в 17 в., стр. 3.
[6]) Лаппо-Данилевский. Организация прямого обложения моск. гос. со Смуты до эпохи Преобразования, стр. 363. Доп. к акт. истор., т. 11, № 66.

стову во время работы в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре придавило большим камнем руку, и он «за скорбь» до выздоровления был отпущен домой. Искалеченные вовсе вычеркивались из списков; так, Кирюшке Антонову при работе в Ново-Иерусалимском монастыре «руку левую из плеча вышибло, и рука у него засохла», почему ему и было разрешено впредь на строительные работы не являться. При временном или полном освобождении от работ бывало много злоупотреблений; часто встречаются жалобы, как «сам (пострадавший) из каменного дела боком лезет вон, а меня, бедного, в то место токарит» [7]). Помогать пострадавшим государство обязано не было, помощь являлась лишь актом милосердия.

Строительные рабочие не платили податей с земли или двора и не несли никаких личных повинностей, обязательных для тяглого населения. С 1684 г. им было приказано «жить в посаде в тягле, службы служить и подати платить с посадскими людьми вряд». Все нужды как их, так и их домашних, живущих с ними «на одном хлебе», ведали и судили, кроме крупнейших уголовных преступлений, в каменном приказе; если истцом был ремесленник, то, в случае благоприятного разрешения его дела, «бесчестье» ему правили соответственно получаемому им жалованью. Было разрешено торговать, не платя «полавочного» налога, если товара было не больше, как на два рубля, и курить вино для личного употребления, но не для продажи [8]).

В свободное от правительственных построек время рабочие имели право работать у частных лиц.

В каменном же приказе было ведомо всего московского государства каменное дело. Во главе каменного приказа стояли дворянин и дьяк, а с 1633 г. два дьяка [9]). Мастера и подмастерья, находившиеся на службе в каменном приказе, подразделялись соответственно специальности на градодельцев, городовых смышленников, ведавших постройки военного характера, каменных дел здателей и т. д. [10]).

Часть членов каменного приказа получала постоянное жалованье; участвуя в какой-либо постройке, они, кроме месячного жалованья, получали еще поденное вознаграждение; большинство получало вознаграждение сдельно или поденно за время производства работ [11]).

7) Русская историч. библиотека, т. 5, №№ 174, 176, 229.

8) Сахаров. История общественного образования Тульской губ., стр. 42.—Доп. к акт. ист., т. II, № 66.—П. Иванов. Описание Государственного архива старых дел, стр. 20, примечание.

9) Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича, стр. 111.—Новиков. Русская Вивлиофика, т. 20, стр. 321.

10) Доп. к акт. ист., т. 5, № 30, т. 6, № 21.—Акты археографич. экспедиции, т. 3, № 201.

11) Доп. к акт. ист., т. 6, № 21.—Акт. истор., т. 4, № 14.—Русская истор. библиотека, т. 28, стр. 545.

Мастера и подмастерья, служившие в каменном приказе, должны были составлять проекты (чертежи или модели), сметы строющихся правительственных зданий, поверять присланные с мест построек отчеты о выстроенном и отписи об израсходованных суммах. Членам каменного приказа принадлежал технический надзор за правительственными постройками; им вменялось в обязанность следить за постройкой правительственных зданий, осматривать как вновь выстроенные здания, так и здания, требующие ремонта [12]).

Каменный приказ существовал в качестве самостоятельного учреждения с 1584 г. по 1700 г., когда он «был учинен при приказе Большого дворца экспедицией» [13]). С этого момента начинается уже новая глава в истории строительных рабочих.

А. Пруссак.

■ ■ ■ ■
■

12) Доп. к акт. истор., т. 10, № 5; т. 4, № 49; т. 5, № 30.—Акт. ист., т. 4, № 14; т. 3, № 290.—Акт. археогр. экспед., т. 3, № 201.

13) Шереметевский. Каменный приказ и его дела, стр. 79.

Очерк истории труда в России.

XI [1]).

Переход к торговому капитализму.

В предшествующем изложении освещено положение труда в России в докапиталистическое время. Во второй половине 16 в. занимается заря русского капитализма в форме зачаточной в развитии капитализма в каждой стране,—именно в форме торгового капитализма. Переход к торговому капитализму был огромной экономической революцией, сопровождавшейся глубокими переменами в социальном строе, следовательно и в положении труда.

Хозяйственный переворот, переход к торговому капитализму, образование обширного национального и международного рынка совершились в России тремя последовательными этапами: первый обнимает собою вторую половину 16 в., второй—первую половину 17 в., третий относится ко второй половине 17 и первой четверти 18 в. Обозначая иначе эти этапы, можно сказать, что первый из них—эпоха Ивана Грозного, второй—Смута и ее последствия, третий—реформа Петра Великого с ее подготовкой.

При Иване Грозном проблема была поставлена и сделаны были первые шаги к ее разрешению. Признаки этого сказались в разных проявлениях хозяйственной жизни.

Прежде всего выросла обширная торговля продуктами сельского хозяйства — земледелия и скотоводства. Новгород и Псков с их областями торговали и на внутреннем и на внешнем рынке льном, пенькой, кожами, салом [2]). Прасолы—скупщики скота и других товаров попадаются нередко в источниках того времени [3]). Множество местных торжков, рынков, ярмарок возникло по всей стране. Торговали на 150, 200, 300, 500 и более верст [4]). Затем, в обрабатывающей промышленности образовались крупные кустарные гнезда, которые не могли бы существовать, если бы не

---

1) См. „Архив истории труда в России", кн. 5, 6—7.

2) Середонин, Известия англичан о России: „Чт. Общ. Истории и Древн. Росс." за 1884 г., кн. IV, стр. 2. Флетчер, О государстве русском, стр. 6, 7, 9.

3) Румянцевский Музей, рукописи Ундольского, № 273, л.л. 21 об.—22; Писцовые книги Моск. гос., I, II, стр. 24; Чечулин, Города Моск. гос. в XVI в.

4) Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в 16 в.

обслуживали обширного рынка: когда мы встречаем во Владимирском уезде целых 14 сплошь лежащих деревень бочаров [5]), в Новгородском крае в одном селе 11 дворов гончаров [6]) или 18 дворов колесных мастеров [7]), то становится совершенно ясным, что эти бочары, гончары, колесные мастера работали не на местный сбыт, тем более не для собственного потребления, а через посредство скупщиков для торгового капитала, обслуживали обширный национальный рынок. Производство оставалось мелким, но обмен перешел в руки капитала, что и означает переход к торговому капитализму: торговый капитал подчинил своему влиянию производство.

Нет недостатка и в указаниях на образование международного рынка: с 50-х годов начинается через Белое море торговля с Англией [8]); ярмарка в пригороде Пскова — Острове посредничала в торговле Руси с Литвой и Ливонией [9]); в Москву приезжали купцы из Турции (греки), Татарии, Персии, Туркмении, Кабарды, Грузии, Бухары [10]); появились торговые книги—нечто вроде бюллетеней о ценах на русские товары на мировом рынке—в Нидерландах, Англии, Франции и даже в Испании [11]).

Еще важнее косвенные признаки торжества торгового капитализма—превращение натуральных оброков и повинностей крестьян землевладельцам и натуральных государственных повинностей в денежные платежи [12]). Это было бы невозможно, если бы массы населения не имели денег, т.-е. не были бы связаны с рынком, не работали бы для сбыта, для торговли. Наконец, уменьшение цены денег вчетверо в течение 16 в. [13]) также указывает на переход к торговому капитализму и именно на связи с мировым рынком: ведь в то время и во всей Европе деньги упали в цене в четыре с половиною раза, впятеро и вшестеро.

Первый момент описываемой экономической революции создал огромное потрясение, привел к глубокому кризису, вызвал страшное столкновение старых и новых социальных сил, известное под названием Смуты или Смутного времени, довершившее кризис. Но к 40-м годам 17 в., вследствие победы дворянства и посадских людей гибельное влияние кризиса было уже сглажено [14]), начало строиться новое хозяйство дворянства и крупной торговой буржуазии («гостей»), стали слагаться первые прочные фабрики и заводы, появились дворянские имения нового типа, работавшие на рынок [15]). Таков был второй этап хозяйственного переворота.

---

5) Моск. арх. мин. юст., грам. кол. Экон, № 1807,

6) Моск. арх. мин. юст., писц. кн. 972, л. 101.

7) Там же, писц. кн. 957, л.л. 1266 об.—1267.

8) Гамель, Англичане в России; Любименко, История торговых сношений России с Англией, вып. 1.

9) Моск. арх. мин. юст., писц. кн. 827, л. 946 об.

10) Довнар-Запольский, Торговля и промышл. Москвы, стр. 6.

11) Временник общ. ист. и древн., кн. 8, смесь, стр. 3—6.

12) Рожков, Сельское хозяйство Моск. Руси в 16 в., стр. 235—241.

13) Там же, стр. 202—211.

14) Готье, Замосковный край в 17 в.

15) Забелин, Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве; Заозерский, Царь Алексей Мих. в своем хоз.

Третий этап — петровская реформа — ознаменовался, как известно, образованием русской мануфактурной индустрии именно на плечах и на средства торгового капитализма [16]) и расцветом меркантилизма в России — экономической теории и политики, ярко выражавших сущность торгово-капиталистических отношений. Но и этот третий этап обошелся дорого: он повел к новому разорению страны, к убыли коренного населения, к тяжкому кризису.

Во всех странах описанная экономическая революция имела место. Но нигде она не встречала таких трудностей, не вызывала таких глубоких и разрушительных потрясений, как в России. Причина этого понятна из предшествующего нашего изложения: везде почти, особенно в странах западной Европы, переход к торговому капитализму был подготовлен тем, что в эпоху феодализма хозяйство уже было товарным, денежным, хотя и расчитанным на узкий местный рынок, тогда как в удельной России феодализм остался недоразвитым именно по той причине, что хозяйство продолжало быть натуральным. Перелом был в России слишком резким, и потому он сопровождался весьма оригинальными, сравнительно с западной Европой, переменами в положении труда.

XII.

Положение труда между половиной 16 и концом первой четверти 18 в.

Мы видели, в каком положении находились массы трудящегося населения до половины 16 в., до экономической революции. С одной стороны тогда были рабы—«обельные», «одерноватые», «полные холопы», почти совершенно бесправные, с другой—лица, пользовавшиеся гражданской свободой, правом перехода, хотя и постоянно и постепенно терявшие свои права и свободу, которые с'ужались, сокращались, уменьшались. Все это, как было показано в начале, совершенно соответствовало хозяйственным условиям удельного времени. В Европе было не так, потому что хозяйство было иным: товарное хозяйство с узким рынком привело к прикреплению крестьян к земле.

Но когда в этой же Европе стало разлагаться феодальное хозяйство и начал образовываться торговый капитализм, прикрепление к земле стало недопустимым, хозяйственно-вредным: необходимым становилось передвижение рабочей силы на большие расстояния для нужд национального и международного рынка. С переходом к торговому капитализму это стало тем более настоятельным. Достигнуть этого можно было двумя путями: или прикреплением крестьянина уже не к земле, а к личности землевладельца, так, чтобы последний собственным произволением непосредственно или путем продажи оторванного от земли крестьянина мог его передвигать или перебрасывать в районы, где ощущалась нужда в рабочих руках:

16) Туган-Барановский, Русская фабрика, т. I.
17) Милюков, Госуд. хоз. России в перв. четв. 18 в.

или освобождением крестьян от крепостного права полным или частичным с предоставлением им самим возможности свободно перемещаться из одной части страны в другие и даже из одной страны в другую. Землевладельцы, естественно, сначала попытались сделать первое, но потерпели неудачу: восстание Уота Тайлера в конце 14 в. в Англии и французская жакерия пятидесятых годов того же столетия, хотя и были подавлены, но в конечном счете повели к отказу от ультра-крепостнических попыток. Оставался второй исход—освобождение. Он и осуществился в разных формах и степенях к 16 веку в западно-европейских странах.

Эти возможности, казалось, должны были встать и перед русским торговым капитализмом второй половины 16 в., в первый этап его успехов. Но именно сейчас нами доказанная конкретным фактическим материалом резкость перехода прямо от натурального хозяйства к торговому капитализму исключила в России возможность сохранения свободы крестьянства: крестьянин-массовик не в силах был самостоятельно справиться с переходом на новые хозяйственные условия; чтобы приспособляться к рынку, он нуждался в экономической поддержке со стороны землевладельца, а эту поддержку он получал сначала путем физического закрепощения, причем это закрепощение было прикреплением не к земле, а к личности землевладельца: прикрепление к земле имеет смысл лишь при узком рынке, при рынке же национальном и международном оно вредно, недопустимо, ничем не оправдывается.

Можно и даже должно считать прочно установленным тот факт, что к концу 16 в. право перехода крестьян, юридически сохранившееся (не отмененное), фактически замерло вследствие неоплатной задолженности крестьян и невозможности для них уплатить «пожилое» или «похоромное», плату за пользование двором и постройками, во дворе находившимися. Это право в лучшем случае выродилось в уродливые, болезненные формы—крестьянского побега и крестьянского вывоза, которые правительством в конце 16 и начале 17 в. преследовались, пресекались и устранялись из жизненной практики, так что и эта незаконная отдушина закрывалась, и создавалась уже тогда фактическая крепостная атмосфера [18]).

Но процесс закрепощения свободного трудящегося населения сопровождался и другим, встречным процессом обратного характера,—процессом ослабления полного холопства, рабства.

Это видно прежде всего из того, что на деле и по юридическим актам полные холопы в 17 в. уже переставали быть неправомочными, бесправными. Они пользовались на деле землей, обрабатывали ее, приобретали своим трудом имущество. Поэтому возникло понятие о собственности, принадлежавшей несвободному человеку. Отсюда стали возможны сделки, заключавшиеся с холопами даже их собственными господами: напр., есть данные о займах, делавшихся холопами у господ, причем в обеспечение займа холоп, как и любой свободный человек, давал „запись":

---

18) Ключевский. Происхождение крепостного права в России.

бывали также случаи, когда холоп, не выходя на волю, получал от господина землю и владел ею на праве полной собственности [18]).

Этому соответствовало и появление новых форм полурабства холопства кабального и докладного.

Кабальные отношения возникали из займа, сопровождавшегося обязательством должника кредитору «за рост служити по вся дни во дворе», работать на него за проценты. Эти отношения находили себе выражение в особом акте—«служилой кабале» или «кабале за рост служити». Но кабальные люди, как и задолжавшие крестьяне, вследствие перехода к товарному хозяйству, повысившего потребность в деньгах, и под влиянием кризиса, затруднившего расплату разорением, оказывались почти всегда несостоятельными должниками, что грозило сделать их наследственно-работающими и детям кредитора, т. е. приблизить их к состоянию полного холопства. Поэтому изданы были два указа—1586 и 1597 годов,—по которым кабальные люди превращались в кабальных холопов потому что лишались права уплачивать кредитору долю при его жизни, но за то холопство их было временным, ненаследственным: по смерти кредитора они выходили на волю без уплаты долга [19]-а).

Промежуточным между кабальным, временным холопством и смягченным уже полным холопством было холопство докладное. Это было холопство специальное, возникавшее от того, что человек «дался на ключ, а по ключу и в холопы», т. е. продался в специальные холопы,—в ключники или приказчики [20]). Это холопство было наследственным [21]). Но во-первых, тут прямо ограничивалась воля господина—он не мог лишать докладного холопа его специального назначения, приказчичьей службы; во-вторых, эта специальная служба составляла для него положение фактически лучшее, чем положение рядового полного холопа: ключник или приказчик принадлежал к числу «больших» слуг своего господина, был его доверенным лицом, ближайшим помощником, иногда почти другом [22]).

Чем вызваны были эти ограничения и смягчения холопства, такое сближение его с крепостничеством? Тем же, чем и фактическое крепостничество крестьян: стремлением дворянства, одного из новых торгово-капиталистических классов, обеспечить себя рабочей силой, помешать богатой феодальной аристократии, боярству, монополизировать эту рабочую силу, всю ее прибрать к своим рукам путем полного холопства и путем приема беглых крестьян и крестьянского вывоза. Интересы нового класса, завоевывавшего себе господство, пробиваются здесь с полною ясностью. Навстречу их удовлетворению идет и нужда крестьян в ссуде, подмоге, займе, неоплатная их задолженность, потребность приспособить крестьянское хозяйство к условиям торгово-капиталистической действительности.

---

[18]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства в России, „Русская Мысль" за 1886 г., № 9, стр. 82, 83.

[19]-а) Там же; Павлов-Сильванский, Люди кабальные и докладные.

[20]) Там же.

[21]) Там же.

[22]) Ключевский, Подушная подать и отмена холопства.

Тяжесть экономического положения крестьян, заставлявшая большинство из них подчиняться надвигавшемуся крепостничеству, заключалась в росте барщины и барской запашки, в переводе натуральных сборов в денежные, главным же образом в весьма значительном уменьшении к концу 16 в. размеров крестьянской запашки на двор. Многие крестьяне—те, кто привык покорно нести бремя нужды и тяжкий труд,—смиренно склонялись перед действительностью. Но не все были таковы.

Более активные элементы крестьянства и холопства реагировали во второй момент переворота—в 17 в. — на создавшееся положение восстаниями. Таких восстаний было два — одно под начальством Болотникова, другое под предводительством Разина. Оба замечательны как яркое выражение тех стремлений и идеалов, которые были тогда свойственны более активному элементу в крестьянской среде. Эти стремления и идеалы носили не прогрессивный, а реакционный характер, направлены были не вперед, а назад: золотое царство справедливости и равенства видели в прошлом, когда земля была вольная, когда вече и выборные князья правили страной. Действительность, существовавшая в первый период русской истории, идеализировалась и отображалась (в казачестве, которое, мнилось, возрождало старинный золотой век. Такие реакционные об'ективно стремления неизбежно должны были повести к поражению. В результате господа положения —дворяне —юридически закрепили во второй момент революции фактически-сложившееся закрепощение в Уложении 1649 года.

17 век привел и к сильнейшему увеличению податного бремени, легшего на трудящихся массах: где прежде платились самое большее десятки рублей с окладных единиц, там теперь стали платить сотни, чуть не тысячи.

Намеченные сейчас процессы изменения в положении труда нашли себе полное и последовательное завершение при Петре Великом в его реформе: введение подушной подати не только еще увеличило тяжесть обложения трудящихся масс населения государственными податями но, распространив подушное обложение не только на крестьянство, а также и на холопство, тем самым окончательно уничтожило холопство и слило крестьян и холопов в единое целое—крепостное и податное крестьянство; закон 1721 г. о так называемых поссессионных крестьянах, приписанных к фабрикам в качестве прикрепленных к этим фабрикам и не могущих быть отчуждаемыми без них, распространил крепостной труд и на индустрию, обрабатывающую промышленность, на те именно промышленные предприятия, которыми владели не дворяне. На дворянских фабриках господствовал труд не поссессионных крестьян, прикрепленных специально к фабрикам, а чисто-крепостных, крепких личности их владельцев.

Крепостничество—вот то новое, что создал таким образом в истории труда в России капитализм в первой форме его исторического развития—в форме торгового капитализма.

XIII.

Труд в эпоху полного развития торгового капитализма или крепостного хозяйства.

Последние три четверти 18 века, после Петра Великого, и самое начало 19 столетия—эпоха полного развития торгового капитализма в России, которая может быть также с другой точки зрения характеризована и названа эпохой высшего расцвета крепостного хозяйства.

В области индустрии то было время господства дворянской фабрики крепостной мануфактуры [23]) и вместе возраставшей под эгидой крепостничества деревенской кустарной промышленности [24]), которая в значительной части была связана с мануфактурой того времени и в своем происхождении и в экономических взаимоотношениях. И то и другое, хорошо раз'ясненное Туган-Барановским, сводится к следующему: крепостная и поссессионная мануфактура 18 в., будучи технически не выше кустарной промышленности, не могла с нею конкурировать, почему мануфактурные предприятия того времени были непрочны и погибали очень скоро после возникновения; держались некоторое время только те из них, которые насаждали в России несуществовавшие раньше отрасли производства, и держались до тех пор, пока крестьянское население, находившее на них заработки, не обучалось новому делу и не развивало его у себя в кустарных избах, которые своей конкуренцией побивали затем мануфактуру; с другой стороны, и длительно-существовавшие мануфактуры были экономически связаны с кустарной промышленностью: кустари выделывали для них пряжу, вообще полуфабрикаты, а мануфактурам оставалась, выпадала на долю лишь окончательная выделка и отделка товара. Известно, напр., как много в этом отношении значила для мануфактурной промышленности села Иванова, Шуйского уезда, Владимирской губ. (ныне город Иваново-Вознесенск) местная кустарная производительность: подчас весь полуфабрикат или $^9/_{10}$ его выделывались кустарями, а мануфактура производила лишь окончательную набойку миткаля и ситца. И это—только наиболее выпуклый, далеко не единственный и не исключительный пример.

Труд на мануфактурах 18 в. был крепостной или поссессионный. В том и другом случае он эксплуатировался грубо, хищнически и вызывал нередко более или менее значительные волнения крепостных и поссессионных рабочих.

Не менее грубо эксплуатировался и труд крестьян-кустарей. И кустари-одиночки, работавшие прямо на скупщика и на помещика, и кустари, являвшиеся подсобными работниками на мануфактуру, подверга-

---

[23]) Туган-Барановский, Русская фабрика.

[24]) Корсак, О формах промышленности

лись всем тем бедствиям, которые органически связаны с торгово-капиталистической системой так называемой «домашней индустрии» (Hausindustrie), когда торговый, отчасти и мануфактурный капитал снабжает производителей-кустарей в долг за ростовщические на деле проценты сырьем и орудиями труда осенью, а весной собирает готовый продукт в уплату долга с лихвой, с колоссальным барышом. Если к этому прибавить поборы помещиков с кустарей, то картина грубой эксплуатации кустарного труда будет цельной.

Особое юридически, но фактически—близкое к положению поссессионных рабочих состояние, представляли собою так называемые „приписные" крестьяне и рабочие, т. е. государственные крестьяне, которые приписывались к казенным фабрикам и заводам, и так как эти фабрики и заводы сплошь и рядом сдавались в аренду отдельным лицам, то на деле приписные крестьяне эксплуатировались точно так же, как поссессионные рабочие [25]). Классической областью такого приписного крестьянства был в 18 в. Урал с его казенными горными заводами. Положение приписных рабочих уральских горных заводов, их отношения к заводовладельцам и арендаторам, а также к земле некоторые исследователи [26]) прямо сближали и отожествляли с положением поссессионных рабочих. Это положение было весьма тяжело. И недаром великое народное движение 18 века, направленное против крепостничества, но одушевлявшееся планом положительного строительства в старом примитивном казацком духе,—Пугачевщина—считало уральских рабочих видным элементом в своей среде [27]). Справедливо указывается [28]), что уральские рабочие составляли наиболее активный и выдержанный элемент во всем пугачевском движении и, что только тогда это движение и пошло на убыль, когда правительственные войска были направлены на Урал и таким образом пресекли возможность питания пугачевской армии уральскими рабочими элементами.

Наряду со всеми этими разрядами индустриальных рабочих, городских и деревенских, мануфактурных, заводских и кустарных, в городах было некоторое количество ремесленных рабочих, организованных согласно «Ремесленному уставу», входившему как часть в состав «Жалованной грамоты городам», данной Екатериной II в 1785 году. Этот екатерининский устав—типичное детище крепостной торгово-капиталистической эпохи и может быть поставлен в один ряд с ремесленным уставом английской королевы Елизаветы 16 в. Подмастерья и ученики входили составным элементом в семью хозяина, мастера имели квартиру и общий с ним стол. Все это создавало для рабочих патриархальные отношения, несколько прикрывавшие ту фактическую эксплуатацию чужого труда хозяевами, которая так обнаженно проступает позднее, в эпоху настоящего промышленного капитализма.

25) Семевский, Очерки из истории приписных крестьян; его же, Крестьяне царств. Екатерины II.

26) Удинцев, Поссессионное право.

27) Дубровин, Пугачев и его сообщники.

28) Покровский, Рус. история с древн. времен

Цеховое устройство английской королевы и русской императрицы не были, конечно, средневековым, феодальным, обеспечивавшим сбыт на местный узкий рынок, оно не доходило поэтому до виртуозных тонкостей регламентации,—но вся власть в органах цехового управления фактически была у хозяев-мастеров, подмастерья были в полукрепостническом состоянии, а ученики являлись крепостными уже вполне, совершенно безоговорочно, хотя и временно,—до перехода в подмастерья. Хозяйская юстиция и полиция простирались в значительной степени на подмастерьев и уже вполне на учеников.

У крупных и средних бар-помещиков были свои крепостные ремесленники, которые и отбывали своеобразную ремесленную барщину, являясь обыкновенно «месячниками», т. е. получая месячину, содержание от господ. Их положение фактически мало чем отличалось от положения крепостных крестьян-земледельцев, притом те из них, которые являлись наиболее обездоленными, превращены были в несвободных рабочих плантационных владельческих хозяйств, не имея своих земельных участков и отдавая все свое рабочее время в распоряжение помещиков.

Таких крестьян месячников было в 18 в. впрочем сравнительно немного. Типична для того времени не плантационная система, а система крепостного барщинного труда с земельным наделом барщинного крестьянина. Мы имеем довольно яркий цифровой материал, характеризующий крепостную земледельческую барщину 18 века [29]), и напрасно заподозриваемый и дискредитируемый некоторыми исследователями [30]).

Если взять деление в 18 веке ставшее реальностью,—именно деление России на две экономические полосы—северную промышленную и южную земледельческую, то окажется, что крепостная барщина господствовала на юге и была почти в равновесии с оброком: в южной земледельческой полосе в среднем 74%, почти ¾ всех крепостных крестьян сидели при Екатерине II на барщине, тогда как процент барщинных крестьян на севере и в центре доходил только до 45, т. е. здесь на барщине сидели меньше половины крестьян, а на оброке несколько более половины. Но конкретные данные по отдельным губерниям были еще красноречивее этих суммарных, средних цифр. Так, в черноземной, земледельческой полосе были губернии — и их было не мало,—где 9/10 и даже почти все крепостное население сидели на барщине: там была острая нужда в рабочих руках. Но даже и в промышленном центре нередко процент барщинных крепостных был высок. Правда, в Ярославской губ. он понижался до 22-х, но уже во Владимирской 50% всех крепостных сидели на барщине, в Московской барщинные крестьяне составляли 64%, почти две трети, и в Тверской их было более трех четвертей всего крестьянского населения.

Как тяжел и продолжителен был барщинный труд 18 века? Ответ на этот вопрос дают свидетельства современников и известный указ императора Павла I 1797 г. о трехдневной барщине: барщина отнимала у

[29]) Семевский, Крестьяне в царств. Екатерины II.
[30]) Струве. Крепостное хозяйство в России.

крестьян обычно три дня в неделю, т. е. половину всего рабочего времени, если не считать воскресенья. Конечно, это было тяжело, но бывало и хуже: иногда барщина отнимала, если не считать даже упомянутых выше крестьян-месячников,—четыре и даже пять дней в неделю; причем, мелкопоместные дворяне больше злоупотребляли барщиной, чем дворяне, богатые землей. С другой стороны, встречались помещичьи имения, где применялась барщина более легкая, чем обычная трехдневная; иногда крестьяне работали на помещика только два дня в неделю. Это, в особенности, нередко встречалось в Малороссии, на Украине, на которую крепостное право, кстати сказать, распространилось формально именно при Екатерине II, в 1783 г. Для таких крестьян, находившихся на льготном положении, павловский указ о трехдневной барщине был злом, ухудшавшим их положение. Впрочем, хорошо известно, что этот указ вообще не исполнялся и, что, несмотря на его издание, попрежнему применялась более продолжительная, чем он устанавливал, барщина.

Известно, что кроме крестьян помещичьих, крепостных отдельных дворян, были в конце 18 в. еще крестьяне: государевы, кабинетские, находившиеся в ведении императорского кабинета, т. е. в частной собственности императора; удельные, т. е. находившиеся в имениях, доход с которых шел на содержание членов императорской фамилии, и государственные, жившие на государственной земле и считавшиеся крепостными государства. Кабинетские и удельные крестьяне и имения появились с Павла I, после издания им «Учреждения об императорской фамилии». Основной фонд их раньше составляли крестьяне и земли государевы и дворцовые. Государственные земли и крестьяне—это бывшие черные земли и черные люди. Каково же было положение труда на этих видах земельного владения и при этих формах крепостного состояния?

Оно имело много общего с положением крепостного труда в помещичьих имениях, только с одним исключением: барщины здесь было меньше, особенно, на государственных землях. Но она все-таки в 18 в. и здесь существовала: ее уничтожил только Киселев в 30-х годах 19 в. Приказчики и управляющие практиковали ее не только в пользу казны, уделов и кабинета, но и в свою собственную пользу. При том же, значительная часть государственных земель и крестьян и в 18 в. и особенно в 19 в. сдавались в аренду и эксплуатировались арендаторами так же крепостнически, сплошь и рядом, с применением барщины, как это делалось и помещиками на их собственных землях. Наконец, 18 век — эпоха расхищения государственных земель с сидящими на них государственными крестьянами: Екатерина и Павел роздали путем пожалования свыше 2-х миллионов душ государственных крестьян в помещичьи руки.

Вся эта гнетущая крепостная атмосфера оказывала определяющее влияние и на положение интеллигентского, умственного труда. Прежде всего был интеллигентский крепостной труд в непосредственном и прямом смысле этого слова: были не только крепостные ремесленники, но и крепостные артисты, художники, музыканты, певцы, учителя, врачи и даже ученые и инженеры. Их положение часто было очень тяжело и трагично:

Расширение умственного горизонта, усвоение культурных привычек, чувство собственного достоинства вступало в резкий конфликт с бесправным крепостным положением и очень часто дело разрешалось трагической развязкой, самоубийством или убийством угнетателей со всеми уголовными последствиями последнего для лица, его совершившего.

Но немногим лучше в барски-крепостнической атмосфере было и положение не крепостных, свободных интеллигентов, художников, ученых, артистов. Интеллигент 18 века должен был угождать «милостивцам», «вельможам» и вообще «господам» и «благородным». Искусство тогда, по выражению Державина, ценили, «как летом вкусный лимонад», оно было приятно, как сладкое питье, а наука рассматривалась как рассказ о вещах «куриозных», т. е. возбуждавших любопытство, тоже как бы забавлявших, почему в ней обращали на себя внимание уродства, исключения, раритеты Недаром кунсткамера Петра Великого представляла собою именно такое собрание «куриозных» редкостей. От поэта 18 века требовали льстивых стихов, от художника—прикрашенных льстивых портретов, от ученого почтительнейших посвящений и занимательных «куриозов». Их иногда приглашали к столу, и барин-диллетант удостаивал их покровительственного разговора. Но при случае не стеснялись поступать так, как поступил Волынский с Тредьяковским, академиком и «профессором элоквенции»,—побить палкой. Материальное положение ученых и вообще интеллигентов было очень незавидное, почти жалкое. И идейное их значение большею частью было ничтожно: они служили господам положения, вот и все. Даже морального утешения и самоудовлетворения было мало. Величайший и даже безотносительно к тому времени великий ученый 18 в. Ломоносов, замечательный химик и физик, сам—не за страх, а за совесть—восхвалял сильных мира сего.

Конец 18 в. и в отношении интеллигентного труда подарил нас двумя новыми явлениями, первыми настоящими представителями будущей демократической по настроению русской интеллигенции,—речь идет о Новикове и Радищеве.

Новиков не хотел служить господам положения, желал критически отнестись к ним и встать на сторону трудящихся и угнетенных. Эти его тенденции проявились прежде всего в его сатирических журналах. В противоположность «Всякой Всячине», журналу, вдохновительницей которого была сама Екатерина, и который или просто переводил английского «Спектатора» или, если и вводил оригинальный материал, то в «улыбательном духе», т. е. в крепостническо-барском направлении простой внешней забавы, праздного развлечения, Новиков пытался привить на русской почве общественную сатиру—на легкомысленное, пустое и скоропреходящее, модное «вольтерьянство», на злоупотребление крепостным правом и проч. Правда, ему скоро пришлось спустить тон и даже совсем прекратить выпуск своих журналов, но его деятельность в этом отношении все же являлась важным историческим прецедентом свободной демократической публицистики в России.

Он этим не ограничился. Он искал новых путей, нового идейного освящения своих чаяний. И он думал найти его в масонстве.

Но масонство Новикова было не теоретическим, а общественно-критическим. Он арендовал университетскую типографию в Москве, открыл книжную лавку, составил особое общество с целью издания и распространения полезных книг и переводов с иностранных языков. То не было служение ходячим, обычным вкусам и потребностям,—здесь преследовалась цель пропаганды и агитации. Новиков издал ряд источников русской истории («Древняя Российская Вивлиофика»), издавал научные и философско-религиозные сочинения, распространял среди читающей публики то, что считал полезным, даже помогал голодающим, когда Россию в 80-х годах 18 в. постиг неурожай и голод. Все это не прошло ему даром: за связь с масонством, за сношения масонов с Павлом его постигло разорение и потеря свободы. Типография у него была отнята, книжная лавка закрыта, как и «Дружеское общество», книги конфискованы, и сам он попал в Петропавловскую крепость, откуда вышел только при Павле, уже неспособным к работе стариком [31]).

Едва ли не трагичнее была судьба Радищева. В «Путешествии из Петербурга в Москву» и в «Оде на вольность» Радищев резко восстал и против крепостного права и против самодержавия и даже вообще против монархии. Он понял, что нельзя говорить о злоупотреблениях крепостным правом, что крепостное право—одно сплошное и цельное злоупотребление. За это он был приговорен к смертной казни, которую Екатерина заменила тяжелой ссылкой в далекий Илимск, в восточной Сибири. Радищев вернулся оттуда по смерти Екатерины с прежними вольнолюбивыми воззрениями, поступил на службу и здесь своими взглядами вызвал недовольство своего начальника графа Завадовского, который напомнил ему о бывшей ссылке и о возможности ее повторения. Это напоминание так на него подействовало что, вернувшись домой, он кончил жизнь самоубийством.

Так, крестным путем пошли первые шаги демократической интеллигенции в России. Надо, впрочем, заметить, что демократической она тогда была в первых своих проявлениях только по настроению и направлению, а не по происхождению: и Новиков, и Радищев принадлежали к среднему дворянству. Их деятельность служит, таким образом, признаком начинавшегося уже перерождения русского дворянства. Когда начинает изживать себя тот или другой общественный строй, тогда в среде класса, служащего его опорой, появляются признаки разложения и перерождения. Первыми ласточками этого нового в русском дворянстве процесса и были Новиков и Радищев: очевидно, в старом порядке России, достигшем в екатерининское время своего полного господства, апогея, вершины своего развития, стали появляться уже тогда же первые, едва заметные трещины.

Расширение этих трещин сильно отразилось на положении труда в России первой половины 19 в.

---

[31]) Лонгинов, Новиков и московские мартинисты, Боголюбов. Н. И. Новиков.

XIV.

Эпоха разложения крепостного строя.

П. Б. Струве в своей книге „Крепостное хозяйство в России" пытается доказать, что в первой половине 19 в. падение крепостного права не было подготовлено экономически, что, напротив, крепостное, в частности, барщинное хозяйство тогда было выгоднее хозяйства вольнонаемного, и что барщина даже сильнее распространялась насчет оброка. Другие исследователи смягчают эту характеристику хозяйства первой половины прошлого века, но не устраняют ее совершенно, допуская, что в 30-х годах наступила в России крепостническая реакция, вызванная понижением цен на хлеб на европейском рынке.

На самом деле, однако, все эти положения — и в их крайнем, и в смягченном выражении — совершенно не соответствуют действительности. Чтобы понять это, стоит только внимательнее присмотреться к относящимся сюда фактам.

Приводимые П. Струве данные, относящиеся к некоторым местностям Тверской и Псковской губерний, конца 18 и начала 19 в. указывают не на рост барщины, а на беспомощные метания помещиков-рутинеров, крепостников, от барщины к оброку и опять к барщине, чтобы спасти шатающееся уже крепостное хозяйство.

Мы имеем затем и прямые указания на уменьшение распространения барщины и на относительный рост оброка в ряде губерний и нечерноземной и даже черноземной России. Так, во Владимирской губернии к половине 19 в. барщинные крестьяне составляли уже только 30 проц. всех крепостных вместо прежних 50-ти, в Московской — 32 вместо 64-х, в Рязанской — 62 вместо 81. Только в восьми губерниях барщина возросла [32]), но это объясняется не большей выгодностью крепостного хозяйства, а тем, что черноземная полоса европейской России была слабо населена, и там ощущалась острая нужда в рабочей силе, так что в прибавок к крепостному труду здесь практиковался и усиленно применялся также и вольнонаемный труд рабочих, приходивших из Малороссии, Новороссии и других южных губерний, а также и с севера. Фактически, значит, и в этих барщинных, казалось бы, сугубо-крепостнических, губерниях, труд был в значительной степени вольнонаемный, не крепостной.

На подготовку падения крепостных хозяйственных порядков и отношений указывает и ряд фактов применения хозяйственно-технических улучшений в помещичьих имениях. Протопопей Самборский, будучи руководителем практической школы земледелия в д. Тярлевой, близ Павловска, применял там в 1797 г. семипольный севооборот. Бакунин в той же школе в начале 19 в. и в своем петербургском имении завел пятиполье.

[32]) Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения.

Бланкеннагель в 1792—1805 г.г. вел травопольное хозяйство с шестипольным, отчасти и восьмипольным севооборотом в сельце Дядинкове, Звенигородского уезда, Московской губ. По Ростопчину, в его время многие русские помещики заводили английское земледелие. Такая система существовала в подмосковном имении гр. Румянцева Кагул в 1806—1815 г.г. Четырехполье с травосеянием завел в 1807 г. Левашев, а с 1819 г. Самарин в с. Иванове, Ярославской губ., причем эти нововведения сохранились прочно—до нашего времени. В 20-х годах многополье и плодосмен практиковали калужский помещик Полторацкий, тверской—Шелехов, четырехполье существовало у Фрибе, Апраксина, Муравьева; у Давыдова был девятипольный севооборот. В 30-х годах встречаем плодосмен у Голохвастова, Каразина, Соковнина, Титова, у Кушникова в с. Перове, Яросл. губ. Многополье тогда существовало также в гжатском имении Мальцева, а у Миклашевского в Черниговской губ. плодосмен и машины увеличили урожайность на 37 проц. В 40-х и 50-х годах этот процесс улучшения земледельческой техники продолжался: это мы видим и у петербургского помещика Де-ла-Гарде, и у рязанского — Семенова, и у тульского—Хрущова, который завел молотилку, веялку, сортировку и маслобойку, и у тверского Воробьева, сеявшего клевер и распространявшего и между соседями улучшенные семена нюландской и пенсильванской ржи [33]). Надо при этом заметить, что хотя, конечно, бывали и неудачи, что неизбежно, но в общем новое хозяйство шло успешно, так что здесь нельзя опереться на отдельные примеры неудач.

Нельзя признать правильным и мнение о крепостнической реакции 30-х годов, вызванной падением цен на хлеб на международном рынке. Прежде всего, что такое реакция? В данной обстановке это было бы возвращение к положению 18 в., попятное движение русского хлебного вывоза сравнительно с 20-ми годами 19 в. Ближайшее знакомство с фактами ничего подобного не дает. По статистическим данным о внешней торговле в России оказывается, что хлеб составлял в 20-х годах 19 в. 7 проц. ценности всего русского вывоза; в 1830 г. он равнялся уже 26 проц. всего вывоза, в 1835 г. опять 7 проц. и потом стал постепенно повышаться, дойдя в 1840 г. до 17 проц. [34]). Итак, в начале 30-х годов вывоз хлеба сильно вырос, и если бы это сохранилось, крепостное хозяйство быстро пало бы, как это и случилось в 40-х и 50-х годах. Но повышение хлебного экспорта в 1830 г. было минутной случайностью. Она исчезла к половине десятилетия, когда дело свелось к возврату не положения 18 в., а того, что было в 20-х годах и опять на минуту; потом пошло нарастание постепенное, но неуклонное. Вообще же внешний вывоз хлеба из

[33]) Вернер, К истории крестьянского травопольного хозяйства: „Хозяин" за 1901 г., №№ 3 и 4; Бажаев, Крестьянское травопольное хозяйство; „Старина и новизна" (о Мальцеве); Герцен, Былое и думы (о Голохвастове); Багалей, Очерки из русской истории (о Каразине); Рожков, статья в Истории России в 19 в. изд. Бр. Гранат. т. II (по неизд. источн.).

[34]) В. Покровский, Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, т. I, Спб., 1902.

России в 30-х годах был все время не велик,—обычно вывозилось не более 10 проц. урожая, и потому этот вывоз не мог существенно влиять в то время на технику производства и формы хозяйства.

Это видно лучше всего еще и из того, что процесс разложения крепостного хозяйства только в первые двадцать лет 19 в. выразился в одних лишь технических улучшениях, в 30-х же, 40-х и 50-х годах более передовые хозяева-помещики почувствовали острую потребность также и в новых хозяйственных формах. Необходимость этого вытекала из несомненной невыгодности барщинного труда: в Тульской губ. у помещиков при барщине доход был вчетверо меньше, чем при сдаче в аренду; в Московском уезде вольнонаемный труд в 40-х годах давал втрое больший доход, чем труд крепостной; крепостное хозяйство в Рязанской губернии в 40-х годах давало 10 проц. чистого дохода, а вольнонаемное 20 проц.; в Саратовской губернии купеческие имения, работавшие свободным наемным трудом, давали 57 проц. дохода [35]). Понятно, что применение вольнонаемного труда в передовых помещичьих хозяйствах увеличивалось, причем сначала создавались переходные формы от крепостных к вольнонаемным. Это созидание переходных форм началось в 30-х годах и продолжалось позднее.

Первая из них состояла в том, что барщина не уменьшалась, даже увеличивалась, но крестьянам давалось для собственного их хозяйства гораздо больше земли, чем прежде и, таким образом, создавалось квалифицированное вознаграждение землей за лучшую обработку пашни; дошедшие до нас примеры этого относятся к Калужской и Ярославской губ. 30-х годов. Вторая переходная форма, имевшая место, напр., в 40-х годах в Московской губ., сводилась к тому, что крепостные сами барщины не отбывали, а нанимали вместо себя свободных рабочих. Третья состояла в обычном в 50-х годах во Владимирской и Черниговской губ. дополнительном найме помещиками свободных рабочих в прибавок к крепостным барщинникам. Наконец, нет недостатка и в указаниях на применение чистого вольнонаемного труда, без всякой примеси барщины. Так было в Нижегородской губ. у Чаадаева, в Рязанской у Александрова, в ряде имений Тамбовской губернии 50-х годов, наконец, в Тульской губ. у гр. Бобринского и Хрущова.

Так перед нами в ярких красках рисуется явление первостепенной важности: оказывается, что чем ближе мы подходим к половине 19 в., тем яснее становится, что даже все сколько-нибудь живое в помещичьей среде в той или другой мере перестраивало свое хозяйство на новые, свободные капиталистические формы. Крепостное хозяйство в чистом виде было уделом лишь помещиков-рутинеров, которые в сущности уже разорились, заложили и перезаложили свои имения, вырученные от залога деньги употребили не на улучшение и перестройку хозяйства, а просто их прожили. Такие рутинные хозяйства — их было большинство — могли

[35]) Заблоцкий-Десятовский, Гр. Кисел., т. IV, (прилож.); Рожков, История России в 19 в., изд. бр. Гранат, вып. 2-й.

еще кое-как жить при сохранении устарелых отношений,—новшества и особенно отмена крепостного права, если бы она была проведена последовательно и до конца, должны были их совершенно разрушить.

Таким образом, если даже оставаться лишь в рамках одного помещичьего хозяйства, то придется признать, что к половине 19 в. крепостное право являлось препятствием развитию производительных сил. Класс помещиков-крепостников не только перестал содействовать развитию производительных сил страны, но стал противодействовать этому развитию. Маркс указал, что это является об'ективной причиной смены господства одного класса господством другого [36]).

Такое положение тем более верно, что препятствуя развитию производительных сил в передовых дворянских хозяйствах, крепостное право уже в начале 19 в. было лишним, хозяйственно неоправдываемым бременем для хозяйства крестьянского. Это видно как из массы больших крестьянских волнений, число которых в первой половине 19 в. дошло до 556 [37]), так и из прекращения или по крайней мере замедления роста крепостного населения: между 9-й и 10-й ревизиями число крепостных не увеличилось [38]), и даже в 20-х годах крепостное население росло гораздо медленнее всего прочего: между 1815 и 1835 годами ежегодный прирост всего населения составлял 1,4%, а крепостного крестьянства только 0,9%. И, наконец, чтобы исчерпать до конца экономические причины, разлагавшие крепостное хозяйство и крепостное право, надо отметить еще развитие индустрии в России первой половины 19 столетия, причем здесь заслуживает внимания не столько количественный рост фабрик и числа рабочих, сколько новая техника производства и новые его формы, тесно связанные с техникой.

Русская фабрика уже с начала 19 в. стала переходить к машинному производству и паровым двигателям. Впервые это произошло в 1805 г. на хлопчатобумажной фабрике Осовского в Петербурге [39]), и с тех пор с каждым десятилетием и даже с каждым годом число фабрик, пользовавшихся паровыми машинами, непрерывно возрастало. Новая фабрика нуждалась и в новых вольных рабочих, способных к квалифицированному труду. И мы наблюдаем в первой половине 19 в. падение дворянских крепостных и поссессионных фабрик и замену их фабриками и заводами, основанными на применении вольнонаемного труда. Дворянские крепостные фабрики еще в 1825 г. составляли 35% числа всех русских фабрик: в 30-х годах процент их понизился до 15, а в 40-х до 5. Уже в 1825 г. 54% фабричных рабочих в России работали по вольному найму. В 1840 г. владельцам поссессионных фабрик разрешено было освобождать своих рабочих, и сразу же 103 фабрики — более половины всех поссессионных

[36]) Маркс, Критика политической экономии (предисловие).

[37]) Семевский, Крестьянский вопрос в России, т. II.

[38]) Милюков, Крестьяне („Энцикл. словарь", изд. Брокгауз-Ефрон).

[39]) Ляхов, Основные черты социально-экономических отношений при Александре I, стр. 113.

фабрик—перешли к вольнонаемному труду [40]). Вольнонаемный труд, как мы видели, не особенно редко встречался и прежде. Но теперь, когда крепостное хозяйство стало разлагаться и в земледелии и в индустрии, он становился уже явлением весьма распространенным, предвещавшим приближение настоящего производственного не торгового уже только капитализма—сельскохозяйственного и индустриального.

Рост нового вольнонаемного труда и был главнейшей чертой, характеризовавшей положение труда в эпоху разложения крепостного хозяйства. Само собою разумеется, положение вольнонаемных рабочих в то время было тяжелым: они были не организованы, малосознательны, не могли защищать свои интересы сколько-нибудь планомерно, настойчиво и массовым порядком, не единичными усилиями. Волнения и забастовки бывали, но как отдельные, исключительные явления, не характерные для того времени, которое имело все черты, типичные для эпохи первоначального накопления, хищнического капитализма на первых ступенях его развития. В то же время продолжалась эксплуатация кустарей скупщиками, торговым капиталом, через посредство старой, обычной домашней индустрии с ее крайней ростовщической эксплуатацией труда.

Н. Рожков.

---

[40]) Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I.

Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской железной дороги в 1859 и 1860 г.г.

I.

В конце мая 1860 г. военный министр был по телеграфу извещен наказным атаманом Донского войска о том, что партия рабочих в числе свыше 200 человек прибыла в Новочеркасск с постройки Волжско-Донской железной дороги и, принеся ему жалобу на крайне тяжелые условия работ на этой дороге, категорически отказывается вернуться на работы. По высочайшему повелению на место работ был командирован флигель-ад'ютант капитан Рылеев "для подробного исследования причин, по коим рабочие отказываются исполнять заключенные с подрядчиком условия, и немедленного удовлетворения их претензий, если они окажутся справедливыми". Пробыв среди рабочих целый месяц, Рылеев по возвращении в Петербург представил всеподданнейший рапорт, в котором, по его заявлению, "с полной откровенностью изложил все им виденное и найденное, не умея скрыть, что положение бедных тружеников, приведенных издалека, было главным предметом его попечения". Еще детальнее ознакомился с положением рабочих на Волжско-Донской железной дороге командированный вслед за возвращением Рылеева, по постановлению комитета министров, чиновник особых поручений при министре внутренних дел Арсеньев. Собранные ими обоими материалы рисуют жалкую картину жизни рабочих на постройке Волжско-Донской железной дороги [1]).

Линия Волжско-Донской железной дороги прокладывалась на протяжении 72 верст—от гор. Царицына до хутора Калач; из них 25 верст в пределах Саратовской губернии, а 47 верст в земле Донского войска. Дорога эта пролегала в местности нездоровой, пустынной, лишенной хорошей воды и всякой растительности. Строилась она (с 1859 г.) частной компанией, пользовавшейся правами, присвоенными государственным работам. Подряд на все работы, как по устройству полотна, так и по сооружению пристаней в Царицыне на Волге и в хуторе Калач на Дону, принял на себя крупный подрядчик Гладин, который, будучи занят выполнением ряда других казенных подрядов, поставил во главе дела по сооружению дороги своего родственника, вольноотпущенного крестьянина Головина.

---

1) Арх. департамента полиции исполнительной, отд. 1, ст. 2, дело № 3412 за 1860 год.

Зимою 1859 г. Головкин нанял в губерниях Вологодской, Тверской и Смоленской около 2000 землекопов, которых в начале весны согнал в Нижний-Новгород, откуда на баржах отправил вниз по Волге. С этого времени начинаются бедствия рабочих Волжско-Донской дороги. Они были размещены в двух баржах, — теснота была невероятная, люди буквально задыхались; на дорогу не было приготовлено нужного количества припасов, и рабочие все время плыли полуголодные. В конце апреля рабочие были высажены на берег и направлены в голую, бесплодную степь. На линии не оказалось ни провизии, ни помещений. Скудный царицынский рынок не мог удовлетворить большого спроса на продукты. Люди голодали. Так прошел май. Случайно добывавшиеся Головкиным продукты были дурного качества. Появились цынга и лихорадка. Число больных вскоре достигло 200. Медицинской помощи не было. С наступлением нестерпимой жары, доходившей в степи до 50°, положение рабочих стало катастрофическим: не было даже сараев, чтобы укрыться от нестерпимого зноя. Для ночлега были выкопаны ямы; в каждой яме, душной и зловонной, размещалось по 30 человек. В конце июля появились холера и тиф, которые стали косить истощенных недоеданием людей: ежедневно умирало до 20 человек. На всем протяжении работ имелись, в то время, только один врач и один фельдшер, а медикаментов почти никаких. Лазареты устраивались в шалашах, наскоро сколоченных и расположенных в самой нездоровой местности на реке (Карповке), где вода всегда гнилая, затхлая. Шалаши эти были тесны, низки, переполнены насекомыми; воздух в них был невыносимо спертый. Больные лежали на голых досках, — не было ни соломы, ни рогож для подстилки.

Видя столь возмутительное отношение к себе, рабочие пришли в отчаяние, — их долготерпение истощилось. Начались побеги. А Головкин, еще недавно сам работав "человеком свободного состояния", относился равнодушно к страданиям людей, еще так недавно ему близких, родных. Он видел только неуспешный ход работ,—наняв казаков, он расставил их по всем пунктам работ, и пошла казацкая нагайка прогуливаться по согнутым спинам измученных рабочих.

Начальник работ инженер Позенковский протестовал против возмутительного отношения Головкина к рабочим и настаивал на удалении его с работ, но подрядчик оставался глух к этим требованиям.

В середине июля в Царицын приехал председатель правления общества Волжско-Донской ж. д. генерал Мельников, любимый землекопами, которым он был хорошо знаком по работам на Николаевской ж. д. Благодаря Мельникову были кое-как устроены лазареты, улучшена пища и, вообще, проявилась некоторая заботливость о нуждах рабочих. Но передышка эта была непродолжительная. Вскоре в Царицын прибыл почетный директор правления жел. дороги, владелец значительного числа ее акций и царицынский откупщик, получивший громкую известность, Кокорев [2]). В качестве главного акционера Кокорев стал разъезжать по железной дороге, во все вмешиваться и выражать свое сочувствие "серому русскому чело-

2) В. А. Кокорев, сначала крупнейший откупщик, потом железнодорожный, банковский и нефтепромышленный деятель, в конце 50 годов прошлого столетия, приспособляясь к настроению момента, стал произносить „либеральные" речи, проникнутые заботой о „меньшем брате", мозолистыми руками которого он создал свое колоссальное состояние.

...ску", а проявлялось это сочувствие лишь в том, что он "из сострадания к бедным грузенщикам" стал щедро выдавать им деньги на водку и, кроме того, под видом улучшения быта рабочих уговорил царицынскую контору общества — ежедневно выдавать рабочим винную порцию за счет общества. Эта порция, увеличив доход кокоревского откупа, усугубила в рабочих страсть к вину и пьянство. Если в Кокореве рабочие без достаточного основания видели своего благодетеля, то в подрядчике они с полным основанием видели своего врага. Доверие к подрядчику было окончательно подорвано. Рабочие стали до срока уходить с работ. К 1 октября пришлось прекратить работы, что вызвало сильное падение цены акций, чем и воспользовался главный акционер Кокорев, скупивший акции по сильно пониженной цене.

Так печально для рабочих и неудачно для ж. дороги кончился первый год работ на этой дороге. Извлек выгоды только откупщик Кокорев.

Во все это время Саратовские губернские власти пребывали в полном бездействии, не принимая никаких мер к обузданию беззаконий и жестокости Головкина и выяснению причин, усилившихся особенно под конец сезона побегов рабочих (числю бегльцов превысило 300). Когда генерал Мельников обратился к Саратовскому губернатору Игнатьеву за содействием, тот проявил это содействие только тем, что командировал в Царицын своего чиновника, который стал получать жалованье от конторы подрядчика...

До Петербурга, где подготовка крестьянской реформы шла уже полным ходом, стоны рабочих, раздававшиеся в 1859 году на Волжско-Донской железной дороге, не дошли...

II.

Наступил 1860 год. Нужно было подумать о найме еще большего числа рабочих, чтобы работы на Волжско-Донской дороге пошли успешнее.

Порядок найма рабочих из государственных крестьян [3]) на железнодорожные работы был в то время таков. Обыкновенно наемщики набирали для своей деятельности местности, перед тем пострадавшие от несчастных случаев: неурожая, пожара, падежа скота и т. п. Наиболее "подходящими" признавались для этих "операций" месяцы январь и февраль — сроки взноса податей и истощения у крестьян скудных запасов хлеба: тогда крестьяне под гнетом нужды становились особенно сговорчивыми. Конкурренток наемщики тщательно избегали. Несмотря на отсутствие конкурренции и превышение спроса над предложением, когда условия найма чаще всего диктовались одними наемщиками, последние не обращались непосредственно к нанимавшимся, а предварительно входили в интимные беседы с местными волостными головой и писарем и уж после этого приступали к делу. Все переговоры с рабочими ограничивались соглашением о наемной плате; на все прочее нанимателя обыкновенно не скупились: тут бывали и обещание легкой работы, хорошего содержания, и подачки на водку, и преуменьшение расстояния до

[3]) О порядке найма помещичьих крестьян в настоящем деле не говорилось „в виду предстоящего скорого уничтожения крепостного состояния".

места работ. Если крестьяне находились в особенной крайности, то сравнительно легко соглашались на предложенную наемную плату; если же они соглашались не сразу, а предлагали свои условия, то на сцену выступали волостные головы и писари; стакнувшись с наемщиками, они пускали в ход угрозы немедленного взыскания податей и продажи убогого имущества крестьян. В результате наемщики получали на желательных им условиях нужное количество рабочих. Но наемная плата устанавливалась не свободным волеизъявлением обеих сторон, а фактически диктовалась одной стороной, наиболее сильной и неразборчивой в средствах. Словесные соглашения сторон часто облекались в письменную форму, что представляло новый источник бедствий для рабочих: при почти поголовной их неграмотности, в контракты включались такие условия, о которых они и не подозревали. Об этом знали только наемщики да волостные писаря...

По такому именно рецепту действовали зимою 1860 г. уполномоченные подрядчика Гладина. Обратиться в те губернии, которые изобиловали искусными землекопами, было рискованно, ибо вернувшиеся в 1859 г. с Волжско-Донской ж. д. с пустыми котомками изнуренные рабочие успели поведать окрестным крестьянам об условиях работ на этой дороге. Пришлось обратиться в такие местности, которым подвиги Головкина еще не были известны, хотя бы местные крестьяне и не были знакомы с земляными работами. Такими оказались наиболее отдаленные уезды Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний. Прибывшие туда агенты подрядчика Гладина, после надлежащих таинственных переговоров с волостными властями, и при добром содействии последних, наняли около трех тысяч рабочих по весьма сходной для подрядчика наемной плате, при чем установленные между сторонами словесные соглашения были в волостных правлениях — дополнительно, без непосредственного участия самих рабочих, изложены в контрактах, копии с которых не были выданы рабочим на месте. Получив небольшие задатки и удовлетворив ими некоторые наиболее неотложные нужды, рабочие в феврале 1860 г. отправились в далекий путь...

Задержанные сначала метелями, а затем весенним половодьем, рабочие, преодолев немаловерные невзгоды, прибыли в середине марта на место работ. Во главе работ оставался тот же Головкин, которого печальный опыт предыдущего года ничему хорошему и разумному не научил. К лучшему изменилась только постановка медицинской помощи, которую приняло на себя само общество дороги. Земляные бараки остались прежние. Проньянствовав в Царицыне всю зиму, Головкин с невозмутимым хладнокровием встречал прибывающих рабочих. Не заготовив для них ни доброкачественной пищи, ни жилищ, он приготовил им знакомую казацкую нагайку, прибавив к ней розги местной полиции. Головкин находил, что лучшее средство заставить "мужика" много и хорошо работать—строгость, грубость и кулачная расправа. В этом духе действовал он сам, а также его подручные, приказчики и десятники, творившие его волю.

Рабочие были распределены на десяти пунктах: 4 пункта в Царицынском уезде и 6—в земле Донского войска. Наказный атаман кн. Дундуков-Корсаков, от которого дошли сведения о подвигах Головкина в 1859 г., назначил в хутор Калачь особого пристава и 50 казаков, предписав им наблюдать за спокойствием на линии работ, "отнюдь не прибегая к мерам принудительным, а тем менее жесто-

ним". В Царицыне же продолжали царить прежние порядки. Казаки были снова приняты Головкиным, а городничий, капитан 2-го ранга Трескин, личный приятель Головкина, обещал свое полное содействие для содержания рабочих в беспрекословном повиновении, прося присылать к нему в город всех рабочих, в чем-либо провинившихся перед Головкиным и его помощниками.

28 марта перед началом работ был совершен молебен. Вслед затем рабочих основательно угостили водкой; все сильно перепились и вечером возникла драка: две артели числом около 200 чел. пошли одна на другую, вооруженные—ломами и палками: один рабочий был убит на месте, двое сильно изуродованы, а многие ранены более или менее опасно. Деньги сделали свое: виновных не оказалось. Убитого похоронили, раненых подлечили и затем отправили на родину. На другой день протрезвившиеся рабочие приступили к работе.

За первым же обедом рабочие убедились в недоброкачественности пищи, она ухудшалась с каждым днем (давали тухлую солонину, из которой часто сыпались черви). Вскоре обнаружился новый повод для неудовольствия рабочих: при найме им было обещано возвратить половину путевых харчевых денег, но Головкин отказался исполнить это. Первоначально задаваемые уроки были умеренные, но постепенно их стали увеличивать, и вскоре довели до крайне обременительных размеров. Тогда рабочие потребовали выдачи им копий заключенных контрактов, ссылаясь на то, что при словесных с ними соглашениях их нанимали "безурочно". Впервые ознакомившись тогда с содержанием заключенных от их имени контрактов, рабочие обнаружили полное несоответствие с словесными соглашениями: включена была круговая порука; вместо 6 и 7 месяцев работы оказалось 8 и 9 месяцев; срок выдачи денег и самое количество их изменены в ущерб рабочим; включены вычеты дождливых, "больных" и праздничных дней и другие отяготительные условия, о которых рабочие не имели понятия.

Между тем, пища все ухудшалась; уроки все увеличивались. Грубое, жестокое обращение Головкина и его подручных с рабочими становилось все чувствительнее,—придирки делались все острее, — с особенной тщательностью делались вычеты за малейшую недовыработку непосильных уроков, дождливые и больные дни и т. д. Рабочие поняли, что при таких условиях они не только не выработают условленной платы, но многие из них не отработают даже полученных ими задаточных сумм. У многих родились опасения, что они даром проработают все лето. С половины апреля рабочие толпами стали являться в контору, прося расчета и отпуска домой. Головкин выгонял рабочих с бранью и побоями, а более настойчивых отправлял к городничему на расправу. Городничий же, не разбирая, в чем дело, даже не выслушивая рабочих, сек их жестоко. Эти экзекуции производились в присутствии рабочих ближайшего пункта, которых по требованию городничего выгоняли смотреть на "суд божий".

На истязания рабочие отвечали побегами; сначала побеги были незначительные,—в течение апреля бежало с работ 36 человек; потом из Царицына бежало сразу 66 человек. По мере усиления побегов увеличивались жестокости и глумления над рабочими: казацкая нагайка и кулаки Головкина и его помощников действовали неутомимо, а городничий сек рабочих почти ежедневно. Побеги стали совершаться ежедневно.

III.

23 мая ушли с ближайшего к Царицыну пункта 204 человека "без бунтов и дерзости", заявив приказчикам, что они идут в Новочеркасск просить суда и защиты у наказного атамана. Головкинские приказчики погнались за рабочими: преследуя их на расстоянии 100 верст, они уговаривали сопровождавших их в пределах Донской области казаков силою оружия вернуть беглецов на работы: но Донцы, помня приказания своего атамана не прибегать к насильственным мерам, отказались исполнить просьбы.

Беглецы под конвоем казаков добрались до Новочеркасска. Наказный атаман выслушав рабочих, нашел их жалобы справедливыми; тем не менее он уговаривал их добровольно вернуться на работы, обещая им посодействовать облегчению их положения. В течение трех дней убеждения кн. Дундукова-Корсакова были безуспешны (он тогда, как выше указано, и телеграфировал военному министру): рабочие не принимали никаких обещаний, говоря: "Пусть нас накажет правительство, а сами на каторгу не пойдем; пусть ведут нас туда силой, если хотят". Только на четвертый день атаману удалось уговорить рабочих вернуться в Царицын под условием, что он дает им проводника, "который будет действовать от его имени и обеспечит их будущность на прочных основаниях". Это "щекотливое дело" атаман поручил войсковому старшине Полушкину, который весьма успешно и добросовестно выполнил возложенную на него миссию. Во время пути Полушкин до того привязал к себе рабочих, что они единодушно доверили ему окончить дело по его усмотрению. Полушкин оправдал доверие рабочих. Он уговорил, прибывшего к тому времени на работы молодого Гладина заключить с возвратившимися 204 рабочими новое условие, которым рабочим были обеспечены и бездоимочная плата, и хорошая пища, и мягкое обращение. Эти крестьяне оказались вскоре лучшими и аккуратнейшими работниками.

Между тем, по настоянию начальника работ полковника Семичева Головкин был, наконец, смещен и заменен сыном подрядчика Гладина; но фактически Головкин продолжал еще вмешиваться в дело. На другой день после ухода 204 рабочих в Новочеркасск 24 мая к молодому Гладину явились около 100 рабочих и в самых вежливых выражениях просили его о выдаче им некоторой суммы денег для высылки семействам. Гладин, еще мало знакомый с положением дела, уговорил рабочих обождать ответа во дворе конторы; но, подстрекаемый Головкиным, отправился к городничему, которого просил по рассмотрении претензии рабочих разъяснить им несогласие этой претензии с заключенными контрактами. Городничий, предписав начальнику инвалидной команды немедленно прибыть с вооруженной командой в дом конторы "для усмирения взбунтовавшихся рабочих", сам отправился туда с надлежащей полицейской "свитой" и пуками розг. Инвалидный начальник с 40 вооруженными солдатами не заставил себя ждать. По приказу городничего ворота были заперты на замок; у входов стали часовые с ружьями. Остальные солдаты окружили стоявших безмолвно, об'ятых ужасом, рабочих. Тут же во дворе очутился Головкин. Чуя беду, рабочие бросились на колени, умоляя не бить их, а выслушать и разобрать их дело. Но городничий, не прочитав даже контракт[illegible]

с рабочими, приказал приступить к экзекуции. Головкин и его десятские вытаскивали за бороды и волосы из толпы стоявших на коленях рабочих и тащили их к месту. Городничий, даже не спрашивая, что сделал тот или другой, приказывал дать подводимых. Давали по 75, 100 и 150 розог; наказывали жестоко, ибо городничий беспрерывно кричал: "катай сильней", угрожая избить тех служителей, которые будут сечь слабо. Так пересекли 15 человек. Одного 65-летнего старика наказали дважды за то, что он доказывал неправильность наказания. Бывшие тут жена и сына его просили наказать их вместо отца, но городничий с ругательством прогнал их. Когда не хватило приготовленных розог, стали резать прутья из растущего во дворе кустарника и простых метел. Во время экзекуции городничий многих бил и трепал за бороды. По окончании истязания он приказал инвалидному начальнику отвести под конвоем всех наказанных и бывших во дворе рабочих на место работ. Гладин при наказании не присутствовал, но до начала экзекуции он спрашивал городничего не производить наказания во дворе конторы, говоря, что это не лобное место. Но городничий ответил: "я градоначальник; где я, там полиция".

В день наказания была в Царицыне ярмарка. Дом конторы помещался на ярмарочной площади. Крики и стоны истязуемых собрали огромную толпу народа, вызвав всеобщее негодование: женщины рыдали. "Надо удивляться одному, — говорится в оффициальной записке, — как это варварское истязание не вызвало общего восстания в народе".

Четверо из наказанных поступили в лазарет. Гладин, "скорбя о случившемся", выдал всем наказанным по 15—25 руб. и отпустил их домой, уплатив им за лето.

Слух об истязании рабочих облетел всю линию работ, возбуждая всюду волнения. Убедившись, что в Царицыне нет ни суда, ни правды, и другие рабочие стали готовиться в путь, решив покинуть Волжско-Донскую дорогу. В ночь с 25 на 26 мая с двух ближайших к Царицыну пунктов снялась партия в 140 человек. То были крестьяне Воронежской губернии. Пустились они в путь Донскими степями, простившись с товарищами. Когда на утро Гладин узнал о новом побеге рабочих, он в письменном заявлении на имя Царицынского исправника просил "законного содействия к возвращению бежавших". Несмотря на протест начальника работ, полковника Семичева, настаивавшего на производстве предварительного дознания о причинах побега столь значительной партии рабочих, исправник решил немедленно прибегнуть к содействию военной силы для возвращения беглецов, и потребовал от начальника местной инвалидной команды присылки 50 солдат "для усмирения бунтующихся и бежавших рабочих". По настоянию исправника в эту "карательную экспедицию" вместе с должностными лицами отправился и Головкин, вопреки желанию Гладина, знавшего глубокую ненависть рабочих к нему. Но тут, для поддержания в солдатах воинственного духа, два раза Головкин поил их водкой на гладинские деньги. На другой день настигли рабочих. Был составлен "стратегический план атаки": исправник вместе с Головкиным отправился в ближайшие села за понятыми, чтобы ударить с ними на беглецов с тыла, а инвалидный начальник должен был со своими солдатами идти беглецам на встречу. Когда показалась медленно и спокойно подвигавшаяся толпа рабочих, инвалидный началь-

...ик велел солдатам сойти с телег и, построившись в боевой порядок, идти на встречу рабочим. Последние, видя, что солдаты идут прямо на них, находясь на... расстоянии не более ста шагов, стали кричать: "Не подходите, не троньте нас, мы не остановимся и ни за что не вернемся". Но солдаты шли вперед. Сомкнутый ряд штыков и грозящая смерть побудили рабочих стремительно броситься на солдат. Чтобы проложить себе дорогу, они стали бить по штыкам ломами и палками, взятыми ими при побеге с дороги. Солдаты бросились в рассыпную, стараясь скорее добраться до телег, от'ехавших в сторону. Рабочие пошли дальше (двое рабочих были ранены штыками, — один в щеку, другой в руку). Тогда инвалидный начальник приказал зарядить ружья и двинуться за отошедшими уже на версту рабочими.

Расстояние между рабочими и их преследователями стало быстро уменьшаться. В это время вдали показались исправник и Головкин в сопровождении ста крестьян-понятых на лошадях. Появление Головкина, точно искра, попавшая в порох, моментально вызвало взрыв: увидев своего злейшего врага, рабочие пришли в неописуемую ярость. Между тем солдаты, выстроившись в две линии, заградили рабочим дорогу штыками. Тогда рабочие — с криками: "Перебейте нас всех, мы не сдадимся!" — снова бросились на солдат, с ожесточением пустив в ход ломы, камни и палки. Солдаты и на этот раз разбежались, беспорядочно стреляя в толпу. Двое рабочих упали, — один раненый в грудь, а другой с оторванным на ноге пальцем. Простившись с ними, рабочие пошли дальше.

Исправник стал уговаривать их вернуться на работы. Сперва его встретили свистом и камнями; но потом трое рабочих, отделившись от толпы, подошли к нему и решительно заявили, что в Царицын ни в каком случае не вернутся: "Пусть нас судит начальство на нашей родине, если мы виноваты, — сказали они, — мы не останемся здесь, где нас бьют и убивают без суда". Растерявшийся исправник понял бесцельность преследования рабочих, которое он велел немедленно прекратить. На следующий день карательная экспедиция, по оффициальному заявлению, "лишенная всякого смысла, всякого понятия о правде, долге службы и присяги", вернулась в Царицын, причем на обратном пути Головкин солдат уже водкой не поил. Раненый в грудь рабочий на другой день умер, а раненый в ногу после первой помощи был посажен в тюрьму, откуда его впоследствии освободил прибывший в Царицын флигель-ад'ютант Рылеев. Остальные 138 рабочих благополучно добрались домой, питаясь подаянием. Они не только не совершали насилий, а даже обходили посевы, дабы не измять их...

IV.

Между тем, рабочие, оставшиеся на Волжско-Донской дороге, продолжали волноваться. Условия работы, в связи с репрессиями были таковы, что можно было ожидать нового, еще более сильного взрыва. Атмосфера все более накалялась. Побеги рабочих совершались ежедневно. Последняя значительная партия (48 человек) ушла 19 июня.

В этот день неожиданно из Петербурга в Царицын прибыл флигель-адъютант Рылеев, командированный, как выше указано, по высочайшему повелению "для немедленного удовлетворения претензий рабочих, если они окажутся справедливыми".

Приезд Рылеева произвел на рабочих успокоительное действие. Он ежедневно появлялся среди рабочих на линии, выслушивал их претензии и настоял на немедленном улучшении условий их жизни и труда. Уроки были сбавлены, пища улучшена; Головкина, наконец, фактически удалили от дела; были сменены все приказчики и десятники, действовавшие в головкинском духе. О казацких нагайках и полицейских розгах не было больше помина. Прекратились и записи в расчетные книжки дождливых и больных дней. Пробыв среди рабочих целый месяц, Рылеев оставил работу на Волжско-Донской железной дороге в полном ходу.

Представитель министерства вн. дел Арсеньев приехал на Волжско-Донскую дорогу через полтора месяца после отъезда Рылеева, т. е. к началу сентября, остался там тоже целый месяц и проделал огромную работу не только по обследованию быта рабочих, но и по выяснению роли местных и губернских властей, для заклеймления которых нашел надлежащие выражения.

На всей работе Арсеньева лежит печать эпохи, когда подготовлялась крестьянская реформа. В неравной борьбе двух сил—капитала и труда, симпатии Арсеньева на стороне более слабой, что не помешало ему быть в должной мере объективным и по отношению к другой стороне. Описав яркими штрихами все, что творилось на Волжско-Донской железной дороге за два строительных периода, Арсеньев в своих конфиденциальных письмах, докладных записках и затем рапорте министру внутренних дел отметил, что он застал всех рабочих (около 2700 человек) хотя исправно работающими, но в тревожном ожидании обещанного им Рылеевым именем государя строгого расследования дела о контрактах, неправильно составленных в волостных правлениях. Когда же ко времени отъезда Арсеньева выяснилось, что чиновник министерства государственных имуществ, на которого было возложено это расследование, все еще не прибыл в Царицын, произведя расследование на местах — в Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерниях. между тем как многие рабочие, не признававшие контрактов, как составленных без их участия, заявили, что после 1-го октября они ни в каком случае не останутся, Арсеньев обязал подпиской Гладина отпустить беспрепятственно, с учинением надлежащего расчета, тех рабочих, которые после 1-го октября не пожелают остаться на работах. Этим воспользовались 550 рабочих, уход которых совершился без всяких осложнений. За все же время пребывания среди рабочих Арсеньева не было ни одного побега.

Характеристику местных и губернских властей Арсеньев, на основании тщательно собранного следственного материала, дал самую мрачную: против царицынского городничего Трескина гоголевский городничий — агнец невинный. Если в деле о беспорядках на Волжско-Донской железной дороге губернатор Игнатьев обнаружил преступное бездействие,—ибо в этом деле он проявил активность только в распоряжении о заключении в тюрьму раненого солдатами 27 мая 1860 года рабочего (о чем указано выше), то в прошлой служебной деятельности этого гу-

бернатора, благодаря следствию Арсеньева, вспыли на свет божий и активные грехи [4]).

Светлым явлением на темном царицынском фоне Арсеньев рисует инженерное начальство: начальники Волжско-Донской дороги—в 1859 г. Позенковский и в 1860 г. Семичев пользовались расположением и доверием рабочих, к которым они относились с полным сочувствием. Но эти лица ничего активного, существенного для рабочих не могли сделать, ибо продовольствие и вообще материальное обеспечение рабочих лежало исключительно на подрядчике, а царицынский городничий с ними совершенно не считался.

В заключение Арсеньев посвятил несколько слов царицынскому откупу — местной "язве". Перед самым приходом рабочих на железную дорогу в 1860 г. "филантроп" Кокорев распорядился о понижении цены ведра водки до 2 р. 75 к. Страсть к водке немедленно усилилась и вскоре сделалась всеобщей. В праздничные и воскресные дни между рабочими стали возникать беспрерывные драки. Когда же народ "вошелся", цена на водку постепенно стала увеличиваться, а ко времени пребывания на Волжско-Донской дороге Арсеньева ведро самой скверной водки стоило уже 5 р. 50 к. В июле в Царицыне опять появился Кокорев. Опять полились его сладкие речи в защиту "меньшого брата". Опять щедрой рукой стал он сыпать рабочим деньги на покупку его же водки. Желая повторить прошлогоднее "благодеяние", Кокорев попытался опять ввести винную порцию для рабочих за счет общества; но, благодаря энергичному протесту начальника работ Семичева, на сей раз ему это не удалось. О колоссальном размере царившего в Царицыне и его окрестностях пьянства говорят следующие красноречивые цифры: годовая обязательная пропорция по Царицынскому откупу была 33.000 ведер, а между тем с января по сентябрь 1860 г. было выбрано сверх этого обязательного количества 36.557 ведер. "Рабочие пропивают все свои трудовые деньги, и можно с уверенностью сказать, что они вернутся в свои родные деревни с пустой сумой, с здоровьем, вполне расшатанным тяжелым трудом, разными лишениями и особенно филантропическим напитком Кокорева, убивающем в простом русском народе его хорошие стороны: откуп в огромных барышах, а рабочие без гроша и без нравственности",—с грустью заканчивает Арсеньев.

Расследование царицынской эпопеи имело своим непосредственным последствием удаление от занимаемых должностей саратовского губернатора Игнатьева, царицынского городничего Трескина и других прикосновенных должностных лиц. Вслед затем над ними было снаряжено формальное следствие, к которому, разумеется, был привлечен и злой гений этого дела Головкин. Губернатора постигла кара в административном порядке: сенат полагал—признать его уволенным без прошения и об'явить ему выговор; но по настоянию комитета министров, согласившегося с представлением министра внутр. дел, наказание было ограничено

[4]) По распоряжению этого губернатора была по наказании розгами заключена в тюрьму, где содержалась в течение пяти лет крестьянская девица, пожаловавшаяся на своего помещика за растление ее, каковую жалобу местный предводитель дворянства, местный же помещик, признал несоответствующей действительности; мать этой девицы была по тому же делу сослана в Сибирь. Между тем впоследствии была с несомненностью установлена правдивость этой жалобы.

строгим выговором (в 1864 г.). Впоследствии государь признал губернатора, во внимание к его 40-летней службе, уволенным по прошению с назначением ему пенсии. Судебная волокита дореформенного суда над остальными участниками затянулась на целых десять лет: в 1870 году дело в ревизионном порядке докатилось, наконец, до сената; но главные действующие лица Трескин и Головкин умерли, не дождавшись приговора. Что касается откупщика Кокорева, то комитет министров отнесся к нему с чисто-отеческой нежностью постановив: "о поступках содержателя царицынского винного откупа Кокорева поставить в известность министра финансов для распоряжения о внушении Кокореву, что собственная его польза, как главного акционера Волжско-Донской жел. дороги, требует, дабы успешному окончанию ее не препятствовали злоупотребления откупа".

Дело Волжско-Донской железной дороги имело и более серьезные последствия: оно вынудило правительство в срочном порядке подойти вплотную к урегулированию вопроса об отношениях между работодателями и рабочими.

Л. Айзенберг.

Основы социальной организации педагогического труда в 18—19 веках.

В производстве и, особенно, в распределении духовных ценностей в обществе одно из видных мест занимает труд педагогический. Две стороны надо различать в его истории.

Историю педагогического труда можно понимать, прежде всего, как историю педагогической науки, постепенно расширяемого круга научных знаний и методических приемов, с помощью которых педагог осуществляет свои воспитательные и образовательные задания. Вместе с тем, как и всякий другой вид человеческого труда, педагогическая профессия всегда тесно связана с определенной социальной средой. Направление и характер педагогической работы в значительной степени зависит от того, в каких отношениях педагогическая среда стоит к той социальной среде, которую она своей работой обслуживает, и к государственной власти, которая подчиняет эту работу нормам государственной службы. Совокупность таких вопросов о социальном составе педагогической профессии, об ее положении в цельном общественном организме, о формах государственной регламентации педагогической работы составляет общую проблему, которую можно обозначить, как проблему "социальной организации педагогического труда".

В своем конкретном воплощении, в живом образе педагога, педагогический труд стоит на границе науки и искусства. Наука вооружает педагога фактическими знаниями, в кругу известных научных дисциплин, и логически обоснованными методами. Но плодотворное их применение на практике требует такой силы интуиции при встрече с детской и юношеской психикой, такой находчивости и вдохновения, которые делают педагогическую практику не только методически проводимой научной работой, но также творчеством, имеющим все свойства того, что называется искусством. Ясно отсюда, что педагогический труд принадлежит к тем высшим видам человеческого труда, подлинным источником которых является личное призвание, прирожденный склад и направление духовных способностей. Но в реальной жизни педагогический труд крепко связан интересами и отношениями определенной социальной среды и государственной власти. В этой антиномии свободного устремления личных духовных способностей педагога и связанности его социальными и государственными отношениями лежит глубокий корень исторически развивавшейся проблемы о педагогическом труде.

В древней Руси, до 18 века, педагогический труд не выделялся в особую профессию. Он тесно сливался с церковным пастырством и учительством, ибо все

просвещение древней Руси находилось в руках церкви. Традиция церковного учительства не была прервана и в эпоху петровских реформ, когда дело школьного образования берет в свои руки государство. Публицисты этой эпохи, например, И. Т. Посошков, стоявшие на почве старой культурной традиции, искавшие "правды господней", оставляли все дело образования народной массы в руках духовенства. И государственная власть с своей стороны даже понуждала духовенство продолжать и развивать дальше его деятельность на этом поприще. Новгородский митрополит Нов сообщал в 1710 г., что государевы писцы "неволили" священников на всяком погосте школы строить. Педагогическая деятельность духовенства осталась не регламентированной государственным законодательством в смысле отделения педагогических функций духовенства от церковно-пастырских. Светская же педагогическая профессия начала складываться в последовательности петровских реформ в процессе создания государственной школы. Быстро развернувшаяся в обстоятельствах Великой северной войны государственная потребность в разнообразных технических знаниях, преимущественно связанных с военным делом, и полное отсутствие чего-либо похожего на техническое образование в Московской Руси, заставили начать дело с простейших и самых грубых по существу и по форме опытов для подготовки специалистов для государственных надобностей. Слово "наука" стало употребляться в обыденном, элементарном смысле практического обучения какому-либо полезному знанию. Появились выражения: "барабанная" наука, "драгунская" наука, "огородная" наука. При таком грубом отожествлении "науки" со всяким практическим обучением известному мастерству учительский труд не мог выделиться в самостоятельную профессию. Всякий мастер, будь то офицер, чиновник, техник, выступал учителем и педагогом всякий раз, как ему поручалось обучать молодежь тому или другому мастерству.

Но быстрая эволюция государственного интереса и расширение культурного горизонта во вторую половину петровской эпохи дали новую постановку вопроса об "образовании". В нем начинают различаться две стороны: практическая и теоретическая. Цель подготовки к практической деятельности поднимается над уровнем шаблонного ремесленничества. Эта цель — уже в подготовке самостоятельного мастера, обладающего инициативой, способностью самостоятельного подхода к работе. А такая способность требует теоретических знаний. Только на почве известной теоретической подготовки обучение ремеслу вырастает в техническое образование.

В то же время крепнет сознание необходимости общего образования, дающего новое, светское миросозерцание, воспитывающего в правилах "людскости", культуры. Но это новое, общее, светское образование еще не может быть единым для всех классов общества. Оно распространяется на высшие только круги, преимущественно на дворянство, и принимает сословный характер. Народная масса остается при старом церковном просвещении.

Таковы важнейшие условия, в которых вырастает светская "школа" в обычном смысле слова, как учреждение, дающее не простую ремесленную выучку, а именно образование, построённое на теоретической основе, сообщающее не только знания, но и определенную выправку и настроенность всем духовным силам чело-

века, т. е. учреждение не только обучающее, но и воспитывающее. Тогда то вырастает потребность и в особой педагогической профессии.

Соответственно первому заданию новой светской школы — пересадить на русскую почву западную технику и культуру, и первую роль светского наставника берет на себя в России иностранец. Можно различить два типа наставника иностранца в 18 веке. Первый тип — это учитель-техник или инструктор, непосредственно обучающий известному техническому мастерству. Другой тип — в тесном смысле педагог-воспитатель, преимущественно в семье. Деятельность первого типа регулировалась условиями ведомственной службы, к сфере которой относились те или другие школы. Второй тип был поставлен законом под известный контроль, дабы в общество не проникали всякого рода проходимцы. В то же время возникает вопрос о создании собственных доморощенных учителей и воспитателей. Но вращается этот вопрос сначала в узкой сфере культурных интересов дворянства.

Для дворянства проблема воспитания тесно связывалась с развитием его сословного самосознания. Дворянство первое, с точки зрения своих сословных интересов, оценило значение воспитательных элементов в деле образования. Первым заговорил о подготовке русских педагогов виднейший представитель дворянской идеологии первой половины 18 века, В. Н. Татищев. Отмечая преобладание учителей иностранцев, он находил нужным, "чтобы при оных хотя половина была русских таких, которые склонность к наукам имеют и к тому могут из первых обученных и несколько в армии служивших употребиться". На будущее время, по мнению Татищева, "можно из гимназий подлых, взяв в каждую науку человека по два, в помочь иностранным употребить, и тако чаятельно своих учителей со временем довольно способных получить". Наконец, он предлагал при дворянских училищах содержать по нескольку учеников "из убожества", которые бы более к наукам прилежали, учителям помогали и сами впредь могли бы сделаться совершенными учителями. Так намечалось первое социальное ядро, из которого должна была развиться педагогическая профессия. Таким ядром оказывалась "подлость", "убожество" или беднота.

Всесторонне и глубоко принципиально вопрос о педагогической профессии поставлен был в эпоху Екатерины II. В это время его разрешение стало в зависимость, с одной стороны, от нового педагогического идеала, с другой — от окончательной сословной кристаллизации русского общества. Новый педагогический идеал, пересаженный на русскую почву из педагогического движения в Зап. Европе, был утопичен. Он требовал ни более ни менее, как создания "совершенного человека и гражданина", "новой породы отцов и матерей". Как резкая реакция против одностороннего технического уклона первой четверти 18 века, теперь решительно провозглашался приоритет морального воспитания перед формальным умственным развитием. Все многочисленные проекты просветительных реформ Екатерины II исходили из одного принципа, что "корень всему злу и добру — воспитание", что "украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает", что "прямого в науках и художествах успеха нельзя и ожидать без доброго воспитания".

Соответственно такому принципу освещался и образ педагогического труда. Задача наставника юношества указывается теперь не в том, чтобы "словесно толковать детям правила нравоучительной философии", но "самым делом вести жизнь младенца, ему препорученного, исправляя повсечасно или, лучше сказать, поосемминутно его сердце". Новый педагогический идеал требовал наставников, которые "имели бы просвещение в науках нравоучительных и были разумные и проницательные испытатели сердца человеческого", с внутренними качествами ума и сердца соединяли бы "наружные совершенства, достоинство и важность".

На какую социальную среду мог опереться столь высокий педагогический идеал?

В то самое время, когда этим новым идеалом освещалось все новое направление политики просвещения, в 1760—1770 годах, усиленно разрабатывалось сословное законодательство. Сословия же рассматривались в данное время не только как юридические организации, но вместе как носители известной культурной идеологии и традиции. Завершающим моментом в сложении сословного строя в данное время было ясное развитие сословного самосознания. В "Наказе" Екатерины II каждому сословию усвоялся определенный моральный принцип: дворянству—благородство, "среднему чину"—мещанству—трудолюбие и добронравие.

Основная воспитательная проблема новой политики просвещения и завершение сословной кристаллизации русского общества тесно связывались между собой. Самая характерная и самая трудная задача сословной политики екатерининского времени, "создание среднего чина", ставилась в прямую зависимость от успеха новой политики просвещения. Виднейший представитель этой политики И. И. Бецкой говорил: "тщетно бы ласкали мы себя желанием вскоре завести третий или средний чин народа. Но дабы теперь к достижению сего намерения сделать некоторое начало или приуготовление, то надежнейшего средства нет, как токмо стараться отменное учредить воспитание". Практическая цель образования среднего чина полагалась в том, чтобы "произвести людей, способных служить отечеству делами рук своих в различных искусствах и ремеслах", моральная или собственно педагогическая в том, чтобы "составить в них разум и сердце так, чтобы они не только сами себе полезны, но и добрыми христианами и верными гражданами были". Проектировался, в виде "нравоучительной книжки", особый кодекс мещанской морали, приспособленный к психологии среднего чина людей и составленный так, чтобы "оное (нравоучение) руководствовало им в жизни, сходственной с определенным состоянием". Предусматривалось при этом, что мещанам не следует раскрывать теоретических оснований морали, "но только то надобно просто и явственно представить, что ощутительно и что дети разуметь и исполнять могут во всю свою жизнь. Не должно себе воображать, что курс морали или весь порядок правоучения им надобен. Время только на то потеряно будет, хотя бы и учители способны были к тому обучению".

Глубже и шире раздвигалась педагогическая проблема для дворянства. Заключалась она в том, чтобы развить заложенное стихийно в природе дворянства специфическое "благородство" и поднять его до высоты сознания, как необходимое условие всего "права дворянского". В 1763 г. особой комиссии предписано

было пересмотреть манифест Петра III о вольности дворянской с точки зрения "переменившегося уже государственного положения и воспитания благородного юношества". Комиссия поставила своей задачей "изобрести такие права, по которым бы вольность дворянская в Российском государстве сопряжена была с усердием к службе военной и гражданской своего отечества не от иных причин, как только от вкорененного уже воспитанием видимого честолюбия, не стесняя ничем иным вольности дворянской".

Наконец, для крестьянской массы новый педагогический идеал не открывал по существу никаких новых горизонтов. Эта масса оставлялась при старой традиции элементарного обучения в духе древней церковности.

Заимствованный с запада педагогический идеал воспитания "естественного" человека сам по себе был утопичен. Но применение его к очерченным сейчас условиям русской действительности давало один существенный реальный результат. Педагогическая проблема в свете этого идеала получала самостоятельное психологическое обоснование и освобождалась от одностороннего гнета внешних интересов—церковного, государственного, узко сословного. И педагогическая профессия получала теперь самодовлеющую ценность. Педагог вырастал теперь впервые, как особый социально-культурный тип. Но реализация этого типа встречала большие трудности, раскрывающиеся в многочисленных проектах новой системы просвещения, появившихся в 1760—1770 годах.

Образование собственно народной массы оставлялось по прежнему всецело в руках приходского духовенства, преимущественно младших членов клира. Предпринятая в начале 1760 г.г. общая реформа духовного образования имела целью готовить духовенство к возможно широко понимаемой пастырской деятельности, в которую включалась и школьная работа. Проекты Духовной комиссии прямо отрицали необходимость специальной подготовки педагогической профессии вне широких кругов духовенства.

Отчетливо сознана была необходимость приготовления учителей для городских школ, для образования мещанского, в широком смысле, населения. Все проекты требуют от этих учителей прохождения курса ученых школ, до университета включительно. Вопрос о том, из какой социальной среды будут выходить эти городские учителя, не поднимался. Подразумевалось само собою, что на учительскую службу в низших и средних общеобразовательных школах будут направляться преимущественно так называемые "разночинцы", эти, по характерному выражению проф. Владимирского-Буданова, "отбросы" от сословной разверстки общества.

Ближе всего выношенный педагогический идеал 1760—1770 г.г. подходил к изощренному сословному самосознанию дворянства. Взгляд на благородство, как на прирожденную черту дворянской психики, открывал возможность воздействия новых педагогических идей на дворянских детей с самого раннего возраста. Именно в сфере дворянского воспитания особенно настоятельно выдвигалась забота о воспитании раннего детства. Первым, очень элементарным, ответом на эту потребность явился проект профессора Дильтея об учреждении в обеих столицах "рабских" школ для подготовки домашних наставников из крепостных людей. Этому

вопросу придавалось большое значение, ибо в худом примере крепостных дядек усматривался "корень испорченного воспитания" благородного юношества. По своему учебному содержанию "рабские школы" Дильтея возвышались до уровня средней общеобразовательной школы, а выходившие из них крепостные педагоги должны были, по своему культурному складу, становиться типичными разночинцами.

Так в проектах 1760—1770 г.г. привлекались к педагогическому и преподавательскому труду самые различные социальные элементы. Спаять их в какое-либо единое целое было явно невозможно. Дильтей, говоря о руководителях "рабских" школ, предупреждал, что "учители сию должность, как себе непристойную, презирать не должны, ибо что может быть благороднее, как полезных в государстве людей производить. Надлежит им представить себе, что слуги токмо одним щастием рождения своего от них отличены, но бессмертною душою равно одарены. Надлежит им думать, что они самим себе и роду человеческому будут полезны, не сколько для пользы слуг совершенства, сколько для всей империи и всех благородных людей трудиться будут, приняв на себя неприятную сию должность".

Общее направление сословного законодательства 18 века требовало, чтобы каждая профессия включена была в рамки определенной группы. Попытка регламентировать сословное положение людей, "упражняющихся в науках", именно в рамках среднего чина, сделанная в Законодательной Комиссии, к точному результату не привела. Понятие ученого в проектах законов о среднем роде государственных жителей было взято слишком узко, в значении академического звания, открывающего поприще работы в высших и средних школах. Учительская масса, призываемая к работе в низших школах, оставалась вне "права ученых". И содержание самого права ученых осталось не выясненным. Академия наук предлагала "и сие взять в рассуждение, что наука только честь питает. Если бы не то, то бы никто не стал учиться, потому что труднее сыскать богатство науками, нежели ремеслом или художеством или купечеством. Сего ради и больше ремесленников, художников и купцов, нежели ученых, и обыкновенно бедность — ученых участь". На этом основании Академия требовала наследственности некоторых привилегий, даруемых ученым. Комиссия же, вырабатывавшая проект законов о среднем роде людей, возражала против наследственности права ученых. Она признавала справедливым, "что науки токмо честь питают, но самое сие и требует, чтобы выгоды присоединить к самой науке и тем оные отличить от невежества, когда обретается и в тех, которые от ученых родились".

Более конкретным представлялся вопрос о положении педагогического труда на лестнице табели о рангах. И в данном случае пестрота социального состава педагогической профессии не позволяла дать общего ответа на поставленный вопрос. Он не имел существенного значения в сфере низшего народного образования, так как последнее оставалось в руках духовенства. Но обеспечить устойчивость педагогического состава средней и высшей школы, как особой государственной профессии, можно было только определенностью ее служебного положения, которая предупреждала бы выход на другие, более привлекательные поприща службы. Исходя из этого предположения, что "достижение в других службах чинов будет

непременно лишать училища хороших учителей", большинство проектов 1760—1770 г.г. предлагало предоставить преподавателям права государственной службы, относя их на низшие ступени табели о рангах.

Особо выдвигался вопрос о служебных правах профессоров высших школ. Доходившие до императрицы Екатерины мнения западных авторитетов не придавали большого значения внешним привилегиям ученой службы. Так законовед Юсти, признавая, что "приращение наук утверждается на свободе и почтении", полагал, однако, что чины, достоинства и награждения "по существу своему имеют весьма малое на цветущее состояние наук действие". Такое мнение разделял и И. И. Шувалов, прямо заявлявший, что он всегда был против дарования профессорам и учителям права на чины. С другой стороны, Ломоносов и профессора московского университета в свое время настаивали на том, что "умножение чести (профессоров) умножает наук почтение", и указывали на то, как в других государствах высоко поставлены ученые люди на ступенях государственной службы.

Так в живом педагогическом движении 18 века обозначились все стороны вопроса о педагогическом труде: о социальном составе его носителей, о возможности слить социальные элементы педагогической профессии в одно сословное целое, о культурном облике этой профессии, наконец, об ее положении в составе государственной службы.

Первым широко поставленным и давшим крупный положительный результат опытом законодательного разрешения вопроса о педагогическом труде был устав народных училищ 6 августа 1786 г. Этим уставом утверждалась и вводилась австрийская система народных училищ, делившихся на малые или элементарные школы и главные училища, приближавшиеся к типу среднеобразовательных школ для городского населения.

Устав 1786 г. и сопровождавшее его руководство учителям всецело усвоили педагогический идеал предшествующей эпохи и выразили его в конкретном и законченном культурном облике педагога. Подобно каждому особому "роду людей", педагогическое сословие характеризуется определенным сочетанием свойственных ему профессиональных добродетелей: христианского благочестия, любви ("не ребяческой, но соединенной всегда с постоянным и важным видом"), бодрости, терпения, довольствия, прилежания, беспристрастия и снисходительности. Со стороны учащихся авторитет учителя опирается на уважение, т. е. на "то доброе мнение, которое ученики об искусстве и исправности учителя своего имеют", на почтение или наружное почтительное учеников с учителями обращение, на любовь и "подобострастие", которое "есть то, когда ученики учителя и любят и боятся". Учитель есть не только преподаватель, но прежде всего воспитатель. Каждый шаг в его поведении, каждая мелочь в его общении с учениками должны быть расчитаны на то, "чтобы поощрять чаще юношество к наблюдению должностей общественных, просвещать разум учеников и научать их, как думать, так и поступать разумно, честно и благопристойно". Учитель должен давать своим воспитанникам наставления в благонравии и вежливости, показывая собственным примером, "как сидеть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково, даже со слугами и служанками" и т. д. Учитель, не исполняющий должностей звания своего, должен помнить, что он согрешает перед богом, перед правительством,

перед родителями учеников, перед детьми, перед самим собою. Правильно понятая мысль о необходимости специальной подготовки к учительской профессии повела к учреждению в Петербурге учительской гимназии или семинарии, первого специального рассадника педагогического труда. Для вступающих на практическое поприще учителей был заготовлен в течение нескольких лет целый арсенал руководств, пособий, инструкций, табелей, подробно регламентировавших все стороны педагогической работы и выдержанных в духе указанного выше педагогического идеала.

Определенно и без колебаний, по указанию опыта, решен был и вопрос о социальном источнике так твердо организуемого теперь учительства. Было ясно, что ни дворянство, ни высшие, более культурные слои городского класса не будут соблазнены педагогической профессией, ни с какой стороны дотоле не обеспеченной. Одно духовное сословие, по всей своей культурной традиции, тянулось к этой профессии и единственно духовная молодежь поставлена была в такие условия, что ею свободно могла распорядиться для данной цели власть. Из этой то молодежи был навербован первый состав учеников Учительской семинарии. Из нее составился в основной массе первый кадр специально подготовленных народных учителей, число которых с 26 в 1782 г. возросло до 790 в 1800 г.

От социального состава нового учительства зависело и определение его служебного и материального положения. Подобно своему австрийскому образцу, устав 1786 г. не определил точно служебного положения учителей и ограничился широким обещанием. Как "первое ободрение учителям", постановлялось, что все они "считаются в действительной государственной службе и могут ожидать тех же воздаяний, которые учительною службою в других званиях приобретаются". Это обещание встретило, однако, затруднение в том, что учителя народных училищ набирались из духовного звания, из мещан и других податных состояний, государственная же служба со всеми ее "воздаяниями" считалась привилегией дворянства. За основание для решения этого вопроса был принят указ 16 декабря 1790 г. о производстве в статские чины по должностям "неприказного наименования". Было признано, что для учителя "пристойнейший чин" есть титулярный советник, ибо низшие чины относятся уже к канцелярским должностям, кои учителям несвойственны. Но порядок производства в этот чин следовало, по мнению комиссии о народных училищах, установить разный для учителей высших и низших классов. Для первых, подходивших к университетским магистрам и студентам, о которых говорил указ 1790 г. следовало установить 10-летний срок выслуги, а до этого срока производить просто в ранг 12 класса тех, кто с отменным усердием прослужил 6-8 лет. Относительно учителей низших разрядов предполагалось, что эту должность может нести всякий посредственных способностей человек, почему для них считался достаточным на первое время службы чин 14-го класса. Далее, через 10 лет разрешалось получать 12-й класс и еще через 6 лет чин титулярного советника. Отсюда для всех вообще учителей устанавливалось производство по общему порядку, соответственно породе или состоянию, из которого отдельные лица выходили. Итак, чин коллежского ассесора, открывавший доступ в потомственное дворянство, мог быть приобретен учителем старших клас-

сов через 22 года службы и учителем низших классов через 36 лет, по расчету комиссии.

Как только какая-нибудь вновь образовавшаяся социальная группа ставила ногу на одну из ступеней табели о рангах, так тотчас она обнаруживала тенденцию добраться по этой лестнице до более высоких и привилегированных состояний. И по отношению к новой социальной группе народных учителей скоро возникло опасение, что, став раз чиновниками, они будут искать более выгодной службы, ибо на педагогическом поприще "они меньше всего видов к возвышению своему иметь могли". Следствием такого опасения тотчас же явился ряд мер, предотвращающих бегство из педагогической службы. Воспрещен был переход в другой род службы получившим подготовку на казенном иждивении. Предложено было приказам общественного призрения отнюдь не увольнять со службы учителей без ведома центральной комиссии. Вскоре явилась новая опасность, грозившая закрыть самый надежный источник, из которого неизменно черпались в 18 веке педагогические силы. Рескриптом императора Павла 27 мая 1800 г. запрещено было обращать воспитанников духовных школ в какое-либо другое звание без особого каждый раз разрешения императора по докладу синода. Эта неожиданная мера встревожила центральную комиссию и побудила ее, с одной стороны еще тверже настаивать на удержании наличных учителей и неувольнении их без крайней необходимости, а с другой—шире открыть доступ в педагогическую службу лицам из податных классов. В 1800 г. сенат разрешил набирать в учителя из купцов, мещан и отпущенных вечно на волю, по собственному их желанию и способностям, но под условием особых представлений в каждом отдельном случае о таких лицах.

Из различных способов материального вознаграждения педагогического труда уставом 1786 г. был принят наиболее целесообразный—система штатных годовых окладов при готовой квартире, отоплении и освещении: учителям главного народного училища от 400 до 150 руб., учителям малых училищ—от 150 до 60 руб. Из средств постороннего заработка предусматривалось содержание вольных пансионеров по соглашению с родителями и опекунами.

Худо ли, хорошо ли организованный уставом 1786 г. кадр народных учителей был, конечно, недостаточен численно для того, чтобы удовлетворить потребность в образовании широких масс населения. На ряду с заведенными по "нормальной методе" школами продолжали действовать старые учителя из духовенства, отставные солдаты и всякие мастера грамоты. Теперь на вольный педагогический труд об'явлено было прямое гонение. "Вольные русские школы" или школы грамоты, частные пансионы, русские и иностранные, даже содержимые профессорами московского университета, подвергались ревизии и закрывались. Сатирическая литература подвергала осмеянию вольно практикующих педагогов в образе Цыфиркиных, Кутейкиных и Вральманов. Народный учитель специально подготовленный, состоящий на государственной службе становился единственным полноправным носителем педагогического труда.

Обильный сырой материал, хранящийся в архиве б. министерства народного просвещения, почти совсем не тронутый исследованием, дает детальные и иногда

яркие картинки культурного движения, вносимого в глухую провинцию заведением народных училищ. Торжественное открытие училища, в присутствии высокопоставленных гостей, духовных и светских, сопровождаемое богослужением, речами учителей и учеников о пользе наук и просвещения, аллегорическими иллюминациями и т. д., ежегодные публичные испытания, участие училищ в праздновании исторических событий, экскурсии учащихся представлялись в сонной обычно и однообразной жизни какого-нибудь провинциального города новым, небывалым культурным явлением. И в этом зарождении на местах таких небольших очагов культурных интересов главную роль играла небольшая группа народных учителей, в которых общество впервые приучалось видеть новую социальную группу, выполняющую широкое культурное назначение и владеющую некоторым внутренним авторитетом. Правда, действительная жизнь далеко отставала от предписанной "нормальной" системы. Наличный состав народных учителей далеко не достигал начертанного перед ним педагогического идеала. Грубость нравов, пьянство, неряшливость в исполнении обязанностей часто нарушали правильное развитие народных училищ. С другой стороны, в будничной обстановке сами власти и местное общество, после торжеств открытия училищ и пышных речей, не оказывали должного внимания и сочувствия училищам и учителям. Но как ни трудна была материальная и моральная обстановка работы первых кадров специально подготовленных учителей, как ни трудно выразимы в конкретных фактах и цифрах плоды всякой вообще интеллигентной работы, эта работа сделала свое дело. Было отселе положено начало непрерывной традиции специальной педагогической профессии. Народный учитель именно с этого времени вступил, как определенно квалифицированный социально-культурный тип, в общий ход развития русской культуры.

Начало нового, 19 столетия поставило новую задачу всей политике народного просвещения и соответственно изменило условия педагогического труда. В это время проблема народного просвещения оказалась связанной с высшей политической задачей момента—исканием основ конституционного порядка. Конечной государственной целью народного просвещения ставилось теперь "нравственное образование граждан", как моральное обеспечение нового государственного порядка, ибо "закон без нравов" бессилен. Вместе с тем в порядке практического выполнения новой системы просвещения, выработанной только что учрежденным министерством просвещения, центр тяжести этой системы переносился на высшие ступени, на университеты и гимназии, которые становились не только учебными, но и административными центрами для двух низших ступеней, уездных и приходских училищ. Все эти последовательно возвышающиеся ступени образования, от приходского училища до университета, связывались в единое органическое целое, в котором последовательно проводились две параллельные цели: одна, унаследованная от 18 века — дать каждому сословию соответственный его интересам круг образования, другая — провести будущего гражданина через все ступени единого, общего, "нравственного", по терминологии времени, образования. Эта цельность, органичность новой системы просвещения должна была укрепить почву и для дальнейшей организации педагогического труда, должна была вести к более тесному сплочению всех его социальных элементов. Социально-культурный

облик педагога, его общественное и государственное положение должны были приобрести более законченные и определенные черты.

Действительно, устав 1804 г. отнесся к педагогу с неменьшим вниманием, чем его предшественник — устав 1786 г. Целые главы были посвящены изложению "общих" и "частных" обязанностей учителя опять-таки на фоне представления о нем, как о воспитателе. Усвоенная в предыдущую эпоху мысль о необходимости специальной подготовки к педагогической профессии получала дальнейшее развитие: при каждом университете учреждался особый педагогический институт. Но в системе уставов 1804 г. сразу открывалось и одно существенное противоречие. "Дух системы", о котором много говорили в самом начале новой учебной реформы, оказался подорванным в самом ее основании. Тогда как высшие и средние школы принимались на полное содержание государства, а их преподаватели считались на государственной службе и получали содержание от казны, училища приходские, предназначавшиеся преимущественно для крестьянства, оставлялись вне прямого попечения государственной власти. Эти училища в казенных селениях "вверялись" приходскому священнику и одному из почетнейших жителей, а в помещичьих "предоставлялись просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков". Таким образом, сам устав 1804 г. делал крупный шаг назад сравнительно с екатерининским временем. Понятие народного учителя снова утрачивало приобретенное было им единство.

Дополнительные к уставу 1804 г. мероприятия имели целью усилить личный состав учительства. В этом направлении выдерживается старый принцип, что педагогический труд — удел "разночинцев". Законами 1812 и 1815 гг. дозволялось вступать в учебную службу лицам из податных состояний, с исключением их из окладов, вольноотпущенным и уволенным мещанскими и купеческими обществами, а также уволенным из духовного звания. Материальное положение учителей, состоявших на штатной государственной службе, несколько упрочилось образованием в 1805 г. особого пенсионного капитала.

В то же время образование народной массы, проводимое через приходские училища, опять готово было перейти в руки духовенства. Призванный указом 1803 г. к "содействию благоуспешному течению народного просвещения", синод в следующем году составил Положение о участии духовенства в устроении сельских школ. Учительские обязанности возлагались этим Положением даже уже не на священников, а на младших членов причта, дьяконов и псаломщиков, обязанных, впрочем, вести преподавание по книгам, изданным "от светского правительства".

Уставы 1804 г. были, можно сказать, учредительными актами, на основе которых строились все последующие системы народного просвещения. Данная этими уставами постановка вопроса о педагогическом труде надолго предопределяла все направление его истории. Нельзя не признать, что именно в отношении педагогического труда устав 1804 г. сделал один принципиальный шаг назад. Он не поддержал, а скорее нарушил цельность образа "народного учителя", так четко обозначившегося в конце 18 века. Теперь в новой системе педагог приобретал черты "ученого чиновника", как он часто и именуется в законодательных актах. Смотря по ступеням табели о рангах, по которым он размещался, соответственно рангу

школы, в которой преподавал, он подходил то к сфере высшего чиновничества, если был профессором университета, то среднего и низшего, если был учителем гимназии и уездного училища, наконец, затерывался в рядах низшего духовенства и помещичьей дворни, если трудился в сельской школе. Те бытовые грани, по каким расслаивалась вся состоявшая на государственной службе среда, разлагали и педагогическую среду на группы, далекие одна от другой в юридическом и культурном отношениях.

Энергии молодого попечителя петербургского учебного округа С. С. Уварова удалось лишь на один момент снова привлечь внимание к вопросу о начальном народном учителе. В 1817 г. он выступил с проектом второго разряда при Главном Педагогическом Институте (будущем Петербургском Университете) для приготовления учителей уездных и приходских. В этом проекте самым важным и интересным было принципиальное соображение о начальном народном образовании, как о необходимой основе всей системы просвещения. "Без надлежащей постановки воспитания простого народа вся система народного просвещения — здание на песке", говорил Уваров. Предполагалось, что в новом педагогическом рассаднике будут приготовляться люди "самые способнейшие для своего дела" и что, вместе с тем, "ограничиваясь в образовании своем токмо теми предметами, кои нужны собственно для учительского звания в нижних народных училищах и имея все выгоды оставаться в сем звании, а при выходе из одного лишаясь их, они не пожелают, конечно, так легко оставлять учительского звания. Только показавшим "необыкновенные таланты" дается возможность переходить в высший разряд Педагогического Института или в другую высшую школу. Предполагалось, далее, набрать на первый случай, на казенное содержание 30 человек "бедного состояния" людей, чтобы правительство могло свободно располагать ими в течение определенного времени. Преимущественно должны набираться дети народных же учителей, "дабы звание, к коему они готовятся, представлялось им тем уважительнейшим и привычным в лице родителей своих". Служебное положение приготовленных, таким образом, народных учителей обеспечивалось правом на чин 14 класса и на дальнейшее чинопроизводство под условием неизменного пребывания в учебной службе.

Весь проект Уварова в его практическом содержании представлял типичный образчик бюрократического творчества, смело бравшегося из сырого теста мелкого бедного разночинства выделять любого потребного государственной власти чиновника. Характерно было также желание сообщить народному учительству черту наследственности и профессиональной замкнутости, которая должна была наложить своеобразный отпечаток на социально-культурный тип народного учителя.

Создание второго разряда Главного Педагогического Института или Учительского Института при Петербургском Университете не дало сколько-нибудь значительного результата. С самого своего основания Учительский Институт попал в руки врагов Уварова, главарей реакционно-мистического министерства духовных дел и народного просвещения. После ухода Уварова с поста попечителя в 1821 г., при его преемнике Рунiче, Учительский Институт был закрыт. Но и при благоприятных внешних условиях устроенный Уваровым педагогический рассадник не мог расчитывать на скорое процветание уже по одному тому, что не было той широкой социальной среды, которая свободно соблазнилась бы службой в низших

школах. Сам Педагогический Институт в своем высшем разряде едва находил себе студентов. В 1816 г., при наборе нового комплекта студентов, почти не нашлось гимназистов, желающих поступить в Институт. Уварову пришлось обратиться к духовной власти, которая и командировала в Институт 70 человек из 12 семинарий и Киевской Академии. Но и оттуда отправиться в Петербург для подготовки к учительской службе, по отзыву одного из архиереев, "пожелали одни только сироты и малоимущественных отцов дети, живущие в семинарии без дальних зимних одежий и обуви".

Так реформам александровской эпохи не удалось провести до конца того "духа системы", на котором настаивали инициаторы реформы. Систематическую организацию на началах государственной службы получили только верхние слои педагогической среды. Ее низший слой, начальное народное учительство, снова рассыпался на свои составные элементы. Эпизодическая попытка Уварова сорганизовать это учительство на основе широкого государственного взгляда на начальное народное образование, как на фундамент всей системы просвещения, ясно показала отсутствие необходимых условий для осуществления этого взгляда.

Для государственного режима Николая I проблема народного просвещения представляла не меньший интерес, чем и для его близких и дальних предшественников. Но внутренняя сущность этой проблемы была теперь иной. Не вовлечение общества во внешние, практические формы западной культуры (эпоха Петра Великого), не воспитание "новой породы отцов и матерей" в духе философского просвещения (эпоха Екатерины II), не подготовка граждан средствами общего, "нравственного образования" к восприятию конституционного порядка (эпоха Александра), а внедрение веры в застывшие, потерявшие способность к дальнейшему развитию принципы монархического абсолютизма, насаждение формальной верноподданнической гражданской дисциплины—такова была преобладающая тенденция политики просвещения Николая I. Необходимым ее следствием была бюрократизация школы на всех ее ступенях, а отсюда вытекала и бюрократизация педагогического труда во всех его сторонах.

Как в екатерининскую эпоху, народное просвещение опять тесно связывалось с укреплением сословного строя. Но тогда, в 18 веке, сословная кристаллизация общества была необходимым этапом в его культурном развитии. Теперь укрепление сословного строя, исчерпавшего свое культурное содержание, обращалось в одно из средств охранения режима абсолютной монархии. Новый устав средних и низших школ 1828 г. и, особенно, развивавшие его частные мероприятия настойчиво проводили принцип сословного разграничения высшего и среднего образования, назначаемого для дворянства и высших слоев мещанства, от низшего, на уровне которого должны были удерживаться "податные классы", особенно же крепостное крестьянство. При такой связи политики просветительной и сословной снова обострялся вопрос о социальном составе педагогической среды.

Ряд мер, направленных к стеснению доступа в университеты и гимназии лиц низших сословий, начатый рескриптом 1827 г. о недопущении в эти школы крепостных людей, завершился чрезвычайно откровенной просьбой министра князя Ширинского-Шихматова в 1850 г. разрешить в утвердительном смысле его предложение, чтобы в университеты принимались преимущественно молодые люди, которым по

происхождению их и по коренным государственным законам даровано право вступления в государственную службу. "Лица низшего сословия, писал министр, выведенные посредством образования из природного их состояния, не имея по большей части никакой недвижимой собственности, но слишком много мечтая о своих способностях и сведениях, гораздо чаще делаются людьми беспокойными и не довольными настоящим положением вещей, особливо, если не находят пищу своему чрезмерно возбужденному честолюбию или встречают на пути к возвышению неожиданные преграды". Император согласился с этим мнением. Все подобные меры распространялись и на специальные педагогические школы, на которых их действие должно было распространяться особенно тяжело, потому что, педагогическую профессию избирали обыкновенно именно лица, признававшиеся нежелательными в высшей школе. Когда Уваров, став министром, в 1832 г. стал набирать новые комплекты студентов в возобновленный Главный Педагогический Институт, то старший возраст только на один раз, для скорейшего выпуска учителей, разрешено было укомплектовать воспитанниками духовных семинарий. Младший же возраст предписано было комплектовать исключительно гимназистами. В 1844 г. на Институт распространено было запрещение принимать лиц из податного состояния без увольнительных свидетельств от обществ, а в 1845 г. прекращен прием лиц, не имеющих по происхождению права вступать на государственную службу. Характерен мотив этой меры: "в настоящее время нет уже надобности для приготовления преподавателей прибегать к таким мерам, которые не вполне согласны с другими видами правительства, и при том число желающих из детей дворян и чиновников обучаться в казенных учебных заведениях вообще значительно".

В 1838 г. Уваров возобновил Второй разряд при Главн. Педаг. Инст. с несколько более узкой целью готовить учителей уездных училищ. Только те воспитанники, которые "при похвальной нравственности не окажут удовлетворительных сведений", могли назначаться в учителя приходские. Допускались во Второй Разряд лица свободных состояний и семинаристы. Открытый в виде опыта на 4 года, Второй Разряд в 1842 г. был продолжен, а в 1848 г. упразднен. Было признано, что низшие школы достаточно обеспечиваются учителями из гимназий и более слабыми воспитанниками Главного Института. Особенное же внимание было обращено теперь, по признанию Уварова, на подготовку профессоров и преподавателей средних школ. Но и сами педагогические школы просуществовали не долго. В 1858 г. было постановлено закрыть Главный Педагогический Институт, а педагогические институты при университетах заменить специальными курсами для окончивших университетские факультеты. Для подготовки начальных учителей оставались две учительские семинарии на окраинах—в Дерпте и в Вильне. Так почти столетний опыт насаждения специального педагогического образования приводил к отрицательному результату. Создавшийся было в конце 18 века цельный тип педагога снова разлагался на свои составные элементы, специалистов по отдельным дисциплинам. Пестрота подготовки к педагогической работе совпадала с пестротой социального состава педагогической среды. Более, чем когда-либо, эта среда приобретала чиновничий и разночинный характер.

Потускнел к средине 19 века и тот яркий моральный облик педагога, который с таким тщанием выписывался в предшествующую эпоху. В законодательных и ру-

ководящих административных актах николаевской эпохи уже нет былого под'ема и пафоса педагогического настроения. Цель государственной регламентации педагогической работы в это время—не поднимать ее на уровень высокого морального и культурного идеала, а замкнуть ее в юридические нормы государственной службы. В 1830 годах возникло интересное дело о замене изданного при Екатерине Руководства учителям новым. Профессором Кошанским составлено было "Наставление учителям, заключающее в себе общие правила для руководства их". Министр князь Ливен распорядился написать к нему введение, "в котором из'ясняются обязанности учителей от побуждений веры". Против него высказался граф С. Г. Строганов, заявивший, что "введение заключено в формы неупотребительные для такого рода сочинений, напоминающие язык того времени, когда под покровом религии происходило гонение на просвещение и науки". Строганов выражал опасение, чтобы "введение сие не было принято отголоском помянутой эпохи". Сам император Николай по существу был согласен с Ливеном, но разделял и сомнения Строганова. Второй проект введения, представленный Ливеном, был переработан Д. И. Блудовым, но также утверждения не получил. Наконец, в 1835 г. вышло Руководство к дидактике или науке преподавания, составленное Ил. Ободовским по Нимейеру. Оно было оффициально введено во все училища.

Дух бюрократизма, витавший над учебными реформами николаевской эпохи, привлекал больше внимания не к построению педагогического идеала, а к регламентации формальных условий педагогической работы, служебного положения педагогов и их материального положения. Новый устав средних и низших школ 1828 г., при обсуждении которого бедственное положение педагогического персонала рисовалось яркими красками, значительно поднял вознаграждение педагогов и укрепил их пенсионные права, причем самый училищный пенсионный капитал увеличивался в течение 20 лет ежегодно на 50.000 руб. из государственного казначейства. И при последующих пересмотрах общих положений о государственной службе, о чинопроизводстве и т. п. педагогический труд находил в новых положениях и уставах свое определенное место и даже получал кое-какие привилегии сравнительно с другими отраслями государственной службы.

Но был один вопрос, на который снова натолкнулось такое в общем благожелательное к формальным условиям педагогического труда законодательное течение, вопрос о том, подлежат ли одинаковой, с государственной точки зрения, оценке все социальные категории этого труда. Еще в 1817 г. министерством просвещения предпринято было составление пенсионного капитала для приходских учителей, отсутствие которого, по словам Уварова, не мало затрудняло успешный ход у нас начального образования. В 1834 г. представление Уварова о том, чтобы пенсии приходским учителям были отнесены на счет общего государственного капитала, было государственным советом отвергнуто по семи мотивам. Из них три сводились к финансовым затруднениям, а четыре давали такую государственную оценку труда начальных учителей: а) от приходских учителей не требуется ни особенных знаний ни трудов, б) должности приходских учителей занимаются, кроме духовенства, лицами податных состояний, вольноотпущенными и даже крепостными, в) им уже предоставлены возможные служебные выгоды: исключение из подушного оклада, право считаться на государственной службе и получать по известной выслуге пер-

вый чин, наконец г) свойство службы приходских учителей не таково, чтобы они могли иметь еще и право на пенсии, которых они никогда не получали от правительства. Через 10 лет Уваров повторил свое представление о пенсиях приходским учителям, но уже не из общегосударственного, а из специального капитала. Возражения на этот раз последовали лишь по частному вопросу о зачете учителям службы по другим ведомствам и обратно при назначении пенсий.

При сословном строе общества только бюрократический порядок государственной службы мог сообщить внешнюю организованность пестрой разночинской педагогической среде. С другой стороны, внутреннее культурное единство этой среды не находило себе достаточной поддержки и питания в источниках идеологии педагогического труда. В средине 19 века значительно ослабело высокое настроение того идейного педагогического движения, которое так расцвело в екатерининскую эпоху и отзвуки которого наблюдались еще и в начале 19 века. В результате, педагогические корпорации николаевской эпохи действуют, как корпорации чисто чиновничьего склада. Общий режим эпохи не допускал в них никаких проявлений общественности. Всякая культурная работа педагога, выходившая из рамок исполнения прямых служебных обязанностей, обычно была работой культурного одиночки.

Совокупность реформ Александра II в двух направлениях повлияла на положение педагогического труда. Как ни далек был от всех этих реформ дух радикализма, как ни урезывались в них все демократические тенденции, тем не менее русская жизнь во всех своих сторонах явственно сдвигалась со старых основ и в центре этого стихийного поворота выдвигалась проблема о широкой народной массе. С отменой крепостного права и вся система народного просвещения должна была найти себе прочный фундамент, так как только теперь получались все необходимые условия для включения в общую систему и начального народного образования. Как говорил в 1864 г. в государственном совете бывший министр народного просвещения Е. П. Ковалевский, "у нас обращали все внимание на высшие учебные заведения — на университеты, отчасти и на средние—гимназии. Собственно же народные школы всегда оставались в пренебрежении. Оттого наш храм просвещения, если смотреть на него прямо, представляет позолоченную крышу, довольно красивые стены, но самый зыбкий фундамент. Конечно такие здания не могут быть прочны". Введение в общегосударственную систему просвещения начального народного образования должно было впервые твердо поставить столь шаткое дотоле положение народного учителя. Такова была первая положительная перспектива, открывавшаяся перед педагогическим трудом в эпоху реформ 1860 г.г.

С первых же шагов нового преобразовательного движения обозначился и наиболее популярный лозунг эпохи — общественная самодеятельность. Народное образование, естественно, представлялось областью ближайшего применения этого лозунга. Тот же Е. П. Ковалевский, при обсуждении законопроекта о начальном народном образовании, говорил: "необходимо, чтобы общество, как и во всех странах Европы, приняло деятельное в этом участие, сколько для воспособления правительству в финансовом отношении, столько же и потому, чтобы развить в самом себе начала предполагаемого самоуправления в хозяйственном смысле и возбудить в нем энергию к общественным делам, уснувшую от беспрерывно и везде продолжавшейся над ним опеки, породившей в нем апатию и привычку возлагать все на правительство".

Основной вопрос политики просвещения 1860 гг. и заключался в том, что по всему фронту этой политики возгорелась все более ожесточавшаяся борьба между правительственной властью и новыми, организующимися общественными силами. Там, где твердыня бюрократизма оставалась непроницаемой ни для нового склада социальных отношений, ни для новых идейных течений, там и педагогический труд вливался в прежние бюрократические формы. Там, где общественное движение успевало закрепить за собою некоторые позиции, начинал обрисовываться и новый социальный тип педагога. Проследим по нисходящим ступеням педагогического труда это влияние на него общественного движения второй половины 19 века.

На высшей ступени, в области высшего образования, принципиальная перемена произведена была новым университетским уставом 1863 г. Как ни зыбка была почва правительственного либерализма 1860 гг., все-таки профессор, "ученый чиновник" николаевской эпохи становился теперь членом автономной академической корпорации. При всей ограниченности и условности эта автономия создавала тем не менее наиболее благоприятное положение для высших форм преподавательского труда. Вместе с тем работа профессорской среды в ходе реформ данной эпохи вытягивалась из стен высшей школы, кабинетов и лабораторий, на широкую арену общественной деятельности. Могло бы послужить темой специального исследования участие университетской науки, как одного из факторов общественного движения, в общем ходе реформ 1860—1870 гг. То же исследование должно было бы выяснить и размещение личных сил высшей школы по общественным группировкам и направлениям общественной мысли.

Наступившая уже со второй половины 1860-х гг. реакция в политике просвещения привела к новому университетскому уставу 1884 г., разрушившему основы академической автономии и полнее всех предшествовавших проведшему начало подчинения высшей школы правительственному контролю. По словам одного из авторов этого устава и наиболее авторитетного его комментатора, А. И. Георгиевского, "все предоставлено новым уставом усмотрению начальства, и от него зависит вовсе не давать хода лицам, которые не могут стать такими наставниками и руководителями юношества, какие желательны для правительства".

Но если шатким и поверхностным показал себя недолговременный либерализм 1860-х гг., то не более устойчивым и обоснованным оказалось и противное, реакционное течение 1880 г.г. Решительность и даже резкость тона, взятого правительственной властью по отношению к высшей школе со времени графа Д. А. Толстого, умели не выражали подлинной силы этой власти и уверенности, что ей удастся обратить высшую школу "из рассадника политической агитации в рассадник наук". Ознакомясь лично с университетами через несколько лет по введении устава 1884 г. министр И. Д. Делянов горько сетовал, что "значительное разногласие мнений в правительственных сферах, предшествовавшее утверждению нового устава, оставило неисчезнувший еще след, поселяя неуверенность в прочности вводимых порядков". Опасения старого министра оказались вполне основательными. В борьбе с быстро нарастающим общественным движением, получившим название "освободительного", и с его непосредственными отзвуками в высшей школе принципы устава 1884 г. скоро выветрились и потеряли силу. С конца 1890 гг. вплоть до февральской революции 1917 г. обнаруживалось постоянное колебание между резкими заявлениями

о твердой решимости подавить противоправительственное движение в высшей школе и частичными фактическими уступками требованиям общественного мнения, восстановлением отдельных элементов академической автономии. В результате такой колеблющейся политики преподаватель высшей школы не мог быть снова обращен в послушное орудие правительственной власти в стиле "ученого чиновника" николаевской эпохи. Но и роль преподавателя высшей школы, как общественного деятеля, оставалась колеблющейся и неясной. Лишь в 1904 — 1905 гг., когда общественное движение стало кристаллизоваться вокруг программ политических партий, [illegible] самым законом преподавательская среда высшей школы должна была выдвинуть свое представительство в высшем законодательном учреждении (государственном совете), точнее определилась почва общественной работы преподавателя высшей школы.

Николаевская эпоха располагала педагогический труд по ступеням табели о рангах. Но, относя далеко одну от другой эти ступени, она в то же время связывала их последовательно проводимыми принципами прямолинейного бюрократизма. Недолговременный правительственный либерализм первого десятилетия эпохи Александра II не был столь же последователен по отношению к педагогическому труду на разных его ступенях. Быстро отступая под натиском молодого общественного движения, он довольно легко, хотя и не без борьбы, сдал первую важную позицию в сфере высшего образования, позволив организовать здесь преподавательский труд на началах академической автономии. Одновременно стал на очередь вопрос о реформе среднего образования. Но этот последний вопрос получил существенно иное направление. Реформа высшей школы отражала, прежде всего, основной мотив общественного движения, мотив общественной самодеятельности, свободной от пут старого бюрократизма. В центре этой реформы высшей школы стоял вопрос об организации преподавательской корпорации. Центральным же вопросом реформы среднего образования являлось содержание самой образовательной системы: должно ли быть оно классическим или реальным. В данное время, в конце 1850 г. и в начале 1860 гг., спор классицизма и реализма находился в таком положении, что неуверенная в своей авторитетности правительственная власть, в лице министерства А. В. Головнина должна была занять позицию откровенного компромисса. Устав гимназий и прогимназий 1864 г. утвердил дуализм среднего образования и предоставил опыту окончательное разрешение спора между классицизмом и реализмом. Та же печать компромисса легла и на решение вопроса о положении педагогического труда в средней школе. Постановка этого вопроса не выдвигалась так вперед и не получала такой концентрированности, как в области высшего образования и, можно даже сказать, что этот вопрос теперь, в уставе 1864 г., освещался значительнее бледнее, чем раньше.

Теперь пошатнулся самый принцип специальной подготовки педагогического труда, принятый еще в 18 веке. В 1858 г. были упразднены Главный Педагогический Институт в Петербурге и педагогические институты при других университетах, а взамен их учреждались педагогические курсы при университетах для лиц, уже окончивших факультетское образование и желающих получить специальную подготовку для преподавания отдельных предметов. Худо ли, хорошо ли шло дело в старых педагогических рассадниках, но они строились на очень ярком и цельном пред-

ставлении о педагоге, как особом типе культурного работника. Само министерство Головнина считало, "похвальной стороной" устава 1804 г. "поддержание педагогического направления между учителями, как в отношении способа ученья, так и обхожденья с учащимися". Особенно ценными представлялись введенные тем уставом "педагогические советования" учителей, поддерживавшие в них дух корпоративности, цельное и всестороннее отношение к педагогической работе. Новые педагогические курсы должны были подготовлять специалистов, учителей отдельных предметов, а не всесторонних педагогов в духе старого, может быть утопического идеала, который имел такое большое значение для первоначальной организации педагогического труда. Теперь теряется единая руководящая нить в направлении педагогического образования. Оно утрачивает дух цельной системы, разветвляется по специальным целям различных групп школ — классических, реальных, военных, духовных, средних, низших, мужских, женских и т. п.

Дух корпоративности и автономности, питаемый общественным настроением 1860-х г.г., не находил себе почвы в традициях средней школы, всегда строившейся на чисто бюрократическом основании. Реформа средней школы 1864 г. ни в чем существенном не изменила служебных отношений педагога. Он попрежнему остался чиновником, назначаемым, контролируемым и увольняемым обычным порядком гражданской службы. Как его личная, так и коллективная работа в педагогическом совете протекала в подробно регламентированных рамках устава. В одном только материальном отношении реформа 1864 г. определенно стремилась улучшить положение педагога. Новый штат повысил вознаграждение преподавательского труда на 50 — 100%, обусловив его размер единственно количеством труда, числом даваемых уроков. Но какую реальную ценность имело это вознаграждение, может показать следующий рассчет. В среднем штатное вознаграждение педагога средней школы равнялось половине штатного вознаграждения профессора университета. А оффициальная об'яснительная записка к новому университетскому штату вычисляла, что профессор, семья которого состоит из жены и трех несовершеннолетних детей, может прожить в год на положенные по штату 3.000 руб., если он будет завтракать на 8 коп., если он и все его домашние будут ходить всегда пешком, будут всегда здоровы и никогда не нужно будет звать доктора и покупать лекарства, если профессор никогда не будет выезжать из города в летнее время, если он будет вести затворническую жизнь и никого не будет у себя принимать и сам никого посещать, если не будет заботиться об участи своей жены и детей и не будет для них ничего сберегать, если у него не будет никаких экстраординарных расходов. Применяя такой же расчет к среднему педагогу можно видеть, что его труд и в данное время сохранял характер прямо пролетарский: максимум затраты сил давал минимум жизненного обеспечения.

При незыблемости бюрократического строя средней школы свежая струя общественного движения могла касаться ее жизни лишь эпизодически и давала слабый и непрочный эффект. Можно отметить три новых характерных явления в педагогическом мире, вызванных общественным движением 1860-х г.г.: педагогические с'езды, педагогические общества, педагогические журналы. Но все эти начинания получали такой же компромиссный характер, как и все вообще просветительные реформы 1860 гг. Педагогические с'езды, возникшие в южных учебных округах, Одесском и

Киевском, по инициативе профессора Кесслера, поддержанной Н. И. Пироговым, устраивались в двоякой форме: частных — по отдельным предметам, и общих — для обсуждения общих вопросов школьной администрации, воспитания и обучения. По оффициальной оценке эти с'езды должны были об'единить интересы педагогов, свежая их знания, предупреждая рутину и односторонность, интересы начальства, предоставляя ему более удобные средства влияния на педагогическую среду, чем предписания и циркуляры, наконец интересы общества, которое дотоле слишком мало заботилось о школе. Гармонично сочетать все эти интересы педагогические с'езды, естественно, не могли. Всего слабее выраженным в них оказался собственно общественный элемент. Встреча же на с'ездах педагогической среды и среды начальствующей, если и давала частичные положительные результаты для педагогического дела, то в общем она не могла повести к крупным результатам, которые в чем нибудь изменяли бы существующий бюрократический строй отношений той и другой стороны. По существу педагогические с'езды являлись как бы расширенными педагогическими советами, так же бюрократически образованными в своей работе. Несмотря на поддержку высших властей, педагогические с'езды стали собираться все реже и не успели сложиться в новую форму организации педагогического труда, построенной на принципах общественности.

Еще более слабый росток пустила другая идея — педагогических обществ. Дело началось в 1860 г. с частных собраний петербургских учителей в здании 2-ой гимназии для совокупного обсуждения разных педагогических вопросов, а в 1862 г. А. В. Головнин вошел с представлением в комитет министров о превращении этих собраний в педагогическое общество. В комитете министров вопрос этот вызвал разногласие. Восторжествовало мнение большинства, что учреждение педагогического общества вызывает политические опасения. Было признано учреждение педагогического общества преждевременным, частные же собрания педагогов разрешались впредь под условием, что для предупреждения отклонения их от прямой цели и для надлежащего надзора будет издана особая инструкция.

Самым значительным приобретением общественного движения 1860 гг. в педагогической области было зарождение и довольно быстрое развитие специальной педагогической литературы, в частности педагогических журналов. С 1857 г. и до конца 1870 гг. появилось около 20 таких журналов. Большинство из них были недолговечны, но некоторые просуществовали по 10—15—20 лет, как, например, "Учитель", "Народная Школа", "Педагогический Сборник", "Педагогический Листок", "Женское Образование", "Русский начальный учитель". Предстоит выяснить в специальном исследовании роль этой молодой журналистики в истории русской педагогической мысли. Но можно заранее сказать, что эта роль немаловажна. Педагогическая мысль впервые выводилась на широкий простор общественного обсуждения. Сами правительственные власти старались выходить на тот же путь. При учебных округах начинают издаваться печатные сборники циркуляров, иногда с приложениями теоретического педагогического содержания. Интересно, что в готовности идти таким путем навстречу требованиям общественности министерство просвещения опережалось ведомствами морским, открывавшим страницы "Морского Сборника" знаменитым статьям Пирогова "Вопросы жизни", и военным, устроившим

известный Педагогический Музей в Петербурге и предпринявшим с 1865 г. издание "Педагогического Сборника".

Первое десятилетие царствования Александра II, мы видели, было временем быстрого отступления правительства, под напором общественного движения, с позиций охранительного режима предшествующей эпохи. Но проведенная министерством А. В. Головнина реформа высшей и средней школы была насквозь проникнута духом компромисса и не разрешала в корне стоявших на очереди проблем. Сменивший в 1866 г. Головнина на посту министра просвещения граф Д. А. Толстой был сторонником радикальных решений. На проведенную им в 1870—1871 гг. реформу среднего образования можно взглянуть, с политической точки зрения, как на первый решительный бой, данный правительственной реакцией тем общественным течениям в области просвещения, которые дотоле разрешались частичными уступками и компромиссами.

Торжество классицизма в средней школе, достигнутое Толстым после резкого столкновения не только с оппозицией общественного мнения, но и с настроением высших правящих сфер, потребовало крайнего напряжения бюрократического аппарата, ведавшего школу. Отнюдь не скрывая от себя, что господство классицизма не может опереться на общее сочувствие педагогической среды, Толстой откровенно и ясно потребовал от нее строго формального исполнения служебного долга, направленного к одной цели. В одном из циркуляров, в раз'яснение устава гимназий 1871 г., он писал: "все лица, поставленные в ближайшее соприкосновение с гимназиями и прогимназиями, должны проникнуться убеждением, что те из сих учебных заведений, в коих преподавание древних языков идет мало успешно, вовсе не достигают своей цели и не соответствуют своему назначению". Это требование концентрации всего внимания на одном господствующем предмете, выраженное с такой властной энергией, от которой давно отвыкло министерство просвещения, лишало педагогический труд в средней школе многогранности его интересов. Учитель древних языков становился господином положения. Представители всех других предметов отодвигались на второй план. Должности, сопряженные с наибольшим авторитетом и влиянием на учеников, должности директоров, инспекторов, классных наставников, открывались по преимуществу преподавателям древних языков. По отчету за 1878 г. из общего числа директоров гимназий и прогимназий 103 лица преподавали древние языки и только 22 лица — русский язык, из общего числа инспекторов 103 преподавали древние языки и 32 — русский, из общего числа (1.168) классных наставников более половины (648) преподавали древние языки. В таких родах фактах и цифрах выражалось резкое нарушение гармонии направлений и интересов педагогического труда. Скованный подробной регламентацией всего строя школьной жизни этот труд снова приобретал резко выраженный характер труда чиновничьего.

Формализм был основным принципом реформ средней школы при Толстом: формализм цели, ибо эта школа должна была выпускать формально зрелых людей, формализм содержания самой классической системы, ибо в ней на первый план выдвигалось грамматическое изучение древних языков, формализм средств реформы, ибо все ее проведение было проникнуто духом крайнего недоверия к свободному направлению и напряжению педагогической работы.

Всепроникающий формализм и бюрократизм реформы был единственным средством обеспечить ее будущность для ведомства, никогда не обладавшего прочным и сильным авторитетом, всегда "податливого к малейшему дуновению ветра", по выражению М. Н. Каткова. По уходе Толстого с поста министра просвещения, при его слабых, беспринципных преемниках, насажденная в 1870 гг. система продолжала существовать до конца столетия в силу инерции, ибо с враждебной стороны не выдвигалось столь же определенной системы. Но уже произведенное в 1890 г. частичное изменение учебного плана гимназий, сократившее преподавание древних языков, по признанию министра Делянова, приводило упрощение классической системы сразу к тому пределу, за которым начиналось ее прямое разрушение. В условиях все глубже назревавшего оппозиционного настроения это разрушение с начала настоящего столетия пошло быстрым темпом, стихийно, не направляемое какой-либо единой идеей или планом. Преемник Делянова, Н. П. Боголепов, вынужденный поставить вопрос о реформе средней школы во всей его широте, не решился, однако, назвать вещи настоящим именем и созванную им в 1900 г. комиссию назвал скромно комиссией "по вопросу об улучшениях в средней школе". Многолюдная по составу, комиссия эта организована была опять таки на чисто бюрократических началах. По прямому назначению министра или по приглашению в нее вошли высшие чины министерства, представители других ведомств, некоторые профессора и директора средних школ, наконец ряд преподавателей, пользовавшихся персонально авторитетом в глазах министерства. Рядовая масса педагогов не получила в комиссии какого-либо организованного представительства. Одно только московское педагогическое общество, по собственному почину, доставило в комиссию ряд своих мнений. Чисто бюрократический состав комиссии не гарантировал, однако, той осторожности, на какой настаивал Боголепов, допускавший реформу средней школы лишь "при условии сохранения основ классической гимназии и реального училища, как главных типов этой школы в России". При первом же обмене мнений существующая система подверглась принципиальной критике и сразу выступил ряд предложений о замене ее новыми типами школ. Лишь небольшая группа старых работников классической школы решалась отстаивать неприкосновенность толстовской системы. Большинство же, некавшее новых путей, раскололось между разными проектами: школы с одним латинским языком, реальной восьмиклассной школы, школы с бифуркацией на классическое и реальное отделения, наконец, единой общеобразовательной гуманитарной школы. За этот тип высказалось и Московское педагогическое общество, особенно резко осудившее толстовскую систему.

Разброд мнений по основному вопросу, отсутствие у министерства собственного плана или идеи реформы, недостаток личной государственной авторитетности у самого Н. П. Боголепова свели широко развернувшуюся работу его комиссии, оставившей несомненно ценный материал для истории педагогической мысли, к ничтожным практическим результатам. Докладывая государю об этих результатах, Боголепов попытался перенести центр тяжести с вопроса о типах школы на вопрос об улучшении условий педагогического труда. Очередная задача — "дать школе способного, подготовленного и бодрого учителя. Как скоро задача эта будет резрешена, говорил Боголепов, потеряет свою остроту и вопрос о типе школы, ибо хороший учитель достигнет хороших результатов при всяком учебном плане". Но по всем вопросам,

затронутым в комиссии, министерство Боголепова успело спроектировать лишь ряд мелких, частичных, паллиативных мероприятий.

Преемник Боголепова, генерал Ванновский, дал уже решительный толчок разрушению классицизма в средней школе. В 1901—1902 гг. были введены, в виде временной меры, новые учебные планы гимназий и реальных училищ, сближающие младшие классы обеих школ в единый младший концентр среднего образования. Латинский язык отодвигался в старшие классы, а греческий оставлялся, как факультативный предмет. Временный порядок, как то часто случалось в истории русского бюрократизма, оказался, однако, довольно длительным. Только в 1915 г. министерство графа Игнатьева снова поставило на очередь общую реформу средней школы. Его выбор определенно остановился на типе единой, "самодовлеющей" (не имеющей непосредственной целью подготовку к высшему образованию), семилетней школы, состоящей из двух ступеней, младшей трехлетней и старшей четырехлетней, на которой допускается разветвление на три отделения: новогуманитарное, гуманитарно-классическое и реальное. Революция 1917 г. смела и этот проект.

Так в течение 20 — 30 лет совершилось разрушение классической системы. Но в стихийном процессе этого разрушения условия педагогического труда оставались до конца по существу связанными в прежних рамках бюрократического режима. Комиссия Боголепова явила выразительный пример того, как по существу безнадежно ставился принципиальный вопрос о положении педагогического труда в обстановке уже подорванного бюрократического авторитета и обострявшейся общественной смуты. С большой формальной тщательностью он был разложен на ряд частных — о педагогических институтах, о расширении прав педагогических советов, о выборности педагогических должностей, о съездах, обществах, об участии семьи в жизни школы и т. п. Ни по одному из этих вопросов не было достигнуто крупного нового решения. Особенно смутно и шатко ставился вопрос об отношениях семьи и школы или более общий вопрос об участии в жизни школы общественных сил и организаций. Со стороны рядовой массы педагогов, единственным глашатаем которой явилось Московское педагогическое общество, этот вопрос получал широкое принципиальное освещение и выдвигался ряд конкретных предложений о связи школы с родительской средой и заинтересованными общественными кругами. Все эти предложения встретили в Петербурге, в комиссии Боголепова резко отрицательное к себе отношение. Господствующее здесь настроение откровенно высказал председатель подкомиссии по вопросу о семье и школе. "В России, говорил он, слава богу, не было и нет никакой культурной борьбы. Государство всегда шло впереди общества, не отделяя своих интересов от общественных, и горе будет для школы, если постоянно будет подрываем ее авторитет. Хорошо рассуждать в кабинетах, в обществах и собраниях, но когда приходится руководить юношеством, вести его в известном направлении, поддерживать в известной дисциплине, то для этого необходима полная самостоятельность школы, при чем только при ее независимости можно возложить на нее и ответственность. Учителя ведь тоже принадлежат к членам общества. Правовые порядки должны быть чужды школе". Боголеповская комиссия категорически высказалась за независимость школы от проникновения в нее каких бы то ни было общественных сил и отвергла предложения московского педагогического общества, чтобы

земства, города и другие учреждения и общества имели своих представителей в педагогических советах.

Так педагогический труд в области среднего образования до конца старого режима не мог вырваться из тесных оков строго бюрократического режима, хотя в значительной мере уже и расшатанного накануне революции. Трагизм положения педагогической среды в наступившем 1905 г. революционном движении в том и заключался, что отсутствие твердой социальной организации этой среды, вне прямых рамок службы, не давало ей точки опоры в водовороте революционной борьбы. Одни элементы этой среды держались за обломки разбитого бюрократического корабля, другие разносились в разные стороны партийными течениями. Когда в порядке революционного творчества стала на очередь проблема "единой школы", то эта проблема не могла быть сведена только к вопросу об едином учебном плане. Такое же значение получал, с данной точки зрения, вопрос о коренном пересмотре всех социальных основ педагогического труда.

В те самые десятилетия, в 1860 — 1870 гг., когда бюрократический строй среднего образования достиг последнего и высшего своего напряжения, вновь открылась во всей своей широте проблема начального народного образования, почти совсем заглохшая в средине 19 века. Связь этой проблемы с реформами, коренным образом менявшими строй социальных отношений, крестьянской и земской, создавала новую почву и для всей постановки педагогического труда.

Хорошо уясненный еще в екатерининскую эпоху, но потом основательно забытый в средней школе взгляд на школьного работника не как на одностороннего специалиста, но именно как на педагога, ведущего моральное и умственное развитие своего ученика, как цельной личности, теперь снова ложился в основание педагогической работы в начальной народной школе: в ней должны были действовать "классные", а не "предметные" учителя. Отсюда исходило и твердое решение вопроса, не дававшегося по отношению к средней школе, — о способах подготовки начальных учителей. Когда министерство Головнина попыталось выяснить господствующее общественное мнение по данному вопросу по обширной журнальной литературе, запискам и отзывам отдельных лиц как в России, так и заграницей, то оказалось, что очень значительное число голосов предлагало народное образование передавать всецело в руки духовенства. Громадное же большинство мнений высказалось за создание специального кадра начального учительства. Разногласие вызывал только вопрос о формах этой подготовки. После некоторых колебаний для этой подготовки была раскинута сеть специальных педагогических рассадников, учительских институтов и семинарий.

Определенная постановка двух первых вопросов — о самом типе начального педагога и способах его подготовки — предрешала и третий, какая социальная среда будет по преимуществу поставлять начальных народных учителей. Не вызвало сомнений принципиальное решение, что эти учителя будут выходить из той народной массы, для которой теперь предназначалась вся совокупность начальных школ, городских и сельских, государственных и общественных (земских).

При первом же устройстве сети учительских семинарий в 1872 г. положено было набирать в них преимущественно крестьянских детей, которые не стремились бы бросать учительства ради более выгодных профессий. Но так как, с другой сто-

роны, практически не представлялось возможным наполнить учительскую среду одной крестьянской массой, то в 1870 гг. рядом специальных законоположений установлены были условия допущения к учительской работе лиц из других общественных состояний с известным образовательным цензом. В конце же 1870 гг. была подвергнута осуждению и самая тенденция привлекать к учительской работе в начальных школах крестьянскую молодежь. Летом 1879 г. комитет министров прямо предложил министерству просвещения принять к руководству относительно учительских семинарий высказанное по отношению к высшим школам начало о непривлечении в них искусственными мерами лиц низших сословий, особенно крестьянства. По этому поводу граф Толстой дал справку, что из учащихся в учительских семинариях приблизительно одна треть принадлежит к крестьянскому сословию. Неизвестно, какой результат дало помянутое предложение комитета министров. В самом же конце 19 века в учительских семинариях насчитывалось 70% крестьян.

С привлечением общественных сил к организации начального народного образования, в этой области более свободно и более естественно складывались такие формы педагогической работы, которые с большим трудом прививались в средней школе. Педагогические курсы, с'езды, совещания были поставлены более устойчиво, чем для педагогов средней школы. Наиболее благожелательное отношение правительственной власти к таким формам об'единения педагогической среды, которые выходили из обычных норм службы и отражали на себе дух общественности, проявлялось, как и следовало ожидать, в 1860 гг. В следующие десятилетия, с общим обострением правительственной реакции против общественной самодеятельности, характерная бюрократическая тенденция проникает и в сферу таких предприятий, как с'езды и курсы для народных учителей. Эта тенденция клонит в сторону узко практических вопросов педагогической работы и отвлекает внимание учительства от вопросов общих, теоретических. Так в 1897 г. особым циркуляром министерство потребовало, чтобы временные педагогические курсы для народных учителей проводились в духе чисто практическом. Не отрицая потребности учителей в пополнении теоретического образования, циркуляр, однако, настаивал, что такое пополнение теоретических сведений "отнюдь не должно, как это иногда, к сожалению случается, состоять в рассмотрении общих, нередко весьма спорных психологических и педагогических вопросов, для разрешения которых и сами руководители курсов обыкновенно не имеют должной научной компетентности, а слушатели курсов потребной подготовки. Побуждая участников курсов к такого рода умствованиям, руководитель курсов только приучает их к незрелому и неосновательному суждению и внушает им самомнение, несовместное с скромным положением учителя начальной школы". Этот циркуляр очень характерен. Признаваемое в нем опасным стремление к обсуждению общих теоретических вопросов было естественным и здоровым исканием цельного педагогического идеала. Начальный народный учитель, по самому существу своей задачи, был в данное время больше педагог, чем обычно односторонний специалист, "предметный преподаватель" средней школы. Но стремление начального учителя подняться на высоту некоторого цельного педагогического идеала об'являлось опасным поползновением выйти из отведенного ему скромного положения. Таким образом бюрократическая тенденция, разложившая в средней школе цельное понятие педагога и заменившая его предметным преподавателем, также разлагающе

должна была подействовать и на работу начального учителя. Отвлечение внимания от теоретических вопросов к "чистой практике" ставило эту работу, как механическую совокупность отдельных моментов и приемов, не освещенных единством педагогической проблемы, которое могло быть достигнуто только основательной, теоретической подготовкой.

Крупным социальным приобретением педагогического труда в 1860—1870 гг. было допущение женщин к учительским должностям в народных школах. Возникает ряд женских учительских семинарий, а в Петербурге при женских гимназиях учреждаются педагогические курсы, послужившие зерном, из которого впоследствии снова вырос давно забытый тип высшего педагогического института. В 1882 г. сильное впечатление произвел отзыв о работе женщин в народных школах сенатора Шамшина, ревизовавшего Саратовскую и Самарскую губернии. Шамшин так отчетливо и полно охарактеризовал положительные черты женщины, как начального педагога, что его отзыв был воспроизведен без комментария в особом циркуляре министра просвещения попечителям учебных округов.

Положение о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. было первым широко намеченным опытом привлечения к делу народного образования организованных общественных сил, в частности земств. Возникал вопрос о разграничении компетенции органов государственных и общественных. По этому вопросу, столь, очевидно, важному для всей дальнейшей судьбы педагогического труда в начальной школе, основные законодательные акты — оба Положения о начальных народных училищах (1864 и 1874 гг.) и Положение о земских учреждениях содержали слишком общие постановления, оставлявшие широкое поле для длинного ряда разнообразных казусов, разрешавшихся непосредственно в административном порядке или исходивших на рассмотрение сената. Общая тенденция в разрешении всех этих казусов клонилась к тому, чтобы земствам и разным общественным организациям, как учредителям и содержателям школ, предоставить права заведывания хозяйственной частью, все же управление учебным делом сосредоточить в руках правительственной власти. По отношению к педагогическому труду главный вопрос сводился именно к праву земств и обществ, содержащих школы, выбирать и назначать учителей. Особенно показателен один казус 1892 г., когда возник вопрос, имеют ли право учителя вступать в договоры с обществами, содержащими школы. Было обнаружено, что не только в Прибалтийском крае, где этот казус возник, но и во внутренних губерниях между учителями и общественными учреждениями заключались договоры, касавшиеся не только размеров содержания или вознаграждения труда учителей и учительниц, но также сроков пребывания в учительских должностях, исправного исполнения учительских и воспитательских обязанностей и т. п. Казус этот, видимо, возбудил в правительстве тревогу и по соглашению министров просвещения, юстиции и внутренних дел последовало решительное запрещение таких договоров. Во всех решениях сената по поводу недоразумений и споров о юридическом положении народных учителей проводилась та же точка зрения, что начальный народный учитель есть не наемник содержателя школы, а должностное лицо, отправляющее свои служебные обязанности по уполномочию правительственной власти, ею назначаемое, руководимое и контролируемое. В наиболее общей форме такая точка зрения была выражена сенатом в 1898 г. по вопросу об учителях городских

школ, когда было раз'яснено, что учителя и учительницы этих школ "по своему служебному положению соответствуют положению лиц, состоящих на государственной, а не общественной службе". Самое большее, что в направлении учительского труда предоставлялось земствам и другим общественным учреждениям, — это "приискание" и "рекомендация" кандидатов, назначение же и утверждение их оставалось прерогативой правительственной власти.

Если по раз'яснению сената служебное положение учителя определялось условиями государственной, а не общественной службы, то что давала эта государственная служба и как организовывалось в рамках этой службы социальное ядро учительства, выходившее из податных классов — крестьянства и мещанства?

Законодательство о службе гражданской до конца выдерживало общее постановление о недопущении на государственную службу лиц податных классов, причем одним из главных условий выхода из податного состояния признавалось получение образования в государственной службе. Вступление же лиц из податных состояний, по образовательному цензу, в государственную службу разрывало для них юридическую связь с их родной социальной средой. Между тем интересы народного образования требовали возможно тесной социальной связи между учащими и учащимися. Положение об учительских семинариях 1870 г. устанавливало, что воспитанники из податных состояний продолжают числиться в этих состояниях, но освобождаются от подушных сборов и всех лежащих на них личных повинностей. И по окончании курса со званием учителя начальных училищ они продолжают числиться в своем состоянии, но на льготе, и только по выслуге 12 лет исключаются из этого состояния и получают звание личного почетного гражданина. Лица, не проделавшие указанного служебного стажа, снова возвращаются в податное состояние. Таким образом народный учитель из крестьян или мещан все-таки оказывался юридически отщепенцем от своей социальной среды. Установленное же в 1832 г. "почетное гражданство", в которое переводился народный учитель, было одним из самых искусственных и неудачных плодов бюрократического социального творчества. Как заметил профессор Коркунов, оно приносило положительный вред крестьянству, "оно было насосом, высасывающим из крестьянской среды и крестьянских учреждений все малейшие зародыши образованности... Всякий мало-мальски образованный крестьянин делался почетным гражданином и, как таковой, исключался от участия в сельском и волостном сходах, состав крестьянских учреждений обрекался на полное и безусловное невежество".

Независимо от социального положения народного учителя закон, естественно, отвел ему очень скромное место на лестнице государственной службы. Право на чинопроизводство в пределах низших ступеней табели о рангах, ничтожное жалованье и пенсия давали такой минимум материального и морального обеспечения, при котором народный учитель оставался одним из наиболее обездоленных элементов служилого класса.

Так создавалась принципиальная двойственность в положении народного учителя в земской и общественной школе. Непосредственно питавшая его работу социальная среда готова была сделать из него преимущественно общественного работника. Но и государственная власть не выпускала из своих рук общественной школы. Зависимость же этой школы от государственной власти не могла не выразиться и

последовательном подчинении педагогического труда тем же формам бюрократического порядка, какие безраздельно господствовали в средней школе.

Раздвоенность в положении народного учителя, как общественного работника и как должностного лица, подчиненного режиму государственной службы, были одним из многих проявлений глубокого антагонизма между общественной самодеятельностью и правительственной властью, проходящего через всю нашу социальную и культурную историю за последнее полустолетие. Положение народной школы и педагогического труда в ней всегда болезненно отражали на себе перипетии этого антагонизма, сначала проявлявшегося в мелких будничных недоразумениях и стычках между общественными организациями и правительственной властью, а затем развернувшегося в прямую революционную борьбу на широком общественном и политическом фронте. В зависимости от перипетий этой борьбы складывалась и социальная идеалогия народного учителя. Было бы интересной задачей исследовать группировку народного учительства по политическим партиям. Такое исследование могло бы дать ряд показательных иллюстраций для социальной истории народного учительства и его роли в общественных движениях последних десятилетий.

Если попытаться, в заключение, наметить общую схему социальной истории педагогического труда за два последние столетия, то можно разделить эту историю на четыре периода.

В первый период, от эпохи реформ Петра Великого до эпохи Екатерины II выясняются отдельные, разрозненные социальные элементы, входящие постепенно в круг педагогической профессии. Преобладание технических заданий государственной власти, с одной стороны, интересов отдельных сословных групп, с другой, над интересами общего образования очень неравномерно распределяли разные стороны педагогического труда между разными группами школ. Работа учителя-техника, преподавателя общеобразовательной научной дисциплины, духовного лица, гувернера-иностранца в дворянской семье замыкалась в отдельные круги и не связывалась в единое понятие педагогического труда, как отдельные группы школ не об'единялись в единую систему просвещения. И носители этой профессии, которая в эту эпоху только условно может быть названа педагогической, делились на далекие одна от другой по своему социальному составу и культурной физиономии группы. Педагогическая среда выявляется в эту эпоху в полном смысле слова средой разночинской.

Вторая эпоха, время Екатерины II—Александра I, выдвигающая приоритет воспитания над образованием, впервые создает и единое понятие педагогического труда, внутренне цельного и самоценного. Педагогическая проблема освобождается от подчинения техническим заданиям государства, религиозному идеалу церкви, односторонним интересам сословных групп и, по господствующим философским воззрениям века, ставит себе самодовлеющую цель в раскрытии и обработке духовных сил "естественного" человека. На этой почве складывается новый социально-культурный тип педагога, тщательно регламентируемый законодательством. В этом типе должны были найти гармоничное сочетание и об'единение все разрозненные доселе стороны педагогической работы: воспитательной и образовательной, общеобразовательной и технической, школьной и внешкольной.

Третья эпоха, время Николая I, есть эпоха бюрократизации педагогического труда, снова теряющего то единство и цельность, каких оно успело достигнуть, до известной степени, в предшествующую эпоху. Применение к оценке педагогического труда бюрократических норм государственной службы снова дробило педагогическую среду на группы, весьма разнохарактерные по своему служебному и бытовому положению. Последовательно проводимый взгляд на педагога, как на чиновника, бюрократизировал весь порядок и темп его работы. В направлении этой работы получают преобладание мотивы охранительной политической идеологии. Разложение цельного педагогического идеала 18 века выразилось в упадке педагогического образования.

Последнего и высшего своего напряжения бюрократическая тенденция в направлении и организации педагогического труда достигла в 1870—1880 г.г. Но уже в предшествующее десятилетие, на почве вырастающего общественного движения против бюрократического режима, обнаруживаются признаки новой, четвертой эпохи: учащающиеся протесты общественных кругов против последствий бюрократизации школы, искание нового цельного педагогического идеала на основе положительной науки, стремление ввести в направление педагогической работы общественный интерес и создать педагогу положение не чиновника, а общественного работника. Затяжной и колеблющийся характер борьбы самодержавно-бюрократического режима с оппозиционными общественными силами создавал колеблющуюся и исполненную противоречий обстановку и для педагогического труда. Все эти противоречия сводились к одной основной проблеме: должен ли педагогический труд строиться по типу бюрократическому, как отправление государственной должности, или по типу свободной общественной работы. Революция 1917 г., сломившая весь старый политический и социальный порядок, выдвинула новую почву и для решения проблемы педагогического труда.

С. В. Рождественский.

* * *

Государственное земледелие на южной окраине московского государства в 17 веке.

Колонизация „поля" и „государева десятинная пашня".

„Государева десятинная пашня" была широко распространена на дворцовых землях Московской Руси 16 и 17 вв. Государевы десятины, обрабатывавшиеся трудом дворцовых крестьян в известной пропорции к их собственной запашке (напр., по десятине с „выти"), занимали такое же положение в дворцовом хозяйстве, как и „монастырские" или „боярские" десятины во владениях монастырей и крупных землевладельцев; даже размеры этой повинности крестьян бывали (напр., в Поволжье) одинаковы на дворцовых и монастырских землях [1]). Это была собственная запашка землевладельца который часть своей земли эксплоатировал хозяйственным способом: она имела частно-владельческий характер. Название „десятинная" указывает, что земля измерялась десятинами, а не „четвертями" — единицами государственного обложения.

Иной характер носила государева десятинная пашня, заведенная в конце 16 века вне дворцовых земель—в Сибири и на юге, в „польских городах". Ее цель и способы управления носили вполне публично-правовой характер; в данном случае можно определенно говорить именно о государственном земледелии.

В Сибирь, с самого ее завоевания, для содержания гарнизонов нужно было посылать хлеб, что лежало тяжелой повинностью на северных, поморских городах; по мере расширения пределов русского владычества на восток, огромные расстояния крайне удорожали и делали почти невозможной доставку хлеба из-за Урала. Естественно возникала мысль о заведении на местах казенной пашни, которая обеспечила бы выдачу „хлебного жалованья" служилым людям. И так как тогда не различали „государева" и „государственного", то заведенная „на государя" пашня получила здесь то привычное название, которое она носила на дворцовых землях — государева десятинная пашня. Способ ее обработки был в основных чертах

---

[1]) См. напр.: Новгородские писцовые книги (изд. Археограф. Комиссии). т. V. стр. 582—587 (Шелонская пятина в 1576 г.); Акты московского государства, т. I, №№ 129 и 135 (Вязьма); Г. И. Перетяткович, Поволжье в 17 и начале 18 века (Записки Новоросс. Университета, т. 34-й, 1882 г., стр. 4—прим., 22, 89, 91, 172—179 и др.)

тот же, что и в дворцовых селах—призывавшиеся „на льготу". „пашенные крестьяне", отсидев льготные несколько лет, обязаны были пахать на государя пашню в количестве, зависящем от размеров их собственной, „собинной", пашни: от 3 десятин до 1, 1/2 и более мелких долей десятины [2]). Однако, публично-правовая цель государевой пашни в Сибири проявлялась в порядках управления: руководителем и ответственным лицом являлся глава всей местной администрации, воевода, на помощь которому привлекались представители служилых людей (для которых, гл. обр., собирался хлеб), дети боярские, вместе с подьячими приказной избы—они должны были надзирать за крестьянами и приказчиками во время уборки хлеба и т. д.[3]).

В иной обстановке возникла государева десятинная пашня на южной границе, в степной, „польской" украйне. Правительственная колонизация руководилась здесь одной основной целью, составлявшей насущную жизненную необходимость московского государства,—обороны от татарских набегов. Колонизация осуществлялась в значительной степени принудительным порядком, „сведенцами", которые переводились правительством в новопостроенные города „на вечное житье". Южная граница московского государства к началу 17 века пролегала в пределах нын. Курской и Воронежской губерний—Воронеж, Оскол, Белгород были основаны в самом конце 16 века; город Царев-Борисов (н. слобода Борисовка Харьков. губ., Изюмского уезда), выдвинувшийся далеко к югу, был покинут во время Смуты. Несмотря на сложную систему „станичной и сторожевой службы", на массу войска, содержавшегося на южной границе, татары все-таки до самого конца 17 века постоянно приходили и собирали обильную дань пленными, которыми вели обширную торговлю. Более мелкие набеги повторялись ежегодно в разных пунктах растянутого южного фронта московского государства. При таких условиях труд земледельца оказывался крайне тяжелым и неблагодарным, несмотря на плодородие местного чернозема. Жители могли выезжать из города на сельские работы лишь с разрешения воеводы партиями человек в 30—40 и больше—с пищалями и рогатинами; правительственные распоряжения входили во все мелочи и предписывали, напр., на покосе половине людей стоять для береженья от татар с ружьем наготове, в то время, когда другая половина работает. При получении известий о приходе татар часть служилых людей снаряжалась в поход, а остальные жители должны были со своих пашень ехать с женами и детьми в город, забирая с собой часть хлеба, остальной ссыпая в ямы, а скотину

[2]) Так, в Туринском уезде в начале 17 века пашенных крестьян числилось 154 ч., пашень за ними 61 выть, на государя они пахали 151 дес. „в поле, а в дву потому ж" (т. е., при трехпольной системе, 353 дес., из которых засевалось 2/3—озимым и яровым хлебом); в 1654 г. государева пашня равнялась уже 442 дес. в одном поле. В Тюмени в 1645 г. пашенных крестьян было 115 чел., обрабатывали они 170 дес. в поле, и т. д.

[3]) П. Н. Буцинский, Заселение Сибири и быт ее первых насельников (Харьков, 1889), стр. 70—78, 97—98 и др.—Н. Н. Оглоблин, Обозрение столбцов и книг Сибирского Приказа, т.т. I—IV, в особенности, приложения XVI и XLV—XLVIII к т. I. Дополнения к актам историческим, т. VI, № 115 (наставление Верхотурскому воеводе относительно уборки дес. хлеба, 1674 года).

держать в укромных местах, в лесах и займищах. За непослушание грозили тем, что взятых в полон не будут окупать государевой казной, а иногда и батогами, кнутом и даже—смертной казнью. И нередко случалось, что пока жители „в поход ходили и в осаде сидели", земля оставалась не сеяна [1]).

Правительство было весьма озабочено развитием земледелия на южной окраине. Прибранные служилые люди (казаки, стрельцы, драгуны и т. д.) обязывались, между прочим, землю пахать. Однако, военные потребности заставляли правительство принимать меры, сводившие на нет заботы о развитии земледелия. Ему нужны были солдаты—и они постоянно набирались вновь из „детей, братьи и племянников" местных служилых людей, несмотря на их жалобы и указания, что крестьян и бобылей у них нет и что только благодаря труду их домочадцев они могут поддерживать свое хозяйство. Словом, все силы были на счету и направлялись на основную задачу—военную оборону. Жители должны были браться за соху в те моменты, когда можно было положить на время пищаль или рогатину; стиралась грань между воинами и пахарями—оставалась одна масса бесправных подданных, маловоинственных солдат и малохозяйственных земледельцев. Естественно, что размеры пашни у местных жителей были крайне незначительны. Стрельцы нового города Болхова в 1648 г., получив жалованные земли по 1 десятине в поле, вспахали всего по $^1/_3$ дес., да и того не смогли засеять за отсутствием семян; в Воронеже в 1670 г. находили, что прежние размеры земельного жалованья стрельцам—8 четей (4 дес.) в поле—слишком велики: стрельцу их не вспахать [5]).

А между тем продовольствие требовалось не только для местного населения, но и для служилых людей, присылавшихся на известный срок из более северных и старых городов. Сверх того, нужно было посылать хлеб на Валуйку, где русские послы встречались с крымскими,—тут надо было кормить посланников с их многочисленной свитой и пленными, приводимыми на размену,—а также Донскому казачьему войску, в качестве жалованья. Неудивительно, что частное хозяйство местного населения, отягченного „службами" всякого рода, не могло на первых порах доставить необходимого количества продовольствия. С другой стороны, обработка почвы наспех, кое-как, ставила земледельца в полную зависимость от условий погоды—неурожаи были постоянным явлением. В таких хлебородных местах, как напр., уезды: Воронежский, Острогожский, Белгородский, Козловский в то время постоянно слышались жалобы на полный неурожай. Путей сообщения (за исключением рек) почти не существовало, и, при по-

[4]) „Акты моск. гос.", II, № 311.—Царские грамоты на Корочу (в „Чтениях в Об-ве Истории и Древностей", 1859 г., кн. 2) №№ 55, 57, 58, 64, 71, 73 и др.—Н. Новомбергский, Очерки внутр. управления в Москов. Руси. Продовольственное строение. Материалы (Томск, 1914—в дальнейшем цитируются сокращенно: „Материалы" *Новомберского*), № 36.

[5]) Орловские акты, 315—319. (поручные записи). — Царские грамоты на Корочу, № 1. „Материалы" Новомбергского, №№ 5, 8 и 231.—Акты моск. гос., II, № 396, а также №№ 496, 571, 1027, 1081, 1139.

стоянной опасности от татар, транспорт стоил неимоверно дорого. В Болхове зимою 1631 года четверть ржи стоила 8 алтын, а доставка ржи из Болхова в Путивль (расстояние по прямой около 250 верст) стоила 8 алт. и 2 деньги. В Карачеве рожь стоила от 25 коп. и дороже, за провоз же до Путивля цена поднялась до 12 алтын (36 коп.) — хотя Карачев ближе к Путивлю, чем Болхов. Неудивительно, что в то время, когда в Курске рожь стоила 8 алтын четверть, в Белгороде цена ржи была вдвое выше — 15 алтын 2 деньги [6]).

При таких условиях приходилось обратиться к системе страхования путем устройства в городах хлебо-запасных магазинов — „государевых житниц" [7]). Назначением государевой десятинной пашни и было пополнение житниц (на ряду с присылкой хлеба из других городов, покупкой и, наконец, хлебным налогом с местного населения).

Итак, колонизация южной окраины московского государства была ярко выраженного *военного типа*; внешним образом это проявлялось в том обстоятельстве, что весь край находился в ведении Разряда—тогдашнего военного министерства. Естественно, что вся хозяйственная жизнь края приспособлялась к военным заданиям. Обстановка эта наложила свою печать и на государеву десятинную пашню в „польских" городах.

Размеры государственного земледелия в „польских" городах. Труд и заработная плата.

При царе Борисе государева десятинная пашня пахалась в „польских" городах: Ельце, Воронеже, Курске, Белгороде и Осколе [8]). В 17 веке мы встречаем ее в следующих, сверх указанных, городах: Яблонове — 1640—1643 г.г., Карпове—1647 и 1648 г., Валках—1651, 1655, 1660 г.г., Вольном—1652 г., Змиеве—1657 и 1659 г. (тогда писали „Змеев"), Усерде—1640 г. и, повидимому, в Хотмышске и Новом Осколе. Можно думать, что десятинная пашня считалась общим правилом в польских городах, т. к. в описаниях некоторых городов особо отмечалось, что десятинной пашни нет, что на великого государя никакого хлеба не сеют [9]).

[6]) „Акты моск. госуд.", II, №№ 240, 266, 293, 1112, 1113 и др.—„Материалы" Новомбергского, №№ 218, 515, 603, 271, 139, 468;—20, 22, 301.

[7]) Ср. „Материалы" Новомбергского, № 49.

[8]) Согласно „десятне государеве десятинной пашне, что в польских городах пашут 128 году", напечатанной и Миклашевским в соч. „К истории хозяйственного быта московского государства", ч. I (приложение № 1 к гл. V). Эта „десятня" отмечена была еще Н. Н. Оглоблиным — см. Описание докум. и бумаг моск. архива мин. юст., т. IV, 363—365.

[9]) „Материалы" Новомбергского, № 18, 30; 7, 43, 577; 56, 64, 213; 52; 91, 211, 212. Миклашевский, стр. 224 и 221, прим. (о Хотмышске). В „царских грамотах на Корочу" (№ 84) есть указание, что в 1647 г. велено было „на Калмиюской сакме в новом городе завести нашу десятинную пашню",—по переписным книгам Б. Аргамакова, в 155 г. на Калмиусской сакме был построен Нов. Оскол (Доп. к акт. истор., IX ст. 276)—„Материалы" Багалея, №№ XVII и XIX; „Воронежские акты" Второва и Дольника, т. I, стр. 153.

Как заводилась государева десятинная пашня, можно видеть на примере гор. Змеева. В 1657 г. змеевскому воеводе Ржевскому из Белгорода были присланы семена: овса 40 четвертей—„в московскую таможенную меру", гречихи 8 чет. и проса 2 чет. Вспахав пашню „русскими ратными людьми" (т. е., не черкасами), воевода посеял. К осени надо было вспахать землю под рожь, но ржи в Змееве не было. В виду этого, из Белгорода отправили в Змеев ржи „доброй и всхожей 50 чети, чтобы та рожь поспела к оржаному севу" [10]).

Эти данные позволяют также установить размеры государевой пашни в Змееве. Размеры ее определялись тогда количеством десятин в одном поле (по трехпольной системе—ярь, озимь, пар). Судя по количеству семян—50 четвертей—размеры ярового поля в Змееве на первый раз не превышали 30 десятин (т. к. овса высевалось обыкновенно от 2 до 3 четвертей на десятину, а гречихи и проса—около 1 четверти, ржи—от 1 до $1^3/_4$ ч. на десятину; см. об. этом ниже, где говорится об урожайности). В Ельце, Воронеже, Белгороде, Курске и Осколе (Старом) размеры десятинной пашни в начале царствования Михаила Федоровича были определены в 100 дес. в поле (всего, следовательно, 300 дес., из них 100 под паром). Это количество десятин было, повидимому, нормой; иногда запашка была несколько больше, чаще—несколько меньше. Для продовольствования местных гарнизонов этой пашни было совершенно недостаточно,—оно падало, таким образом, на собственное земледелие населения и на частную торговлю. Незначительные размеры государственного земледелия на южной окраине бросаются в глаза при сравнении с размерами государевой пашни в Сибири, и особенно в дворцовых селах и городах, где велось хозяйство под личным наблюдением царя Алексея Михайловича [11]).

Основной причиной незначительности государевой десятинной пашни был недостаток рабочих рук. Обработка ее была натуральной повинностью населения и покоилась, следовательно, на принудительном труде. Но в то время, как в дворцовых вотчинах и в Сибири эта повинность лежала на крестьянах, на юге ее должны были нести служилые ратные люди. Юридически, обработка государевой пашни была обязанностью всего населения, пахать ее должны были „служилые и жилецкие и уездные всяких чинов люди"; но так как население состояло почти исключительно из служилой мелкоты, *крестьян* не было, то фактически вся работа ложилась на служилых людей и производилась в промежутки между служебными занятиями.

Во второй половине 17 в. была заведена десятин. пашня несколько севернее—в Дедилове, Романове, Скопине, Богородицком; но по способам эксплоатации она подходила к обычной государевой пашне дворцового ведомства.

[10]) „Материалы" Новомбергского, № 211.

[11]) В с. Измайлове было 800 дес., в Скопине и Романове велено было завести пашни 3.000 дес. и т. д. Миклашевский, указ. соч., прил. № 1 к гл. V; там же, стр. 220 и 224, прим. „Материалы" Новомбергского, №№ 577 и 7; ср. там же, №№ 18 и 52.—А. И. Заозерский, „Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве", стр. 179. О размерах г-ревой пашни в Сибири см. в начале настоящей статьи.

В Курске в 1625—1626 г. мы видим точно определенное распределение работы между различными категориями служилых людей: особая „роспись" 134 года указывает, что из 100 десятин ярового поля 66 пахали куряне, дети боярские, 15 дес.—курские казаки, 13 дес.—курские стрельцы, остальные 6 дес.—пушкари, затинщики, плотники, воротники и ямщики; в „оржаном" (озимом) клину распределение было несколько иное: дети боярские пахали 56 дес., казаки—23 дес., стрельцы—15 дес., пушкари и пр.—6 дес.; отдельно для каждой категории велся и учет „ужина" и „умолота". Там, где имелось посадское население, оно тоже привлекалось к работам,—так было в Ельце, городе сравнительно старом и торговом.

Но не везде местное население могло доставить нужное количество рабочих рук—в новопостроенных городах, где постоянные гарнизоны были слабы и количественно и хозяйственно, они подкреплялись служилыми людьми иных городов, присылавшимися по очереди на известный срок, „на перемену"—эти-то временные защитники должны были тоже не только сражаться, но и пахать землю.

Местные жители работали обыкновенно на своих лошадях; напротив, в „дальних" городах приходилось держать государевых пахотных лошадей (впоследствии, под влиянием черкас, выходцев из Малороссии, стали заводить для государевой пашни волов). При царе Борисе в Белгороде и Осколе для пашни было по 130 лошадей, „а пахали ту пашню стрельцы пешие украинных городов, переменяясь по годам, которых посылали на службу, и сошники и серпы государевы"; напротив, в Ельце и Курске пахали „тутошние всякие жилецкие люди на своих лошадях". Естественно, что эти пришлые рабочие были еще хуже и еще менее надежны, чем местные, потому что им легче было уклониться от ответственности. Так, в Валках (где еще в 1655 г. было всего 48 чел. служилых людей разных чинов) в 1651 г. десятинную пашню под рожь пахали и рожью сеяли, на ряду с валковскими казаками, также иногородние: курские стрельцы и елецкие стрельцы и казаки; при этом обнаружилось, что ельчане, 25 человек, „своровали—пахали, не сеяв", т. к. на 7 десятинах их сева всходов не оказалось, в то время как на десятинах валковских казаков и курских стрельцов „рожь взошла вся добра". Однако, это обнаружилось прежде, чем провинившимся была прислана из Ельца "перемена", и валковский воевода, когда перемена явилась, „велел дать их на поруку и поручную запись на них взял".

Население всячески уклонялось от работ на государевой пашне: в 1659 г. змеевский воевода доносил, что в Змееве посеяно всего 25 чет. ржи, 42 ч. овса и осьмина (1/2 четв.) проса—„а больше того сеять и пахать десятинной пашни некем", так как ратных людей из других городов воевода прислал несполна, а в Змееве „служилых людей мало и те от государевой пашни бегают по домам". В следующем году на то же жаловался валковский воевода: служилые люди стоят на караулах беспрестанно и несмотря на

прибытие людей, присланных из Белгорода „за воровство", в Валках десятинной пашни пахать и молотить некому [12]).

Поэтому приходилось обращаться к вольнонаемному труду. Так, в Белгороде в 1656 г. из 93 десятин 13 было посеяно рожью „наимаючи". В Яблонове в 1640 г. государеву пашню пахали московские стрельцы и яблоновские казаки с платой по полтине в месяц, а рожь жали казачьи жены в течение 3 дней (первый день 225 чел., второй—201 и третий—только 17 чел.), с платой по алтыну в день. В 1642 г. местный воевода получил предписание пахать под ярь и под рожь „охочими наемными людьми с поденным кормом... а яблоновским служилым людям государевы десятинной пашни в неволю пахать не велено"; однако, охочих людей не оказалось, пахать волей было некому, и воевода обратился к привычным методам управления—велел пахать государеву пашню яблоновским казакам, стрельцам и пушкарям, правда, с выдачей все-таки „поденного корма" в предписанном ему размере: пахарям, жнецам и „от молотьбы" по 10 денег человеку, „бороновolокам"—по 6 денег на день человеку [13]).

Эти сведения позволяют до известной степени судить о заработной плате сельско-хозяйственного рабочего 17 века. Конечно, голые цифры—6 и 10 денег (3 и 5 коп.)—сами по себе говорят очень мало. Для того, чтобы судить об этой номинальной заработной плате, надо перевести ее в реальную. Грубым, но достаточным приемом для этой цели является перевод этой денежной платы на хлебный эквивалент: надо установить тогдашние цены на хлеб и затем определить, сколько хлеба мог приобрести земледельческий рабочий на свою заработную плату [14]).

[12]) „Материалы" Новомбергского, №№ 149; 195 и 196; 607 и 261.—Миклашевский, прил. № 1 к гл. V; „Материалы" Новомбергского, №№ 41 и 56 (ср. 64), 212 и 213.

[13]) Миклашевский, прил. № 7 и № 5 к гл. V (стр. 305 и 285 и сл.).

[14]) Единицей измерения всяких хлебных запасов была четверть, о размерах которой нет твердо установившегося мнения. Ключевский думал, что в первой половине 17 века существовала малая, четырех-пудовая четверть, в промежуток 1642—1659 г.г. замененная восьми-пудовой. Действительно, в Сибири казенная четверть равнялась приблизительно половине нынешней, и вес ее целовальники определяли от 4 п. 26 фун. до 5 пудов, а чаще в 4 пуда 32 фунта; но торговая четверть в Сибири была вдвое больше казенной, следовательно, была приблизительно равна нынешней. Документы Н. Новомбергского убеждают, что никакого перелома в размерах четверти в 1642—1659 г.г. не было, и что четверть „казенной меры" в начале и в конце 17 века, приблизительно равняясь нынешней, смотря по способу пользования ею, давала 2 различных меры: „приимочную" и „отдаточную". Четверть в „казенную приимочную меру в 8 четвериков с верхи" получалась при насыпании зерна с „верхом", т. е. с тем конусом, который образуется после наполнения меры. Казенная „отдаточная" мера была „без верхов", „вровно" (или „под гребло"), причем 200 четвертей „в отдаточную меру" = 175 четвертей „в приимочную меру". Если бы мнение Ключевского было правильным, то количество четвертей высеваемого на 1 десятину хлеба после 1642—1659 г. должно было бы уменьшиться вдвое по сравнению с предыдущим периодом (т. к. об'ем четверти увеличился, якобы, вдвое). В действительности, количество четвертей ржи и овса, высеваемого на десятину (а десятина, по компетентному свидетельству С. Б. Веселовского, всегда равнялась 80×30 саженей) и в начале,

Цены на хлеб очень сильно колебались по времени и месту. Но мы имеем сведения о ценах на хлеб как раз в Яблонове и в то время, к которому относятся наши сведения о денежной заработной плате: в 1640 г. четверть ржи стоила здесь, по казенной расценке, 10 алтын=30 копеек, четверть овса—6 алтын 4 деньги=20 копеек[15]). Таким образом, рабочий мужчина (при пахоте, жнитве и молотьбе), получая 10 денег (5 коп.) в день, зарабатывал 1/6 четверти ржи или 1/4 чет. овса, а принимая, грубо, вес четверти ржи в 9 пудов, овса—в 6 пуд.,—1 1/2 пуда ржи или столько же овса. „Бороноволок" и женщина-жнея, получая поденно 3 коп., зарабатывали 1/10 четв. ржи (0,9 пуда=36 фунтов).

Любопытно сравнить этот заработок с заработной платой русского сел.-хоз. рабочего до-революционного периода. Средняя заработная плата с.-х. рабочего в малороссийском и центрально-земледельческом районах за 1909 — 1913 г.г. была 96 коп. в день (поднимаясь во время уборки хлеба, в Воронежской губ., до 1 р. 10 коп.), женщины—61 коп. Средняя цена ржи в Воронежской губ. в 1910—1913 г.г. была 68,7 коп. Следовательно, рабочий мужчина зарабатывал около 1,4 пуда ржи, женщина—около 0,9 пуд. (точнее 0,89). И так, за 300 лет мы почти не видим перемены: „поденный корм" работника на государевой десятинной пашне 17 века приблизительно равен (чуть выше) поденной заработной плате с.-х. рабочего начала 20 века в тех же самых местах. Впрочем, для общего сравнения заработной платы русского сел.-хоз. рабочего прежде и теперь, надо не забывать еще одного обстоятельства: этот район (Курская и Воронежская губ.) в 19 и 20 вв. имел избыток рабочих, которые отхо

и в конце века было одно и то же; следовательно, казенная четверть в течение 17 в. никаких существенных изменений не потерпела (по крайней мере, на южной окраине московского государства). В настоящее время ржи высевается обыкновенно около 1 четверти на десятину, овса — от 1,5 до 3 четвертей. На государевой пашне 17 века посев был, в общем, несколько гуще; но нельзя допустить мысли, чтобы часть семян не оставалась в пользу администрации, и в таком случае оказывается, что тогда высевалось столько же четвертей на десятину, сколько теперь. Отсюда можно заключить, что и сама четверть 17 в. равнялась, приблизительно, нынешней (что Ключевский признает только для 2-й половины века). Можно думать, что в Сибири казенная четверть постепенно уменьшилась вдвое в видах экономии при выдаче хлебного жалованья служилым людям. „Малая" четверть была скорее сибирским нововведением, чем остатком московской старины. Ключевский, Русский рубль XVI—XVIII в. Его же „Опыты и исследования" стр. 130—141; Буцинский, „Заселение Сибири", стр. 264—265; „Материалы" Новомбергского, № 196, 198, 2, 201, 204, 206, 209, 210, 172, 387, 566; „Акты моск. гос." II, № 1159. „Материалы" Новомбергского, № 209, 210, 257; ср. „Царские грамоты на Корочу" № 108. В Путивле в 1664 г. мы встречаем четверть „в стрелецкую отдаточную меру, в 6 четвериков". Новомбергский № 263.

[15]) Эта цена не является исключительной: в Хотмышске в 1641 г. рожь стоила 8 алт. 3 деньги (25 1/2 коп.), в Белгороде в 1647 г. — 10 алт. четверть. Миклашевский, прил. № 7 к гл. V (стр. 302 и 304); „Материалы" Новомбергского, №№ 27 и 41. Пшеница стоила вдвое дороже ржи (Хотмышск, 1641 г.—там же, № 27), но она не входила существенной частью в питание русского населения 17 века (в противоположность „черкасам").

дили на заработки в Новороссию, на Дон, Кубань и т. д., а в 17 веке он находился на самой окраине и сильно нуждался в рабочих руках, занимая положение, аналогичное тому, какое в новейшее время занимали новороссийские губернии, где заработная плата была значительно выше [16]).

Повинности местного населения по отношению к государевой пашне не ограничивались их личным трудом; иногда оно должно было давать и семена в порядке принудительного (и беспроцентного) займа. Так, к займу правительство прибегло при восстановлении пашни после Смуты: в Ельце в 1617 г. „у ельчан, всяких людей" было взято взаймы на семена 200 четв. ржи, а весной 1618 г.—400 п. овса; в 1620 г. в Курске было взято у курчан 106½ четв. ржи и в Осколе с осколян—150 четв. овса. И позднее казенное хозяйство не всегда сводило концы с концами, и наличного хлеба в житницах не всегда хватало даже на семена. Так, в Ельце в 1638 г. овса было умолочено всего 120 четв., а посеять надо было 96 дес.; воеводе было предписано занять овса до нови „у кого пригоже, а заплатить овсом же против прежних лет",—очевидно, подобные займы практиковались уже не раз [17]).

Урожайность государевой пашни. Порядки управления. Ликвидация государственного земледелия.

Об урожайности государевой пашни сохранилось мало сведений, а потому они приводятся ниже полностью, причем счет четвертей идет „в казенную приимочную четверть".

В Курске в 1626 г. в „оржаном" клину на 100 дес. было посеяно 150 четвертей, а умолочено 620 четв.; таким образом, урожай был сам—4,1. В яровом поле со 100 дес. овса (сеяно 300 чет.) было собрано 1.247½ чет.—урожай сам — 4,2. К 1627 году на 100 дес. было посеяно 150 чет. ржи, которые дали сбор в 683 чет.: урожай сам — 4,6; овса было посеяно на 100 дес. 300 четвертей, умолочено 1.156 чет.: урожай сам—3,9.

В Осколе в 1633 г. было высеяно овса 300 чет., урожай равнялся 465 четвертям, или сам — 1,6. Об урожае ржи прямых сведений нет, а косвенные противоречивы.

В Белгороде к 1634 году было высеяно ржи 100 четвертей (по 1 чет. на десятину), но в этом году „рожь не родилась, выжгла ведрынь"; за то в 1635 году „та рожь отродилась, жать пригодилась". Из 100 десятин

---

[16]) В. П. Милютин, „Сел.-хоз. рабочие и война", (П. 1917), стр. 25.—Статистико-Экономический Словарь Воронежской губ. (Вор., 1921 г.), стр. 481—482.—Само собою разумеется, что эти соображения о заработной плате имеют характер не окончательных выводов, а только некоторых исходных пунктов для дальнейшего исследования.

[17]) Миклашевский, прил. № 1 к гл. V; „Материалы" Новомберг. с к о г о, №№ 193;—499 и 566 (эти два документа напечатаны в различных местах сборника, хотя второй составляет непосредственное продолжение первого).

9 было отдано „переезжим черкасам", по десятине человеку, а с 91 дес. белгородские всякие служилые люди жали рожь и умолотили 97½ чет.: таким образом, урожай едва вернул семена (правда, это был исключительный случай—жатва на второй год после посева; в дальнейшем, при выводе средней урожайности, этот случай отброшен). В 1636 г. с 93 дес. ржи (сеяно было 93 чет.) умолочено 240 чет.: урожай сам 2,6; овса было высеяно на 80 дес. 240 четвертей, собрано 250½ чет.: урожай только-только вернул семена (сам—1,04). По этому поводу воевода получил выговор: „Ведомо нам учинилось, что в 144 году в Белгороде милостью божией рожь и яровой всякий хлеб родился и умолот был немалый, а на наших десятинах рожь и овес родились с малым умолотом. И то знатно, что белгородцы нашу десятинную пашню пашут не во время твоим нерадением и оплошкою, испустя пашенную пору".

В Змиеве в 1659 г. было посеяно ржи 25 чет., умолочено 123 чет., урожай сам—4,9; овса посеяно 42 ч., умолочено 150 ч.: урожай сам—3,6; проса посеяно ½ ч., умолочено 5½ ч.: урожай сам—11 [18]).

Больше всего сведений мы имеем относительно Ельца. В 1617 г. в „оржаном клину" на 100 дес. было высеяно 200 четвертей (в отдаточную меру—175 ч. в приимочную меру), умолочено 1.124½ чет.—с 1 десятины, таким образом, было собрано 11¼ четверти, или, при весе четверти в 9 пудов, 101¼ пуд.: урожай был сам—6,4. Это—наивысший урожай ржи из всех, известных нам на десятинной пашне южной окраины. В яровом клину урожай в этом году был гораздо хуже—овса было посеяно 400 четв. (вероятно, в отдаточную меру—все же, исключительно густой посев—надо думать, что это цифра фиктивная и значительная часть осталась администрации), умолочено 831¼ четв.: урожай сам—2,4. В 1629 г. высеяно 200 четей „в казенную меру восемь четвериков вровно" (=175 чет. в приимочную меру), умолочено 174½ четв., — таким образом, урожай только вернул семена [19]). В 1652 г. со 100 десят. было умолочено ржи 425 четв.; сколько было высеяно—нет прямых указаний, но если столько же, сколько в следующем 1653 г. (200 чет. в отдаточную меру = 175 чет. в приимочную меру), то урожай был (425 : 175) сам—2,4. В 1653 г. „по опыту" ржи должно было получиться 352 чети—„и за семены устроено будет в житницах и с семенными верхи 177 чети" (352—177=175); следовательно, урожай был сам—2. Овса на 100 десятинах было умолочено в 1652 г. 324¾ четв., а в 1653 г. 404⅝ ч.; сколько было высеяно, нет указаний, но т. к. обыкновенно на десятину высевали от 2 до 3 четв., то урожай был во всяком случае не выше, чем сам—2. В 1664 г. ржи на 95 десят. было посеяно 95 четв., а вымолочено 224 чети: урожай был

18) „Материалы" Новомбергского, №№ 196 и 198; 2; 201, 204, 206 и 208; 212.

19) Миклашевский в таблице на стр. 230 устанавливает урожайность для 1617 и 1629 г.г., просто деля цифру умолота на цифру высева, не принимая во внимание различия мер—„приимочной" в первом и „отдаточной" во втором; поэтому, у него урожай ржи в 1617 г. определен несколько ниже моего: сам—5,6. См. там же, прилож. №№ 1 и 2 к гл. V.

сам – 2,35; овса на 100 дес. было умолочено 525 чет.;—к сожалению, опять нет указаний, сколько четвертей было высеяно [20]). Затем имеются сведения за 1676—1691 годы [21]): наивысший урожай ржи сам—3,9 (1686 г.), овса сам—2,05 (1683 г.); низший урожай ржи был сам—0,9 (1690 г.), овес же 3 раза совсем „не родился" (1679, 1681, 1690 г.г.) и 3 раза (1680, 1689, 1691 г.г.) не вернул семян.

Из одной воеводской отписки об урожае 1633 г., без указания места, видно, что—на 100 дес. было высеяно 175 ч. (200 четв. в „отдаточную" меру), умолочено 517½ чет.:—урожай сам—2,9. Овса со 100 дес. было собрано 775⅝ чет.; если предположить, что высеяно было по 3 ч. на десятину, то урожай был сам—2,6 [22]).

Подводя итог всем этим данным и откидывая годы полного неурожая (когда не возвращались даже семена), получим средний урожай: ржи сам — 2,5 и овса сам — 1,9. Цифра эта не должна сильно расходиться с действительной средней урожайностью десятинной пашни в „польских" городах 17 века, так как число наблюдений (28), может быть, и не вполне достаточно с точки зрения современной статистики, но исключает возможность полной случайности. Конечно, определение урожайности в „самах"—прием весьма несовершенный, как не указывающий продуктивности земледелия (при различной густоте высева десятина дает различное количество хлеба). Но в данном случае только этот прием может претендовать на точность, так как определение урожая в мерах об'ема или веса с десятины будет всегда не точным вследствие неясности размеров четверти 17 века. С некоторым приближением можно, однако, определить урожайность и этим способом: принимая вес четверти 17 в. равным современному (в круглых цифрах — 9 пудов для ржи и 6 пудов для овса) получим урожай ржи 33,75 пудов с десятины (при высеве в 1,5 четв 13,5 пудов) и овса 34,2 пуда с десятины (при высеве в 3 четв. = 18 пудов).

Эту урожайность нельзя не признать очень низкой: она значительно ниже, напр., той, которая была на крестьянских и, тем более, помещичьих землях Воронежской губ. в 1901—1910 г.г. (ржи: у крестьян 55 пудов, у владельцев 68 пуд. с десятины—сам 6; овса: 49 и 65 пуд. с десятины).

Было бы чрезвычайно интересно сравнить урожайность государевой пашни с современной ей урожайностью у крестьян и вотчинников и помещиков. Относительно крестьян мы не располагаем необходимыми данными [23]). A priori можно думать, что у них урожай был выше. В Сибири

[20]) „Материалы" Новомбергского, №№ 209, 210, 108.

[21]) Таблица приведена у Миклашевского, стр. 230.

[22]) „Материалы" Новомбергского, № 257. Возможно, что и в данном случае речь идет о Ельце: отписка писана Дмитрием Толочановым, который в 1634—1635 г.г. был воеводой в Ельце (Барсуков, Списки городовых воевод XVII столетия, стр. 71)—он мог быть там воеводой и в 1633 году.

[23]) Л. Б. Вейнберг приводит в своем „Очерке с.-х. промышленности Воронежской губ." (Воронеж, 1890 г., стр. 54) таблицу посева и урожая ржи и овса на полях беглых Демшинских крестьян конца 17 в., — но из нее нельзя делать никаких выводов, (как это делает Миклашевский, стр. 227), т. к. тут жался хлеб беглецов, оставлен-

(где государева пашня давала, в общем, гораздо более высокие урожаи), в Тюменском уезде урожаи ржи на государевой десятинной пашне бывали сам—8 и 9, а на „собинной" пашне—сам—9, 10 и даже 12 [24]). Лучше дело обстоит с нашими сведениями об урожайности у крупных землевладельцев—тут мы имеем для сравнения „книги посевные, ужинные и умолотные" нижегородских сел дядьки ц. Алексея Михайловича, боярина Б. И. Морозова [25]). Для села Ново-Покровского сведения об урожае имеются за 1657—1661 годы: высший урожай ржи был сам - 6,7, низший сам—3,6; для овса—высший сам—5,5 низший сам—2,75; средний урожай ржи за пятилетие был сам—4,6, овса сам—4,56. Если присоединить сюда данные об урожайности в других вотчинах Нижегородского уезда Морозова—д. Большие Кемары, Кеслав, с. Знаменское, д. Пергалей, слоб. Кудашево, с. Бурцево, то общая средняя будет для ржи сам—4,3; для овса сам—4,1.

Почва Нижегородской губ. хуже почвы Курской и Воронежской губ., где лежала изучаемая нами госуд. десятинная пашня, и если урожайность в вотчинах боярина Морозова была значительно выше и притом постояннее, чем на госуд. десятинах в „польских" городах, то это, очевидно, должно быть отнесено за счет общих недостатков тогдашнего казенного хозяйства.

В свойствах тогдашней администрации, в наличии злоупотреблений — источник малой продуктивности государственного земледелия. Общее руководство государевой пашней лежало на главе всего местного управления—воеводе. В наказах из тогдашнего военного министерства, Разряда (ведавшего тогда южную окраину), ему предписывалось самому смотреть, чтобы десятины были вспаханы, чтобы хлеб был посеян сполна, и с полей свезен во время, и житницы осматривать, чтобы житницы были крепки, „чтобы хлебу от дождя и от всякого небрежения никакой порухи не учинилось". Непосредственными помощниками воеводы были „замолотчики", избранные местным населением по распоряжению (и часто под явным давлением) воеводы, во главе с сыном боярским. Они были приставлены „к замолоту, и к ужину и к отмеру": наблюдали за жатвой, производили „опыт", „замолот" и устанавливали размеры умолота, записывая все это в особые книги. Они же наблюдали за вспашкой, нанимали в случае надобности рабочих, продавали солому и ухоботье и т. д., а также обычно хранили запасы в государевых житницах (в тех городах, где не было государевой пашни, житницы поручались особым житенным головам и целовальникам). Ужатый хлеб складывался в копны определенного размера (в Сибири и в вотчинах Морозова таковыми были обычно сотницы

ный без призора: сколько тут крали и толочили соседи и гулящий скот, определить, конечно, невозможно—поэтому-то число ужатых копен оказывается чрезвычайно неравномерным у разных владельцев и, в общем, очень малым.

[24]) Буцинский, указ. соч., стр. 102.

[25]) Напечатанные во „Временнике Московск. Общества Истории и Древностей", 1846 г., кн. 2.

или сотные копны, размером в 100 снопов; в „польских“ городах копны имели 52 снопа и делились на 4 „крестца“), причем иногда копны „доброго“, „середнего“ и „худого“ качества подсчитывались отдельно. Затем производился „опыт“: несколько копен „сажалось“ в овин и молотилось; по этому пробному умолоту („по опыту“) определялась величина урожая. Остальные копны свозились на гумно, складывались в скирды и молотились уже в течение зимы; мякина и солома продавались „повольною ценою“, и вырученные гроши посылались в Москву, в Разряд. Туда же воевода отправлял отчеты замолотчиков с их подписями [26]).

Хранение хлеба в житницах поручалось целовальникам. Постройка житниц была повинностью населения, как и перемол ржи в муку и приготовление из овса крупы и толокна [27]).

Состояние государевых житниц, судя по воеводским отпискам, было крайне безотрадно; хранившиеся там запасы часто гибли без пользы. Вместе с тем часты были случаи злоупотреблений. Люди, сильные своими связями, легко получали беспроцентные займы хлебом — мы встречаем челобитные о семенной ссуде не только служилой мелкоты, но и крупных землевладельцев, поддерживавших хозяйство своих вотчин на казенный счет. Не забывала себя и администрация пашни — воевода, житенный голова и целовальники.

При описанных условиях, только опасение оставить гарнизон совершенно без хлеба в случае „осады“ побуждало сохранять государеву пашню. Но понемногу население увеличивалось, военная граница подвигалась все дальше к югу и земледелие населения пускало прочные корни. Тогда стали наполнять государевы житницы путем натурального налога на земледельческое население. Государева десятинная пашня, устроенная на дикой окраине с военными целями, должна была умереть. Важно было тут также развитие торговли и, в частности, постоянного обмена с литовской Малороссией, которая, будучи в экономическом отношении гораздо выше московской украины, всегда могла обеспечить ее привозным хлебом. Московское правительство само иногда находило более выгодным покупать хлеб для своих „дальних“ городов за литовской границей.

Уже с 1620 г. началась постепенная ликвидация государевой пашни в „польских“ городах (только в Ельце она удержалась до конца 17 века).

Однако, несколько севернее государева пашня в это же время, напротив, заводилась вновь. При Алексее Михайловиче, вследствие личной склонности царя к сельскому хозяйству и, может быть, некоторых его

---

[26]) „Материалы“ Новомбергского, №№ 215, 208; 12, 25, 56, 61, 200, 201, 204.— Там же № 209 ср. №№ 210 и 257.—Для Сибир. десятин. пашни мы имеем подробную инструкцию, как действовать замолотчикам, детям боярским на десят. пашне Верхотур. уезда. „Дополн. к А. И.“, т. VI, № 115. Тут порядок учета собранного хлеба был несколько иной: каждый „пашенный крестьянин“ жал с той земли, которую он индивидуально обрабатывал и учитывался тоже индивидуально. Ср. Оглоблин, указ. соч. т. I, прилож. XLVI, XLVII, XLVIII.

[27]) Новомбергский, №№ 216; 26, 27, 19, 206 и др.

политических планов, начинает заводиться государева пашня в пределах нынешней Тульской, Рязанской и Тамбовской губ. В 1659 г. основывается она в Дедилове, в 60-х годах — в Богородицком, Скопине, Романове. Тут обстановка была иная: хозяйство находилось под непосредственным наблюдением царя, который вводил тут порядки, принятые в дворцовом ведомстве; в частности, тут стремились обеспечить подходящие рабочие руки, заменяя служилых людей крестьянами, освобожденными от „службы", более привычными к земледелию и к несению тягла — их было гораздо удобнее и выгоднее эксплуатировать. И после смерти Алексея Михайловича, государева десятинная пашня продолжала существовать в последних трех „дворцовых" городах.

Удержалась государева пашня до конца века и в Сибири—ибо колонизация Сибири, естественно, не могла идти так быстро, как на юге Европейской России. Впрочем, и здесь кое-где успехи колонизации приводили к ликвидации государственного земледелия: так, в Тобольске уже в 1623 г. крестьяне, обрабатывавшие до того государеву пашню стали платить хлебом; казна ничего не выиграла и не проиграла („равно прибыли и убыли для государя в том нет"), зато для крестьян это было огромным облегчением, т. к. они должны были пахать государевы десятины раньше „собинной" пашни и собирать с них хлеб раньше, чем у себя, так что хлеб у них осыпался [28]).

Мы не знаем, существовало ли последнее правило и на южной окраине Московского государства; если да, то оно, разумеется, стояло поперек дороги развитию собственного, частного земледелия у местного населения, которое стало добиваться и добилось уничтожения этой тяжелой повинности.

История „государевой десятинной пашни" — любопытная страница в истории колонизации русского юга. Колонизация эта шла одновременно двумя путями: с одной стороны, государство выдвигало в степь свои укрепленные посты и селило принудительным порядком ратных людей; с другой стороны, шло вольное переселение крестьян-земледельцев (часто—беглых от своих прежних владельцев) с севера и затем, все усиливаясь, с запада, из Малороссии. Уже при Михаиле Федоровиче и, особенно, при его сыне шла интенсивная колонизация „поля" черкасами из Литвы; с ними правительство обращалось гораздо более ласково и предупредительно, чем со своими старыми московскими подданными, и предоставляло им многие льготы, в частности — винокурения и беспошлинной торговли. Это дало сильный толчок развитию земледелия и хлебной торговли. Служилые люди г. Валки в 1652 г. обратились в Москву с челобитьем, прося дать распоряжение воеводам пускать к ним из-за рубежа черкас, чтобы им от недостатка хлеба не погибнуть; надо отметить, что в это время в Валках те же служилые люди пахали государеву десятинную пашню—очевидно, существование ее не устраняло опасности голодной смерти, и главная надежда

[28]) „Материалы" Новомбергского, №№ 454, 464, 500, 706; Заозерский, указ. соч., стр. 300; Буцинский, „Заселение Сибири", стр. 115.

была на приезжих черкас [29]). Понемногу, и местные жители обзаводились пашнями и начинали сами продавать хлеб. Успехи вольной колонизации и торговли делали государственное земледелие обременительной ненужностью. Размеры его в „польских" городах стали сокращаться по челобитьям населения уже сразу после Смуты. Полная ликвидация государевой пашни началась с Воронежа: в 1620 г. воронежцы были „пожалованы", вместо пашни им велено было платить „посопный хлеб" (1.000 ч. ржи и 1.000 ч. овса). В первой половине 17 века государева пашня была заменена натуральным налогом (хлебом) также в Курске, Яблонове, С. Осколе, Карпове [30]). Во второй половине века мы видим стремление правительства перевести население, т. ск. на „самоснабжение": оно предписывает „устроить землями" всех местных служилых людей, оставшихся до сих пор „непашенными"; государева десятинная пашня понемногу ликвидируется. И подводя итог ее столетнему существованию на южной окраине тогдашней России, приходится признать, что она была здесь, м. б., необходимым, но очень не блестящим экономическим опытом московского правительства: она была очень мало продуктивна для государства и весьма обременительна для населения. Ее уничтожение было одновременно и симптомом и фактором экономического прогресса.

С. Тхоржевский.

[29]) „Материалы" Новомбергского, №№ 41 и 54; ср. там же №№ 56 и 64.

[30]) Там же, №№ 195—199; 404, 12, 129, 330, 575, 149, 216, 220, 7. Миклашевский, указ. соч., прил. № 1 к гл. V и стр. 218 и 234 (прим. 2). Ср. Акты Моск. Госуд., II, № 163.

Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда.

Очерк первый

(До революции 1917 года).

Возникновение и развитие конно-железных дорог. Заработная плата.—Рабочий день и отдых.—Порядок найма и увольнения. Забастовки и профессиональное движение. Пенсии и пособия.—Помещения для рабочих, медицинская помощь и обмундирование.

Материалом для настоящего очерка послужили печатные и архивные источники. Из печатных источников прежде всего „Известия СПБ. Городской Думы" с 1862 по 1916 г.г., где имеется обильный материал о развитии самого предприятия, но мало данных о положении труда на городских железных дорогах. Кое-какие данные о положении труда можно найти в ежегодных „Отчетах об эксплоатации спб. гор. жел. дорог" и „сметах доходов и расходов по спб. гор. жел. дорогам". Данные о развитии предприятия взяты также из „Статистического справочника по Петрограду" (изд. 1919 г.) и статистических ежегодников и сводов по Петербургу.

Что касается архивных источников, то большинство их погибло во время революции (напр., в февральские дни сгорел городской архив у Нарвских ворот; много архивных материалов погибло в 1917—18 г.г.; в 1920 г. архив в доме Лассаля пострадал от пожара и т. д.). Таким образом сохранились лишь жалкие остатки, пережившие революционную бурю и хозяйственную разруху [1]).

Данные о возникновении гор. жел. дорог имеются в архиве б. министерства внутр. дел [2]), а о положении труда мы извлекли из бухгалтерских книг и списков на жалованье и прочие денежные выдачи в центральном архиве Петр. Губ. Отдела Коммунального Хозяйства и архиве Управления гор. жел. дорог, а также из ряда дел в канцелярии Управления гор. жел. дорог [3]).

---

[1]) Автор выражает глубокую благодарность за содействие: заведующему гор. жел. дорогами—*В. Е. Алексину*, управляющему делами *М. Г. Зондовичу* и зав. канцелярией *В. К. Яниль*.

[2]) Дела хозяйственного департамента: 1859 г. № 13 „О дозволении Д. Гмару, Намие и Кашину составить товарищество для устройства конно-железных дорог в С.-Петербурге"; 1865—1874 г. г. № 42. „О постройке товариществом конно-железных дорог в С.-Петербурге"; 1868—1879 г. г. № 178 „Об устройстве конно-жел. дорог в СПБ." и приложения к делам №№ 13 и 178.

[3]) 1913 г. № 96 „Об улучшении материального положения служащих"; 1913 г. № 177 „О пенсионном капитале"; 1913 г. № 118 без названия (об оплате труда); 1912 г. № 127 „Об обучении детей служащих на гор. счет"; 1913 г. № 98 „Претензии служащих"; 1912 г. № 7 „Пособия служащим"; 1911 г. № 77 „Пенсии и стипендии"; 1911 г.

Работая на основании таких случайных и отрывочных источников, нельзя, конечно, подробно и всесторонне осветить историю труда на гор. жел. дорогах и быть гарантированным от ошибок, в виду неясности и противоречивости некоторых данных.

Возникновение и развитие конно-железных дорог.

Первая в Петрограде конно-железная дорога была предназначена не для пассажирского, а для грузового движения. В конце 1857 г. трое лиц обратились в главное управление путей сообщения с ходатайством о дозволении им составить товарищество для устройства конно-железной дороги в С.-Петербурге. Линию конно-железной дороги они хотели устроить по набережной Васильевского Острова от 10—11 линий (от пароходных пристаней) до Биржи (в других документах—до Таможни). Конно-железную дорогу предполагалось устроить *„для перевозки тяжестей"*. В пояснительной записке, поданной в департамент жел. дорог необходимость устройства конно-железной дороги мотивировалась следующими соображениями: на пристанях ежегодно выгружается до 2 милл. пудов грузов, привозимых из-заграницы. Грузы от пристаней перевозятся в биржевые пакгаузы на ломовых извозчиках и палубных судах, причем перевозка одного пуда обходится не менее 3 коп. сер., „что тягостно для торговли". С другой стороны, выгрузная пристань на Бирже и прилегающие к ней местности очень малы, и каботажные суда по 3—4 недели ждут очереди, чтобы выгрузить. Перевозка грузов на конно-железной дороге обойдется дешевле и, кроме того, железная дорога может подойти прямо к биржевым пакгаузам.

Таким образом, первая в Петрограде конно-железная дорога была предназначена для грузового движения.

2 апреля 1859 г. устав первого товарищества конно-железных дорог был утвержден. Устав в первом своем пункте говорил, что конно-железная дорога предназначена для „перевозки грузов", по тарифу 1 коп. серебра с пуда. Товариществу было разрешено ввозить рельсы и колеса (с осями) из за-границы беспошлинно. В октябре 1860 г. было официально засвидетельствовано, что дорога построена во всех отношениях удовлетворительно и пробный проезд на двух вагонах убедил, что движение вполне удобно, что езда экипажей на улицах через рельсы дороги совершенно свободна. Движение первой в Петрограде конно-железной дороги открылось 20 августа 1860 г. Протяжение линии было $2^1/_2$ версты. Движение производилось 20 лошадьми и 20 вагонами (вместимостью в 2 милл. пудов). Вагоны были двоякого рода: закрытые (с замками) и платформы. В 1884 г. дорога должна была перейти к городу. Однако в 1881 г. оказалось, что эксплуатация не действует, правления не существует, часть вагонов стоит на открытом воздухе на улице без присмотра.

В 1862 г. организовалось второе товарищество конно-железных дорог, открывшее движение в 1864 г. Линии были построены от Николаевского

№ 76, „О несчастных случаях"; 1912 г. № 8 „Отпуска"; 1912 г. № 136 „О вагоновожатых и кондукторах"; 1913 г. № 129 „О ссудосберегательно-вспомогательной кассе служащих г. ж. дорог"; 1912 г. № 125„Забастовки"; 1913 г. № 186 „Предложения артелей о предоставлении артельщиков на должности кондукторов и вагоновожатых"; 1912 г. № 149 „С Биржевой Козухина артелью", 1911 г. № 126 „О выдаче наград за 25-летнюю службу" 1912 г. № 48 „Раз'ездные и квартирные деньги служащих"; 1912 г. № 402 „Об установлении поверстной платы кондукторам и вагоновожатым"; 1912 г. № 9 „Увеличение оклада" и 1913 г. без номера „О числе рабочих".

вокзала до Адмиралтейской площади (по Невскому проспекту), от Адмиралтейской площади до Васильевского Острова (по Конногвардейскому бульвару и через Николаевский мост) и от Никольского рынка до Невского проспекта (по Садовой ул,). Протяжение линий— около 10 верст. Конно-железные дороги были предназначены для перевозки пассажиров и грузов. Движение обслуживалось 56 вагонами и 300 лошадьми. За проезд пассажиров взимались 4 коп сер. с человека, а за провоз груза—1 и 1½ коп. с луда. Пассажирское движение происходило с 9 час. утра до 11 час. веч., а грузовое движение—с 11 час. веч. до 9 час. утра. В 1864 г. было перевезено 1½ милл. пассажиров и 85 тысяч. пудов груза. Пассажирское движение давало большую прибыль, а от грузового движения товарищество терпело убыток, так как грузовое движение было разрешено только ночью, когда таможни и пакгаузы закрыты, и конно-железным дорогам было трудно конкурировать с ломовыми извозчиками, которые к тому и брали товары всякого веса, тогда как товарищество предметы более 150 пудов не могло вовсе брать. Грузовое движение постепенно замирало. Уже рано начались трения между городом и товариществом конно-железных дорог. В думских кругах, где тон задавали богатые домовладельцы и представители придворной аристократии, раздавались голоса против развития конно-железных дорог. Они заявляли, что развитие конки для населения невыгодно и указывали на „неисправное содержание путей, вследствие которого при осторожной езде большинство рискует быть выброшенными из экипажей". Так рассуждали лица, имевшие собственные экипажи и извозопромышленники, для которых развитие конки было невыгодно. Впрочем, эти протесты не имели успеха.—В 1898 г. конно-железные дороги этого товарищества перешли к городу.

В 1874 г. образовалось акционерное общество, построившее конно-железные дороги протяжением около 100 верст. В 1902 г. эти дороги, имевшие 433 вагона, 57 платформ и 2456 лошадей, перешли к городу, [1]) не без борьбы со стороны акционеров.

В 1905 г. начались подготовительные работы по переустройству гор. жел. дорог на электрическую тягу, и в конце 1907 г. по некоторым линиями открылось трамвайное движение.

В 1908 г. насчитывалось 110 верст путей с электрической тягой, в 1916 г.—236 верст. В то же время пути с конной тягой сократились: в 1908 г. их было около 70 верст, в 1916 г.—около 26 верст. Трамвайных вагонов было: в 1908 г.—501 (из них моторных—344), в 1916 г.—1021 (из них моторных—627); конных вагонов в 1908 г.—381, в 1916 г.—149. Перевезено пассажиров (в тыс. чел.): в 1908 г.—148.949 (в трамваях—84.028, в конках—64.921), в 1916 г.—391.350 (в трамваях—382.175, в конках—9.175). Чистый доход города (в тыс. руб.): в 1908 г. 1.075, в 1916 г.—11.342. Трамвай стал для города самым доходным предприятием.

Общее число рабочих и служащих на гор. жел. дорогах в 1912 г. достигло 6.456.

Заработная плата.

С 1898 г. кондуктора получали по 25 руб. в месяц в течение первых шести месяцев службы, по прошествии которых жалованье увеличивалось до 30 руб. в месяц, а через год со дня поступления на службу до 35 руб.

[1]) В 1914 г. к городу перешла Невская пригородная паровая конка. В настоящем очерке мы не коснулись положения труда в этом предприятии.

С 1905 г. к тем же 25—35 руб. в месяц прибавки делались в таком порядке: через три месяца со дня поступления на службу—2 руб. 50 коп., через следующие три месяца—еще 2 руб. 50 коп. и затем через $^{1}/_{2}$ года добавляли 5 руб. Получившие замечание или подвергавшиеся штрафу лишались права на прибавку в продолжение шести месяцев. Неявка на службу по болезни, а также отпуска отдаляли право на прибавку на один месяц. Средний месячный заработок кондуктора в 1905 г. вместе с наградными определялся в 36 р. 25 коп. За каждую сверхурочную смену кондуктора получали по 1 руб., а за езду в ночных поездах—по 35 коп. за ночное дежурство. Кондуктора просили, чтобы за бессменную езду в течение целого дня и за езду сверх установленного расписанием времени, им выдавалось двойное вознаграждение. Просьба кондукторов не была удовлетворена.

Кучерам платили в 1898 г. от 18 до 20 руб. в месяц при готовой квартире, с отоплением и освещением. В 1903 г. они получали ежемесячно (при готовой квартире) в первый год службы—20 руб., во второй год—22 руб. и в третий год—24 руб. [1]). Если судить по ходатайствам кучеров, готовою квартирою пользовались из них только холостые; семейные, получавшие одинаковое в 1905 г. жалованье, квартирою не пользовались, причем им не выдавались квартирные деньги, получаемые другими категориями служащих.

Кучера с 1905 г. получали первоначально 18 р. [2]). Прибавки к первоначальному жалованью делались в таком размере: через три месяца со дня поступления на службу—1 руб., через следующие шесть месяцев—еще 1 руб. и еще через шесть месяцев—1 руб. Таким образом, через 15 месяцев со дня поступления жалованье кучера повышалось с 18 до 21 руб. [3]). По достижении этого оклада прибавки прекращались в течение года, а по прошествии годового периода прибавки делались в течение четырех месяцев по 1 руб. Высший оклад кучера определяется в 25 руб, Проступки и штрафы отдаляли право получения прибавки на один месяц. Новые правила о прибавках были введены с 1 января 1905 г., причем кучерам были прощены все проступки и штрафы, имевшие место за период с 15 апреля по 1 сентября 1905 г. В среднем кучера зарабатывали 22 руб. в месяц. За ночную работу они получали 25 коп. за дежурство.

Машинисты на паровозах (на паровой конке по Лесной линии) в среднем получали следующие оклады (в месяц): старший—90 руб., машинисты 1 разряда—67 руб., 2 разряда—56 руб. и 3 разряда—45 руб. За ночные поездки: до 1903 г.—16 коп. за рейс, а с 1903 г.—40 коп. Кочегары (на паровозах) получали: 1 разряда—29 руб., 2 разряда—23 руб. и 3 разряда—21 руб.; в среднем кочегар зарабатывал 25 руб. в месяц. За исправную езду выдавалась премия: машинистам по $^{3}/_{4}$ коп. и кочегарам по $^{1}/_{4}$ коп. с версты; с 1907 г. машинистам—до 1 коп. и кочегарам—до $^{1}/_{2}$ коп.

В 1909 г. получали в месяц: кондуктора 25—40 руб., а вагоновожатые от 25—35 руб. Не получавшим готовые квартиры выдавались квартирные деньги в размере 3 руб. в месяц. При переводе—по распоряжению администрации—из одного парка в другой выдавались подъемные деньги: семейным—5 р. и холостым 3 руб. Кучера, жившие на частной квартире, получали подъемные—3 руб. (до 1 ноября 1907 г. только женатые). За ночную работу (по Новодеревенской линии) платили за работу

[1]) Из доклада Гор. управы с[illegible] сентября 1903 г. (Изв. СПБ. Гор. Думы. 1903 г. № [illegible], стр. 136[illegible]—14[illegible]).

[2]) Изв. СПБ. Гор. Думы за 1905 г., № 13, стр. 1567 [illegible].

[3]) Кучера имели готовую квартиру, с отоплением и освещением, а также [illegible] содержались на городской счет.

с 11 час. веч. до 12 час. ночи [1])—35 коп., с 12 час. ночи—20 коп. за час. На других линиях за ночную работу доплат не было. В виду того, что кондуктора и вагоновожатые фактически работали позже 10 час. веч., с 1 июня 1909 г. им платили ежемесячно 5 руб. добавочных, причем этими добавочными зачитывались квартирные деньги.

С 1909 г. кондуктора, принятые на службу управлением гор. жел. дорог., получали 25—40 руб. в месяц и сверх того 5 руб. квартирных. Кондуктора же, принятые через артель, получали 30—35 руб. в месяц [2]). Прибавки к первоначальному жалованью кондукторам, принятым управлением (25 руб.), производились как и раньше: через три месяца—2 р. 50 к., через следующих три месяца—2 р. 50 к. и через шесть месяцев—5 руб. Через год после пяти-рублевой прибавки (т. е. через два года со дня поступления на службу) прибавляли еще 5 руб. и, таким образом, он выслуживался до предельного оклада в 40 руб. в месяц. Кондуктора, принятые через артели (30 руб.), получали через 4 месяца прибавку в размере 5 руб.; дальнейших прибавок не делалось.

Вагоновожатым, принятым управлением, платили 25—35 руб. в месяц и 5 руб. квартирных [3]), а принятым через артель—30—35 руб. в месяц. Прибавки вагоновожатым, принятым управлением (25 руб.), производились в таком порядке: через три месяца—1 руб., через следующих три месяца—1 руб., через три месяца—1½ руб. и через последние три месяца—1½ руб., т. е. через год со дня поступления на службу вагоновожатый получал 30 руб. в месяц. Через год после второй 1½ рублевой прибавки (т. е. через два года со дня поступления на службу) вагоновожатому прибавляли еще 5 руб. и, таким образом, он выслуживался до предельного оклада в 35 руб. Вагоновожатые, принятые через артель (30 руб.), получали через 4 месяца прибавку в размере 5 руб.; дальнейших прибавок не делалось. С 1 июня 1912 г. вагоновожатым, независимо от способов найма их, прибавки производились в размере 5 руб.—через шесть месяцев со дня поступления на службу а вагоновожатым, принятым управлением, еще вторая прибавка в размере 5 руб. по истечении года со дня поступления.

За сверхурочную работу кондуктора и вагоновожатые получали 20 коп. за час. За сверхурочное время считали утром—время с момента выезда вагона из парка до начала нормального движения с конечных пунктов, т. е. до 7 час. 15 мин. утра, и вечером—работу по обслуживанию ночных поездов, т. е. после 12 час. ночи до прихода этих вагонов в парк. Таким образом, сверхурочною работою не считалось время, затраченное кондукторами на получение билетов перед выездом из парков, а также на сдачу их по приезде в парки; кроме того, не оплачивался вечерний парковый рейс, т. е. время проезда с конечного пункта в парк при окончании движения, хотя бы это время пришлось и после 12 час. ночи. Вагоновожатым, не имевшим в течение года несчастных случаев, наездов и столкновений, а также штрафов за служебные пропуски, выдавалась премия в размере 50 руб.

С 1912 г. вопрос об оплате труда кондукторов и вагоновожатых [illegible] обсуждался в исполнительных органах городского самоуправления, причем вопрос об оплате труда сводился к трем основным пунктам, а именно: об уравнении вагоновожатых с кондукторами, об [illegible]

---

[1]) Петербургский Листок от 3 [illegible] 1909 г.

[2]) Прием кондукторов и вагоновожатых [illegible] 1 июня 1912 г. [illegible]).

[3]) Вагоновожатые получали [illegible].

артельных с нанятыми управлением, и о повышении заработной платы вообще.

С 1 января 1913 г. предельный оклад вагоновожатых был повышен с 40 руб. до 45 руб. в месяц и, таким образом, жалованье вагоновожатых было уравнено с содержанием кондукторов. Необходимость такого уравнения мотивировалась в докладе городской управы тем, что, „вагоновожатые и кондуктора работают одинаковое число часов, причем обязанности первых, требующие постоянного усиленного внимания, не могут быть признаны более легкими, чем обязанности кондукторов, связанные, главным образом, с затратою физического труда".

Неравенство в оплате труда кондукторов и вагоновожатых, поступивших на службу через артели и принятых на службу управлением, выражалось в следующем: артельные кондуктора получали меньше „городских", начиная со второго года службы на 5 руб. и начиная с третьего года—на 10 руб.; артельные вагоновожатые получали меньше „городских", начиная со второго года службы, на 5 руб. Такое неравенство произошло оттого, что при заключении договора с артелями (в июне 1909 г.) „была допущена ошибка в определении среднего жалованья кондуктора, нанимаемого непосредственно управлением", между тем, как установленное договором вознаграждение артельных служащих „было основано на том принципе, чтобы среднее жалованье артельных служащих было одинаковым по сравнению с жалованьем таких же служащих, но принятых непосредственно управлением".

В декабре 1912 г. артельные вагоновожатые и кондуктора Василеостровского трамвайного парка подали коллективное прошение с просьбою уравнять артельных по содержанию с городскими служащими. „Службу—говорили они—мы исполняем, что и городские на добавочных и ночных вагонах, а получаем только 34 [1]) руб. Служим многие третий год. Городские на конных вагонах получают 40 руб., а мы меньше их на 6 руб. и никаких добавочных, а половину месяца всегда работаем до 1 час. ночи. С тобой вместе ездит городской, получает 45 руб., а ты только 34 руб. При такой дороговизне всех продуктов жить на таком жалованьи невозможно. Женатому надо заплатить за комнату 10 руб., да на линии при аккуратности расход—6 руб. в месяц, остается на харчи и обувь, одежду, на семейство 18 руб., а если у кого есть дети, то жить невозможно. А праздничные нам выдали в два раза меньше, что городские получают в один раз. При найме нам было об'явлено, что поступаете на общие городские правила".

В виду того, что управление гор. жел. дорог часто не шло навстречу рабочим и служащим, то прошение заканчивалось угрозою, что „по истечении месяца обратимся с прошением к министру внутренних дел официально, с копиею сего прошения, если просьба наша останется без последствий". С 1 января 1913 г. жалованье артельных кондукторов и вагоновожатых было уравнено с жалованьем кондукторов и вагоновожатых, принятых управлением гор. жел. дорог.

Требования о повышении заработной платы подавались кондукторами и вагоновожатыми неоднократно. В 1912 г. вагоновожатые Петербургского и Василеостровского трамвайных парков подали коллективную просьбу об увеличении жалованья на 5 руб. „ввиду дороговизны жизни и физического труда". В связи с этим было установлено, что вагоновожатые и кондуктора получают при поступлении на службу 30 руб., через ½ года — 35 руб., через 1 год—40 руб. и через 2 года—45 руб. За работы с 11 час. вечера до 6 час. утра (1913 г.) 30 коп. за час (вместо 20-ти). Кондукторам, получающим 45 руб., и вагоновожатым, получающим 40 руб. в месяц, [illegible]

[1]) Так как 1 руб. удерживался артелью.

предоставлено право на три последовательные через каждые 4 года службы 10% прибавки с этого оклада, считая со дня его получения.

В 1916 г. основной оклад [1]) вагоновожатых и кондукторов был увеличен до 45 руб. в месяц. Сверх того стали выдаваться пособия „по поводу военного времени" в размере 10 руб. в месяц. При замене конной тяги электрической кучера (с 1907 г.) переводились в вагоновожатые с увеличением жалованья на 5-руб. в месяц в том случае, если получаемое кучером жалованье меньше минимального заработка вагоновожатого. Остальные категории служащих переводились в вагоновожатые с назначением им этого минимального оклада. Таким образом, кучер, получавший 18 руб. [2]) жалованья и 5 руб. квартирных имел прибавку в размере 5 руб., а метельщик, получавший 17 руб. жалованья переводился сразу в первоначальный оклад вагоновожатого [3]) в размере 25 руб. и сверх того 5 руб. квартирных, т. е. получал прибавку в размере 13 руб. С 1 июня 1912 г. все служащие, переводимые в вагоновожатые, получали первоначальный оклад последних.

Ученики при вагоновожатых получали 15 руб. в месяц, каковые получали в период обучения также кучера, переводимые в вагоновожатые.

Стрелочники и сигналисты получали в 1902—5 г.г. от 15 до 17 руб. в месяц при готовой квартире. За пропуск вагонов в праздничные дни (на Смоленской линии) сигналисты получали добавочную плату в размере 20 коп. в день. За работу в ночное время стрелочники и сигналисты получали 10 коп. за час. В 1909 г. стрелочники и сигналисты получали ежемесячно (при готовой квартире) „в зависимости от трудности поста": I категория — 18 руб., II категория — 19 руб. и III категория — 20 руб. В 1914 г. им платили, в зависимости от категории, 21 руб., 22 руб. и 23 руб. в месяц.

Старшие метельщики при снегометельных машинах, койках и платформах получали в 1903 г.—20 руб. в месяц, а с 1906 г. от 22 до 25 руб. при готовой квартире. Младшие метельщики получали в 1903 г. за январь—март и ноябрь—декабрь по 12 руб., за апрель и октябрь по 13 руб. и за май—сентябрь по 15 руб. С 1906 г. метельщикам платили 17 руб. в месяц при готовой квартире. С 1913 г. жалованье их было увеличено до 25 руб. Сезонные (временные) метельщики получали в 1906 г. по 22 руб. в месяц. Поденные метельщики получали 70 коп. в день.

Обер-кондуктора получали в 1903 г.—40 руб. в месяц и в 1912 г.—60 р. Форрейтера, перекладчики и отцепщики получали в 1903 г.—15 р. и в 1912 г.—20 руб. в месяц. Конюхи при ветеринарных лазаретах в 1906 г. от 20—22 руб. в месяц и с 1914 г. — 25 руб. Конюшенные старосты (по надзору за конюшенной прислугой и лошадьми) в 1903 г. от 30—35 руб., в 1906 г.—40 руб. и с 1906 г.—45 руб. в месяц.

Истопники, нанимаемые на 7 зимних месяцев, получали 20 руб. в месяц. Тот же наивысший оклад получали ламповщики и кучера для нужд парков. С 1913 г. жалованье истопников было увеличено до 25 руб.

Ремонтные рабочие зарабатывали в 1905 г. от 22 до 25 руб. в месяц при готовой квартире с отоплением и освещением. За ночные работы они получали 70 коп. за ночь, а за дневные сверхурочные работы—70 коп. за день. На зиму ремонтные рабочие переводились в старшие метельщики. Кроме постоянных рабочих нанимались для мостовых работ поденные с платою от 50 коп. до 1 руб. 10 коп. в день.

---

[1]) Т. е. без 10% прибавок.
[2]) В 1912 г. высший оклад кучера при готовой квартире определялся в 33 руб.
[3]) В 1907 г.

В мастерские принимались поденные мастеровые и рабочие, по мере надобности, с платою от 40 коп. — 2 руб. 75 коп. в день. Наивысшие оклады рабочих на электрической станции были в 1912 г. следующие: машинисты и монтеры 90 руб. и 75 руб. в месяц, помощники машинистов 70 руб. и 55 руб. в месяц, младшие монтеры—55 руб. и т. д. [1]).

Расчетные книжки [2]) рабочих и низших служащих гор. жел. дорог были обложены гербовым сбором, который вычитывался из жалованья. Городская дума неоднократно указывала министерству финансов, что расчетные книжки не должны облагаться гербовым сбором. Но министерство финансов указывало, что гор. жел. дороги — не промышленное заведение, а потому т. наз. „расчетные книжки", выдаваемые рабочим и служащим гор. жел. дорог, по существу являются договорами найма, каковые подлежат гербовому сбору. Большим бременем на рабочий бюджет были также больничный и адресный сборы; рабочие и служащие неоднократно выступали с требованием отменить эти сборы, но требования эти ни к чему не приводили. Постоянные рабочие и служащие гор. жел. дорог, подобно всем городским рабочим и служащим, получали с 1906 г 10% прогрессивные прибавки к жалованью. Прибавки выдавались помесячно вместе с жалованьем в таком порядке: первые 10% прибавлялись в течение 4 лет, последующие 10%-ные прибавки делались через каждые 4 года. Но эти прибавки не должны были превышать $^1/_2$ того оклада, на который они начислялись. Если служащий перемещался на высший оклад, то течение выслуги на 10%-ную прибавку (по отношению к прежнему окладу) прерывалось; если же прежний оклад вместе со сделанными уже прибавками превышал в сумме новый склад, то течение выслуги прибавок по отношению к прежнему окладу не прерывалось до тех пор, пока новый (т. е. высший) оклад вместе с прибавками не превышал прежнее жалованье, т. е. прежний оклад вместе с прибавками.

Что касается вычетов из заработной платы, то с кондукторов до 1905 г., если они теряли рулетки „по доказанной небрежности", взыскивали продажную стоимость утерянных билетов, в остальных случаях — заготовочную стоимость рулетки билетов. С 1905 г. с кондуктора во всех случаях вычитывали заготовочную стоимость билетов и рулетки.

До 1905 г. кондуктор штрафовался при переполнении вагонов пассажирами выше установленной нормы. В „правилах для кондукторов" назначались вычеты из жалованья: за утерянные части обмундирования—в размере стоимости заготовки, и за утерянные бляхи и головные знаки — в размере стоимости заготовки и, сверх того, штраф от 1 до 2 руб. В одном

---

[1]) Для иллюстрации движения заработной платы приводим нижеследующие данные о движении цен (по „Ведомостям справочных цен", статистическим ежегодникам и статист. сводкам городск. управы) на некоторые предметы широкого потребления. *Ржаной хлеб* поднимается с 1906 г., с 2 коп. до 2½ коп. за фунт, с 1907 г. — 3 коп. за фунт: *капуста* в 1907 г. поднимается с 17 коп. до 21 коп. за кочан, в 1909 г. — 28 коп., в 1912 г.—26 коп. и в 1914—21 коп.; за четверик *картофеля* платили в 1903 г. 47 коп., 1904 г.—54 коп., 1908 г.- 56 коп., 1909 г.—62 коп., - 1913 г.—70 коп., 1914 г.—64 коп. и 1915 г.—88 коп.; за фунт *гречневой крупы* платили в 1903-4 г г.—3 коп., в 1905-13 г.г. 4 коп. и в 1915 г. 6 коп.; цена на *мясо* (черкасское, 3 его сорта) стояла в 1903 г.—12 коп. за фунт, в 1904 г. цена упала до 9 коп., в 1906 г. снова поднялась до 12 коп., в 1909 г.—до 15 коп., в 1914 г.—до 16 коп. и в 1915 г.—20 коп. за фунт; *дрова* березовые стоили в 1903 г.—6 руб. 62 коп. за сажень, 1904 г.— 6 руб. 27 коп., 1905 г. — 5 руб. 91 коп., 1906 г. 6 руб. 13 коп., 1907 г.— 6 руб. 88 коп., 1911 г.—7 руб. 27 коп., 1912 г.— 8 руб. 91 коп., 1913 г.— 8 руб. 15 коп., 1914 г.—8 руб. 76 коп. и 1915 г.— 11 руб. 74 коп. за сажень; данных о ценах за жилые помещения не имеется.

[2]) Повидимому „расчетные книжки", упоминаемые в „Известиях Гор. Думы" были таковыми лишь по названию, так как рабочие и служащие неоднократно выступали с требованием вести расчетные книжки с правилами внутреннего распорядка.

из документов мы читаем, что на кондуктора № 2417 был в 1911 г. наложен штраф в размере 50 коп. за то, что выдал пассажиру 4-копеечный билет, но получил с него 6 коп. и кроме того „не сверился с поездным листком". В 1912 г. с того же кондуктора вычитали еще 50 коп. за то, что с двух пассажиров он деньги получил, но билетов не выдал. В 1913 г. этот же кондуктор был оштрафован в третий раз в размере 50 коп. за то, что „не записал рейс". За артельных кондукторов артель платила 25-рублевый штраф „за продажу кондуктором старого билета".

С артельных кондукторов и вагоновожатых ежемесячно вычитывался 1 руб. в пользу артели.

Кучера облагались штрафом за смену с линии по нетрезвости. Стрелочники и сигналисты штрафовались за разговор; они требовали отмены этих штрафов мотивируя тем, что „к нам подходят спрашивать, куда ехать или идти".

Наградные получали постоянные городские рабочие и служащие, прослужившие не менее шести месяцев. Награды выдавались [1]) к Рождеству и Пасхе в размере по 70% месячного оклада, т. е. в размере не более 140% оклада в течение года. Иногда выдавались награды за особые услуги, напр., за штрейкбрехерство, „за особую распорядительность при спасении паркового имущества Нарвского парка" во время наводнения 1903 г. За 25-летнюю службу рабочие и служащие получали награду в размере годового оклада.

Все постоянные городские рабочие и служащие, получавшие не более 200 руб. в месяц, имели с 1914 г. право на получение пособий на содержание детей в возрасте до 14 лет, не обучающихся в школе, и в возрасте до 18 лет, если они обучались в низших и средних учебных заведениях [2]). Право на пособия предоставлялось прослужившим не менее трех лет. Пособия выдавались в размере 5% с основного оклада при жалованьи не свыше 50 руб., в размере 4%—при жалованьи от 50 до 100 руб. и 3% — при жалованьи от 100 до 200 руб. в месяц. В общем размер пособия на обучение детей не должен был превышать 100 руб. в месяц. Пособия выдавались по представлении аттестатов об успехах ученика.

С 1914 г. гор. управе и гор. исполнительным органам было предоставлено право выдавать рабочим и служащим беспроцентные ссуды сроком не свыше 12 месяцев.

Что касается натуральной оплаты труда, то некоторые категории рабочих и служащих получали от города квартиру с отоплением и освещением. Неимевшие готовых квартир (за отсутствием свободных мест в парковых помещениях) получали квартирные деньги, с 1912 г. включавшиеся в жалованье.

До перехода конно-железных дорог в собственность города право на бесплатный проезд составляло часть содержания рабочего и служащего; содержание рабочего и служащего составлялось из жалованья, столовых, квартирных и раз'ездных. Столовые, квартирные и раз'ездные выдавались не деньгами, а натурою (напр. кучера и конюха жили в казарменном помещении и столовались в артельных столовых); контролеры, дорожные мастера, слесаря, монтеры, десятники и др. получали готовые квартиры и право на бесплатный проезд. Все эти категории рабочих и служащих обязаны были жить в парках, так как они должны были по первому требованию

[1]) Линейным и парковым рабочим и служащим.

[2]) До 1914 г. общих правил для выдачи таких пособий не было; пособия выдавались в каждом отдельном случае гор. комиссией благотворительности по ходатайству того предприятия, в котором работал проситель.

паркового начальства идти на работу днем или ночью. Некоторые кондуктора (в 1905 г.) имели „квартиру от города ради того, чтобы на случай неявки кондукторов или болезни можно было заменить отсутствующих". За пользование этими квартирами с кондукторов брали: 1½ руб. в месяц с холостых и 3 руб. в месяц с женатых. В виду того, что парки были расположены на окраинах города, где провизия стоила дороже, чем в центре, и где не было учебных заведений, акционерное общество выдавало бесплатные билеты членам семейств рабочих и служащих. Однако, с переходом конки в собственность города, право на бесплатный проезд членов семейств рабочих и служащих было ликвидировано. Неоднократные требования рабочих и служащих восстановить бесплатный проезд ни к чему не приводили. Вопрос о бесплатном проезде переходил из одной инстанции в другую и не получил окончательного разрешения. Против бесплатного проезда выдвигали тот довод, что главным контингентом этих служащих являются парковые рабочие, работа которых начинается и кончается в определенные часы, в виду чего одновременная посадка большого числа служащих у парков вызовет неудобства для пассажиров. С 1909 г. право на бесплатный проезд было сохранено лишь за теми лицами, которые по свойству своих обязанностей принуждены ездить со служебными целями, а также контролерам.

Рабочий день и отдых.

До перехода конно-железных дорог к городу кондуктора работали два дня подряд от 18 до 21 час. в сутки, а на третий день отдыхали. С переходом конки к городу рабочее время кондукторов распределялось таким образом: два дня подряд кондуктор являлся в парк в 6 час. 45 мин. утра, выезжал с вагоном в 7 час. 15 мин. утра, возвращался в парк в 11 час. 20 мин. веч. и, сдав кассу, он освобождался в 11 час. 30 мин. вечера, т. е. он работал около 17 часов; на третий день он был совершенно свободен. Итак, между двумя рабочими днями кондуктор имел свободного времени от 6 до 7 часов, но это время он не мог вполне использовать для отдыха, так как по возвращении в парк кондукторов задерживали сборщики выручки позже 11 час. 30 мин. После этого кондуктор отправлялся пешком домой, так как, в большинстве случаев, они ютились в комнатах или углах на далеких окраинах, как Охта или Пороховые. Не успев, как следует, отдохнуть, он должен был, под угрозою штрафа, явиться на следующее утро не позже 6 час. 45 мин. утра. На некоторых линиях (Крестовская, Новодеревенская и Введенская) кондуктора освобождались летом не раньше 2 и 3 часов ночи, т. е. работали беспрерывно от 20 до 21 часа; на отдых им оставалось от 3 до 4 часов. Они выходили на другое утро крайне переутомленными.

Кондуктора, ехавшие в добавочных вагонах, работали три дня подряд с 8 час. 45 мин. утра до 8 ч. 45 мин. вечера; на четвертый день они были свободны. Все кондуктора ехали на добавочных вагонах по очереди.

Кучера работали на три смены: первая смена с 7 час. 15 мин. утра до 1 час. дня; вторая—с 1 час. дня до 6 час. веч.; третья—с 6 час. веч. до 11 час. 20 мин. веч. Один день кучер работал две смены, а на следующий день—одну смену.

Кондуктора имели право на 7-дневный отпуск, с сохранением содержания и более 7 дней—без сохранения содержания. Кучера, прослужившие не менее года, имели право на увольнение в зимнее время на побывку

в деревню на две недели, не считая дней проезда по железной дороге, с сохранением полного содержания; кучера, прослужившие более года, могли уехать в деревню на целый месяц, но с сохранением половинного жалованья. Перед разводкою мостов и до наводки их, а также в Рождество, отпуска не давались.

С 1903 г. рабочий день был сокращен до $10^1/_2$ час. в сутки и установлена вторая смена. Кондукторов обыкновенно задерживали при сдаче выручки, но им за это время не платили. Кондукторам было предоставлено каждые два года право на месячный отпуск с сохранением содержания.

В 1905 г. рабочий день кондуктора определялся в 9 часов, из которых $7^1/_2$ часов он работал на линии и $1^1/_2$ часа уходили на отправку на линию и сдачу выручки. Кондуктор имел право на 12 больных дней; с 13-ого дня делались вычеты, в зависимости от разряда, в размерах 83 коп., 1 руб. и 1 руб. 16 коп. в день.

До 1909 г. на трамваях рабочий день продолжался на 20—60 минут дольше чем на конках, где движение кончалось в 10 час. вечера. На Новодеревенской линии работа кончалась в 1 час. ночи.

До 1 июня 1909 г. рабочее время кондукторов и вагоновожатых распределялось таким образом: первая смена работала с 1 час. дня до конца вечера и на другой день с 6 час. утра до 1 часа дня; с 1 часа дня работала вторая смена и до 1 час. следующего дня, и т. д., каждая смена отдыхала сутки. Такой порядок приводил к тому, что смена не успевала как следует отдохнуть; переутомление вагоновожатых приводило к несчастным случаям.

С 1 июня 1909 г. был установлен новый порядок: первая смена работала в течение недели с 6 час. утра до $2^1/_2$ час. дня, а вторая смена в течение той же недели работала с $2^1/_2$ час. дня до 11 веч. В течение следующей недели первая смена работает после $2^1/_2$ час. дня, а вторая до $2^1/_2$ час. дня, и т. д. Накануне Рождества и Пасхи движение кончалось в 6 час. веч. и начиналось на другой день в 2 час. дня.

В 1913 г. нормальным рабочим днем (для двух смен) было признано время с 6 час. утра до 11 час. веч., считая таковым время для получения билетов и сдачи выручки. Работа за время с 11 час. веч. до 6 час. утра [1]) считалась сверхурочной. В течение рабочего дня вагоновожатые сменялись для отдыха подменными вагоновожатыми (т. наз. подмена). До 1909 г. вагоновожатые имели подмену на один конец, с 1909 г.—на один тарифный участок (т. е. в два раза меньше). Подмена продолжалась 22 минуты. В 1909 г. вагоновожатые требовали „подменные по старому"; в 1916 г. они требовали, чтобы подмена была не менее часа. Но требование не было удовлетворено.

До 1913 г. кондуктора и вагоновожатые имели два свободных дня в месяц, с 1913 г.—четыре дня. Но в случае необходимости кондуктора и вагоновожатые назначались на работу в свободные для них дни, с уплатою им, как за сверхурочное время, в полуторном размере. С 1916 г. было постановлено, чтобы труд кондукторов и вагоновожатых использовались в свободное для них дни не иначе, как по особому, с каждым из них, соглашению. Отсутствовавший, по той или иной причине, в продолжение трех дней, лишался права на один свободный день, как не прослуживший полного месяца. С 1916 г., по требованию кондукторов и вагоновожатых, потеря одного дня была установлена для отсутствовавших в продолжение семи дней.

[1]) Раннее движение происходило в течение $1^1/_2$ часа, ночное движение—2 часа.

В 1909 г. кондуктора и вагоновожатые, прослужившие один год, имели право на двухнедельный отпуск [1]).

В виду „частых" заболеваний служащих и с целью принудить их к „добросовестному отношению к своим обязанностям" в 1912 г. предполагалось заменить месячную оплату труда вагоновожатых и кондукторов поверстной платой, но проект не получил осуществления.

Что касается кучеров, то на их обязанности лежала также уборка от трех до четырех лошадей; каждый кучер должен был в 1905 г. работать 44 (если месяц имел 31 день) и 42 (если месяц имел 30 дней) смены в месяц. Кучера требовали (в 1912 г.) освобождения их от уборки лошадей и уравнения их рабочего времени с работою кондукторов.

Стрелочники и сигналисты работали в среднем 8-9 часов в сутки. Стрелочники обыкновенно совмещали обязанности сигналистов, если этому не мешали условия вагонного, экипажного и пешеходного движения. Стрелочники и сигналисты были обязаны убирать путь около своего поста и производить смазку закруглений на тех постах, где существовало небольшое движение.

Рабочий день метельщиков был неопределенный. Метельщикам давался известный участок, который они должны были убирать от снега и мусора. Свободных дней они не имели.

Все рабочие и служащие городских железных дорог при болезни (удостоверенной медицинским персоналом гор. жел. дорог) сохраняли содержание в течение 45 дней; при более продолжительной болезни содержание не сохранялось, но должность сохранялась за больным в течение четырех месяцев [2]). Получившие увечье или поранение при исполнении служебных обязанностей сохраняли содержание в течение двух месяцев; по удостоверению врача гор. жел. дорог отпуск с сохранением содержания мог быть продолжен еще на два месяца, после чего рабочий или служащий подлежал увольнению. Прослужившие не менее года имели право на двухнедельный отпуск по домашним обстоятельствам. В общей совокупности на отпуска разрешалось не более 28 дней в год. Женщины получали 9-дневный отпуск после родов. Поденные рабочие отпусками не пользовались. Больные из поденных, прослужившие менее шести месяцев, содержания не сохраняли, а прослужившие более шести месяцев получали содержание в половинном размере, но лишь в течение 30 дней. Поденные рабочие, получившие на работе увечье или поранение, сохраняли в течение 30 дней содержание в половинном размере, если прослужили менее 6 месяцев, и в полном размере, если прослужили более 6 месяцев. Что касается свободных дней, то четыре свободных дня в течение месяца имели парковые рабочие, занятые ночным осмотром вагонов. Рабочие по ремонту вагонов и пути, кузнецы и рабочие электрических станций свободных дней не имели, но освобождались по субботам и предпраздничным дням в 2 часа дня. Остальные категории рабочих и служащих имели два свободных дня в месяц. С 1914 г. право на четыре свободных дня было распространено на кучеров, форрейтеров, стрелочников, сигналистов, метельщиков и др.

---

[1]) Ниже мы увидим, что отпуска разрешались в совокупности не более 28 дней; по всей вероятности, давались отпуска по домашним и другим обстоятельствам без сохранения содержания.

[2]) Включая 1½ месяца болезни, с сохранением содержания.

Порядок найма и увольнения.

Кроме вагоновожатых и кондукторов, нанимаемых непосредственно управлением гор. жел. дорог, большое число кондукторов и вагоновожатых нанимались через артели. Так, напр., в сентябре 1913 г. артельных кондукторов и вагоновожатых было 1122, в то время, как „городских" было немногим более, чем 1000 чел. Порядок найма через артели начал применяться после забастовки 1909 г. и имел целью застраховать город от убытков, могущих произойти от участия кондукторов и вагоновожатых в забастовке.

Договоры о поставке кондукторов и вагоновожатых и об их ответственности были заключены управлением гор. жел. дорог с тремя артелями: Владимирской артелью, СПБ Биржевой Александровской артелью и Невским взаимно-комиссионным товариществом.

Договоры возлагали на артели обязанность поставлять для гор. жел. дорог кондукторов и вагоновожатых (членов артели), опытных и знакомых с инструкциями, издаваемыми управлением гор. жел. дорог. Но город оставлял за собою право принимать кондукторов и вагоновожатых помимо артелей. С другой стороны, артель обязана была, по указанию и требованию управляющего гор. жел. дорогами, принимать в свой состав кондукторов и вагоновожатых, состоящих на городской службе. Тем самым город мог возложить на артели ответственность за участие в забастовке кондукторов и вагоновожатых, не принятых через артели.

Артель отвечала за убытки, причиненные городу вследствие забастовки, за исключением всеобщей политической забастовки. Размер убытков от забастовки определялся за каждый день ее по средней выручке за предшествовавший месяц и по числу вагонов, обслуживаемых артелью. Кроме того за каждый случай, когда кондуктор от артели был уличен в продаже старого билета, артель уплачивала городу штраф в размере 25 руб. Наконец, артель отвечала за целость ежедневной выручки, полученной кондукторами от пассажиров. Убытки возмещались городом из причитающихся артели платежей (т. е из жалованья кондукторов и вагоновожатых), а за недостатком последних убытки возмещались из имущества и денежных средств артели.

Жалованье кондукторов и вагоновожатых управление гор. жел. дорог вносило в артели. В „обеспечение интересов города" артель вносила в кассу управления гор. жел. дорог залог в размере 200 руб. за каждого поставляемого артелью кондуктора и вагоновожатого.

По договорам, заключенным с 1909 по 1912 гг. „каждый из кондукторов и вагоновожатых от артели пользуется в течение года льготными днями, отпусками и отпусками по болезни. Количество этих дней должно быть исчисляемо с таким расчетом, чтобы оплата лиц, заменяющих состоящих на льготе, не превышала 12% ежегодных платежей артели при непрерывной работе". По договорам, возобновленным с 1912 по 1915 гг., оговорка о 12% была выброшена и было определено, что кондуктора и вагоновожатые от артели пользуются льготами „на общих основаниях с остальными линейными служащими гор. жел. дорог".

Против найма через артели высказывались гласные городской думы и, в особенности, кондуктора и вагоновожатые. Некоторые гласные (в 1913 г.) замечали, что „город отдал кондукторов и вагоновожатых на откуп артелям", так как „1200 кондукторов и вагоновожатых получают жалованье не лично, а через артели. Артели берут с них залог в 200 руб., процентов с этого

залога не платят, удерживают с каждого по 1 руб. в месяц, при поступлении на службу удерживают с каждого 2 р. 10 коп., штрафуют в свою пользу за разные провинности". Газета „Копейка" (2 ноября 1912 г.) писала, что „заправилы Невского товарищества" закабалили кондукторов и вагоновожатых „путем особой подписки и залога", „в лице трамвайных служащих оно имеет огромный рой пчел, несущих мед в его улей"; „каждый кондуктор и вожатый вносит товариществу ежемесячно от 1 руб. 15 к. до 1 руб. 50 к.— в зависимости от размера жалованья. А так как трамвайных служащих „очень много, то, очевидно, касса товарищества не страдает от безденежья". Все кондуктора и вагоновожатые, нанимаемые через Невское взаимно-комиссионное товарищество, давали при поступлении в артель следующую подписку: „в случае моей неисправности, грубости и пьянства управление дорог и правление т-ва в праве подвергать меня штрафу, а также уволить со службы... Предоставляю товариществу право высчитывать ежемесячно по одному рублю, независимо от получаемого жалованья, и других сумм. В обеспечение своих действий по службе вношу залог; в случае подстрекательства с моей стороны к забастовке, бунту и участия в них (за исключением всеобщей политической забастовки), а также иных действий, направленных к нарушению порядка движения по службе, Правлению т-ва предоставляю право обратить мой залог в свою пользу и обязуюсь, сверх сего пополнить т-ву все убытки, вследствие моего участия в беспорядках и забастовке. Кроме причитающихся мне жалованья и других сумм, определенных управлением дорог, никакого добавочного вознаграждения от правления т-ва, а также проценты на залог[1]), обязуюсь не требовать".

В декабре 1911 г. артельные кондуктора и вагоновожатые Василеостровского трамвайного парка подали петицию об уравнении их содержания с жалованьем кондукторов и вагоновожатых, принятых управлением гор. жел. дорог помимо артели. В своей петиции они писали, что „с залога процентов не получаем, жалованье всегда задерживают, за больные дни всегда выдают после, когда они, подрядчики вздумают. А за что платим каждый 1 руб. в пользу их каждый месяц—не знаем. Списки высылаются из правления городского[2]); их работа—только получить 1 руб. Кондуктора и вожатые в артели не члены, пользы от артели мы не имеем и рабочими их быть не можем... „Артель чужой труд продавать не имеет права, членами мы не состоим и доверенных от кондукторов не посылали заключать условия, а какие-нибудь три выходца чужой труд продать не имеют права... Подрядчику по доставке кондукторов и вожатых просим отказать, пожалеть наши рубли, которых ежемесячно в пользу подрядчиков 1000 р.".

В сентябре 1912 г. в охранное отделение [3]) поступило следующее донесение: артели увеличили залоги кондукторов со 100 до 200 рублей и потребовали от них довнесения 100 рублей; это вызвало брожение среди кондукторов, недовольных вообще артелью за частые штрафы и, кроме того, за увольнение трех кондукторов, происшедшее на почве недоразумений из-за увеличения залога; если артели не отменят своего постановления, возможна забастовка трамваев. Министр внутренних дел предложил градоначальнику принять меры к предупреждению этой забастовки. Градоначальник об'яснил, что артели увеличили залог по требованию управления гор. жел. дорог, в виду чего он вступил в переговоры с городским

[1]) В 1916 г. артельные кондуктора и вагоновожатые получали проценты с залога в размере, выдаваемого по вкладам в госуд. сберег. кассах.

[2]) Т. е. Управления гор. жел. дорог.

[3]) Дело департамента полиции. 1912 г. № 61 ч., 2. Делопроизводство 4-ое, по С.-Петербургской губернии. Рабочее движение.

головою и управляющим гор. жел. дорогами, которые и обещали оказать содействие к улажению конфликта.

В 1913 г. артельные кондуктора и вагоновожатые обратились к управляющему гор. жел. дорогами со следующей петицией: „просим покорнейше Вас не отдавайте нас в руки живой болезни; лучше мы согласны страдать без неполной подмены, да не быть у этих артелей; вся надежда только на Вас... у нас забастовки не будет никогда, за это мы ручаемся".

Таким образом, под маскою „артели" организовались обыкновенные подрядчики, промышлявшие продажею рабочих рук. При неорганизованности рабочих масс, с одной стороны, и неурегулированности рынка труда, с другой стороны, кондуктора и вагоновожатые закабалялись этими „артелями", так как иначе они не могли поступать на городскую службу [1]. Управление же гор. жел. дорог опиралось на эти артели, как на защиту против забастовок. В 1916 г. кондуктора и вагоновожатые снова потребовали расторжения договоров с артелями, но город не пошел навстречу этим требованиям, вопрос об артелях обсуждался в разных комиссиях, но не получил окончательного решения.

Что представляли из себя эти „артели" показывают следующие извлечения из „Устава с.-петербургской биржевой Александровской артели", изданного в 1912 г.: „Артель учреждается с целью производства личным трудом участников, за общий их счет и с круговою друг за друга поруков. работ". Насколько члены „артели" работали „личным трудом" показывает, что „размер членского взноса определяется в 500 руб. Кроме членского взноса каждый вступающий вносит в артель 50 руб. в резервный капитал и 50 руб. на обзаведение и устройство", причем взносы в резервный капитал и на обзаведение могут быть увеличены. Ясно, что такие крупные капиталы могли вносить не работавшие личным трудом, а капиталисты, спекулирующие по поставке рабочих рук. Продаваемые ими рабочие руки отвечали по круговой поруке своими заработками. От последних требовалось, чтобы они были „честного, трезвого и благонадежного (!) поведения", т. е. не участвовали в забастовках. Кроме того, они не имели права отказываться от работ, предоставляемых артелью и без разрешения последних не в праве были уходить со службы, а также поступать на службу помимо „артели". На протесты кондукторов и вагоновожатых против такого порядка найма управление гор. жел. дорог отвечало, что „наем через артели является страхованием от более или менее продолжительных перерывов в движении" и „что касается взаимоотношений между артелями, с одной стороны, и поставленными ими кондукторами и вагоновожатыми, с другой стороны, то входить в таковые управление гор. жел. дорог не имеет права". Вагоновожатые и кондуктора оставались закабаленными поставщиками рабочих рук. Артель (т. наз. Козухина артель) поставляла управлению гор. жел. дорог также кассиров и магазинеров. Артельщики отвечали за целость кассы, причем они обязаны были возмещать убытки, не доводя об этом до судебных споров и разбирательств. Артельщики, в отличие от других служащих, не имели свободных дней и не сохраняли содержание во время отпусков и болезни.

Рабочие и служащие гор. жел. дорог разделялись на постоянных и временных. К последним относились ремонтные рабочие, а также рабочие и служащие, нанимаемые во время усиления тех или иных работ. Временные не пользовались одинаковыми с постоянными льготами в отпусках, получении наградных и пособий, и т. п. Поэтому со стороны рабочих неоднократно раздавались требования уравнять „в правах поденных с месячными".

[1] Кондуктора, исключенные из „артели", увольнялись с городской службы.

Что касается перевода из одной должности на другую, то относительно кондукторов правил о переводах не было, и в 1905 г. кондуктора требовали, чтобы вакансии обер-кондукторов замещались по преимуществу кондукторами. Ремонтные рабочие переводились на зиму в старшие метельщики. Если не было вакансий, им предлагались низшие должности или они увольнялись до возобновления летних ремонтных работ. Порядок увольнения не гарантировал рабочих и служащих от произвола; рабочие и служащие неоднократно требовали вежливого обращения и признания выборных.

Кондуктора отстранялись от должности за следующие проступки: нетрезвость при исполнении служебных обязанностей; дерзость по отношению к старшим по службе или к публике; уход со службы без разрешения старшего агента; неявка на службу более трех дней под-ряд и, вообще, частые неявки без уважительных причин; повторное неисполнение правил службы; недостача разменных денег на сумму до 5 руб.; злоупотребления при продаже билетов (перепродажа использованных билетов, умышленный бесплатный проезд и т. д.). За неполную сдачу выручки или неуплату стоимости утерянных билетов кондуктора увольнялись со службы. Кроме того, по усмотрению администрации, кондуктора можно было уволить за проступок, влекущий за собою отстранение от должности.

От несправедливостей страдали также стрелочники и сигналисты, они потребовали в 1913 г. выдачи им руководства, как править движением, так как „сейчас каждый дежурный дает свое распоряжение, и если выйдет по его приказу худо, то пишут, что не слушаются, и просят убрать того человека с поста, а не то выругают как хуже быть нельзя". При вызове для личных об'яснений допускается произвол, „потому что пишут часто за ни за что, а не то и не знаешь, за что".

Метельщики увольнялись „в зависимости от степени виновности в каждом отдельном случае", и никаких правил в отношении увольнения метельщиков не существовало. Один метельщик был уволен (1913 г.) за неявку на службу в течение двух дней без об'яснения причин неявки.

К произволу администрации часто присоединялся произвол полиции. Так, напр., в 1912 г. был издан приказ градоначальника о привлечении вагоновожатых к ответственности в административном порядке за неостановку вагонов, когда это необходимо было для предотвращения несчастных случаев.

Кондуктора зависели также от произвола „важных" пассажиров. В 1905 г. кондуктора требовали, чтобы жалобы пассажиров на поездную прислугу разбирались судебными учреждениями, а в 1909 г. они просили, чтобы жалобы пассажиров и путевых контролеров разбирались смешанной комиссией, состоящей из выборных от служащих и представителей от администрации.

Забастовки и профессиональное движение.

Брожение на гор. конно-железных дорогах в Петербурге началось 4 января 1905 г. Вечером на частной квартире собралось 40 чел. кондукторов Выборгского парка. По предложению Александрова была выбрана делегация (в составе Александрова, Тимкина и Орлова), которая, по поручению собрания, объехала на другой день все остальные парки; во всех парках состоялись летучие сходки, на которых избирались делегаты. Вечером 7 января делегаты от всех парков собрались вместе и выработали

от имени всех кондукторов требования к городской думе. Основные требования сводились к повышению жалованья, уменьшению штрафов и сокращению часов движения конки в первый день Рождества и Пасхи. На другой день делегаты пред'явили свои требования городской думе. В последней большинство принадлежало к стародумцам, которые всячески тормозили рассмотрение рабочего вопроса. Делегаты от кондукторов обратились также за содействием к петербургскому генерал-губернатору Трепову, который дал им неопределенные обещания, но угрожал репрессиями в случае забастовки.

Летом 1905 г. делегаты решили об'явить забастовку, но администрация узнала об этом решении и угрозами повлияла на кондукторов. Забастовка была отсрочена.

В октябре 1905 г. образовалась „корпорация 110 кондукторов I группы", „об'единенных против бюрократического приказного строя в крепостническом духе". Кондуктора еще верили в гласных городской думы и обратились к ним с петицией от имени корпорации: „Вы, наши судьи, наши старшие братья-учителя" из „лучших выборных общественных людей"; к вам „обращаемся за истинным, но отнюдь не бюрократическим правосудием" против произвола парковой администрации.

13 октября 1905 г. началась забастовка конных жел. дорог; забастовавшие выдвинули экономические требования, а также выражали протест против произвола парковой администрации. Управляющий одного из парков самолично срывал с забастовщиков сумки с шей, заменял забастовавших кондукторов кучерами и конюхами, которых „заманивал обещаниями" и исходатайствовал, чтобы в каждом вагоне ехали 1 околоточный и 4 городовых. В думских кругах говорили, что забастовка была вызвана экономическими интересами и не имела политического оттенка, что служащие только воспользовались моментом общих забастовок для пред'явления своих бытовых требований, так как еще в начале 1905 г. рабочие и служащие „обращались с ходатайством о своих нуждах", но городская дума „разрешила их только частично".

На самом деле забастовка носила политический характер, так как она началась и кончилась вместе со всеобщей политической забастовкой, несмотря на обещание администрации частично удовлетворить требования кондукторов. В октябрьские дни 1905 г. в Рождественском парке ежедневно происходили собрания. На одном из этих собраний произошли выборы в Совет Рабочих Депутатов. Депутатами были выбраны Александров и Орлов.

В июле 1906 г. движение конки было приостановлено на три дня в знак протеста против казней участников восстания в Свеаборге. Зачинщики этой забастовки-протеста (Александров и Орлов) были высланы из Петербурга.

В 1905—6 гг. делались попытки к созданию „союза служащих и рабочих городских конно-железных дорог в С.-Петербурге", но устав союза не был утвержден. Одновременно делались попытки создать „союз служащих и рабочих городских предприятий в С.-Петербурге". Городская управа убила эту попытку в зародыше, усматривая в союзе не союз работников отдельного предприятия, а федерацию союзов (т. к. город имел много предприятий, как жел. дороги, водопроводы, газовые заводы и т. д.), запрещенных тогдашними законами. Кроме того городская управа ссылалась на то, что закон запрещает соглашения служащих о выработке условий оплаты труда, т. к. решение подобных условий зависело только от начальства.

В 1908 г. рабочие и служащие подавали требования и жаловались, что обещания, сделанные в 1905 г., не исполнялись. Кондуктора жаловa-

лись, что администрация не озаботилась даже исполнить обещание об устройстве скамеечек на площадках вагонов. Личные и делегатские обращения к администрации об облегчении положения труда встречали такой ответ: „надо обождать, чтобы узнать, как обстоят службы в других городах, тогда можно будет удовлетворить ваши просьбы".

Вторая забастовка на гор. жел. дорогах произошла в 1909 г. По сообщению газет брожение началось весною 1909 г. В первый день Пасхи была сделана попытка к стачке, но она не удалась и первая смена кондукторов и вагоновожатых была оштрафована. Забастовка вспыхнула 1 июня 1909 г. Она была вызвана об'явлением нового порядка смены, благодаря которой кондуктора и вагоновожатые не имели ни одного свободного дня. Если верить газетам и сообщениям администрации, забастовавшие требовали восстановления старого расписания. Большое недовольство вызвали 5-рублевые прибавки, лишившие права на получение бо́льших сумм за сверхурочную работу позже 10 часов. Раздавались голоса, что при плате в 35 к. и 20 коп. за час можно заработать 7 руб. 50 коп.: 5-рублевая прибавка лишила их этого заработка и, кроме того, в 5-рублевую прибавку входили также квартирные деньги, которые они могли бы получить помимо заработка за сверхурочное время.

В забастовке участвовало 4000 чел. Слесаря Петербургского трамвайного парка присоединились в знак солидарности к кондукторам и вагоновожатым. Руководителями забастовки выступили: по Вас.-Островскому парку—Алексин (ныне заведующий гор. жел. дорогами), Лысенак. Александров, Герасимов, Кудрявцев, Цитович и др.; по Петроградскому—Скворцов (ныне линейный агент); по Выборгскому—Александров; по Рождественскому—Воробьев, Бахов; по Московскому—Матросов, Тришин.

В трамвайных парках 1 июня происходили многолюдные собрания, разгоняемые полицией. 2 июня парки охранялись полицейскими и никто туда не впускался. Городская управа об'явила, что все не выехавшие считаются уволенными и желающие поступить обратно на прежнем окладе должны подать прошение не позже 2 июня в 9 час. вечера; не подавшие прошения к этому сроку будут приниматься как вновь поступающие (т. е. на пониженном окладе, т. к. прежнее время службы будет считаться аннулированным и т. д.). Движение трамваев производилось небольшим числом вагонов при помощи контролеров и слесарей. Забастовку срывали штрейкбрехеры из студентов-электротехников (ничтожная кучка) и воспитанники детских корпусов. Вагоны сопровождались городовыми. Забастовавших выселяли из занимаемых ими у города квартир, а многих выслали из Петербурга в административном порядке. Полиция напала на след стачечного комитета (если верить газетам). 2 и 3 июня полиция произвела 70 арестов и многочисленные обыски. По сообщению „Петербургского Листка" (от 1—4 июня) некоторые забастовщики не испугались увольнения со службы или высылки из столицы. Забастовка была сорвана „артелями", предложившими управлению свои услуги по поставке кондукторов и вагоновожатых с гарантией против забастовок. В городской думе говорили, что „мы будем принимать на службу такой элемент служащих, который не мешал бы работать". Большинство кондукторов и вагоновожатых было принято обратно и 4 июня забастовка была ликвидирована.

Третья забастовка произошла в 1912 г. Забастовали парковые рабочие, пред'явившие экономические требования. Забастовка началась [illegible] 1912 г. и к ней присоединились рабочие всех парков. 9 мая управляющий гор. жел. дорогами возбудил ходатайство о высылке нарядов полиции к воротам парков, в виду того, что со стороны забастовавших „возможны активные выступления для воспрепятствования рабочим, желающим [illegible]

ступить к работам". 11 мая управление возбудило срочное ходатайство о командировании околоточных и городовых на жительство в трамвайных парках „на время действительной в том надобности и не менее, как на один месяц", дабы обеспечить возможность живущим в парках служащим отправлять свои обязанности „в виду постоянных угроз со стороны забастовавших рабочих". Город предоставил командированным в парки полицейским квартиры и взял на себя расходы, „вызываемые содержанием постоянного дежурства полиции". Кроме того управление возбудило ходатайство о высылке конных городовых. 10 мая управляющий гор. ж. дорогами сообщил городскому голове, что парковые рабочие, несмотря на вывешенные об'явления с предложением получить расчет, инструментов не сдали и от получения расчета отказались. Ночной ремонт вагонов производился начальниками парков, их помощниками, мастерами и пр. лицами административного персонала. В качестве чернорабочих привлекались служащие службы пути (метельщики и др.), мостовщики и рабочие по ремонту путей. Ремонт вагонов на линии производился инструкторами службы подвижного состава и агентами службы движения. Начальник службы движения сообщил управляющему гор. жел. дорогами, что забастовка мастеровых по ремонту вагонов не имела особых последствий и была скоро ликвидирована благодаря работе административного персонала и небольшого числа рабочих. Благодаря их работе движение вагонов происходило вполне нормально. Начальник Московского трамвайного парка конфиденциально сообщил, что фабрично-заводский район, в котором расположен Московский парк, создал особенно тяжелые условия (для штрейкбрехеров). Всякого рода угрозы и насилия, беспрестанные избиения работающих, до того терроризировали весь этот район, что в течение 2—2½ недель наем „рабочих" (т. е. штрейкбрехеров) был ничтожен. Первое время забастовки делались попытки нанять рабочих по чайным и даже из ночлежных домов, но на предложение 2 руб. поденщины сыпалась отовсюду площадная брань. Волей-неволей приходилось справляться с той незначительной кучкой людей, которая „осталась верна делу" и, „несмотря на угрозы и избиения", проникала в парк и в конце концов (в союзе с полицейскими) принудила сдаться забастовавших. 11 мая было несколько случаев нападения на штрейкбрехеров и избиения слесарей, изменивших рабочему делу. Нападавшие угрожали убить их, „если они не прекратят работы". Ночью забастовавшие рабочие остановили вагон и высадили слесарей, командированных для работы из конных парков, затем в четырех вагонах были разбиты стекла, когда вагоны двигались к Московской Заставе.

1 июня управляющий гор. жел. дорогами сообщил городскому голове, что „число рабочих в трамвайных парках нормально. Вагоны выпущены на линию полностью по наряду". Штрейкбрехеры получили награды, причем начальство хлопотало, чтобы „особенно усиленный размер пособий" получили слесаря, подвергшиеся нападениям.

Награды получили также полицейские, помогавшие подавить забастовку. В 1914 г. новый городской голова в ответ на запрос одного из гласных признал, что управление гор. жел. дорог не имело права выдать награды начальствующим лицам за меры, принятые для прекращения забастовки 1912 г. „Неправильным представляется также вознаграждение чинов полиции, которые даже не имеют права принимать подобное вознаграждение".

Забастовкою 1912 года сильно интересовался департамент полиции, материалы которого хранятся в историко-революционном архиве [1]). По сооб-

[1]) Дело Департамента полиции. 1912 г. № 81 ч. 1. Делопроизводство 4-е. По С.-Петербургской губернии. Рабочее движение.

щению агента охранного отделения, 7 мая в Московском трамвайном парке слесаря ночной смены, закончив работы, остались ждать прибытия слесарей дневной смены и когда последние явились, то все они в числе 300 ч. заявили протест против оштрафования их за прогул 1 мая и предъявив требование о введении 9-ти часового рабочего дня, вышли из парка. В тот же день агентурные донесения сообщили о забастовке слесарей Василеостровского и Петербургского парков. Забастовавшие рабочие выдвинули по сведениям полиции, следующие требования: 1) сокращение рабочего дня на один час; дневную смену начинать с 7 час. 30 мин. утра до 6 час. веч., с перерывом 1 час. 30 мин. на обед, ночную смену начинать с 12 ч. ночи до 7 час. утра, включая ½ часа на перерыв; по субботам и праздничным дням работа должна продолжаться до 2 ч. дня, включая ½ часа на перерыв; 2) увеличение заработной платы на 25%; 3) бесплатный проезд по гор. жел. дорогам; 4) уравнение поденщиков с месячными —в правах на наградные и отпуска: 5) ввести расчетные книжки с правилами внутреннего распорядка; 6) улучшение медицинской помощи, которую следует распространить на всех рабочих и их семьи; 7) отмена штрафов за празднование 1 мая; 8) не увольнять рабочих без всяких особых причин; 9) равное справедливое отношение ко всем рабочим: 10) выдача заработной платы в рабочее время; 11) улучшение мастерских в санитарном отношении; 12) полная отмена штрафов; 13) признание выборных старост; 14) за стачку никто не должен пострадать, и уплатить за время забастовки и 15) бесплатное обучение детей в городских школах. Администрация согласилась удовлетворить требование о распределении рабочего времени. На выдачу жалованья полагается 1 час времени из общей продолжительности рабочего дня. Медицинскую помощь администрация находит удовлетворительной, тем более, что она, вопреки мнению рабочих, в действительности распространяется на всех рабочих и их семейства. Расчетная книжка составляется. Что касается жалоб на несправедливое отношение и беспричинные увольнения, то жалобы эти администрация считает неосновательными. На все остальные требования администрация ответила отказом и предупредила, что рабочие, не приступившие 8 мая к работе, будут уволены.

По донесению агентов охранного отделения, 8 мая вечером в районе Шлиссельбургского участка за валом полотна Николаевской жел. дороги состоялся митинг рабочих, в котором участвовали рабочие трамвайных парков, а также Обуховского и Путиловского заводов. На митинге обсуждался также вопрос о забастовке рабочих трамвайных парков, причем было принято решение продолжить забастовку. Затем выступил с политической речью один из представителей социал-демократии.

10 мая министр внутренних дел предложил градоначальнику „принять безотлагательные и все зависящие меры к прекращению трамвайной забастовки, а равно вменить в обязанность полиции не допускать митингов и немедленно задерживать всех пропагандистов", в виду того, что министерство внутренних дел придает „особенно серьезное значение забастовкам трамвайных служащих и происходившим в столице митингам при участии социал-демократов".

20 мая министру внутренних дел была подана докладная записка следующего содержания: „По полученным агентурным сведениям, 16 мая, в Лесном парке состоялось собрание рабочих трамвайных парков, в числе 60 чел. На собрании было решено продолжать забастовку в виду того, что администрация в конце концов должна пойти на уступки, так как набор новых рабочих произведен быть не может за отсутствием желающих, работающие же ныне штрейкбрехеры в состоянии выполнить лишь незначи-

тельный ремонт трамвайных вагонов. Такой поверхностный ремонт приведет в скором времени в негодность большинство вагонов и может вызвать приостановку трамвайного движения: необходимый же на исправление их капитальный ремонт потребует значительного времени и затраты больших денежных средств. На собрании был избран стачечный комитет, из состава коего известен отделению мещанин посада Погореловского, Таврической губернии Василий Алексеевич Вихорев, которому присутствовавший здесь невыясненный рабочий Путиловского завода передал 400 рублей на нужды бастующих трамвайных рабочих. Обследование стачечного комитета производится и по выяснении члены такового будут арестованы".

С 12 мая по 8 июня было арестовано 30 чел. в „целях изъятия из среды служащих наиболее злонамеренного элемента": арестованные были в административном порядке высланы из Петербурга.

Пенсии и пособия.

В некоторых документах говорится о ссудо-сберегательно-вспомогательной кассе служащих гор. жел. дорог. Эта касса носила, повидимому, характер эмеритальной кассы. В фонд кассы поступали штрафные деньги, удержания из жалованья служащих и кредиты, ассигнуемые управлением гор. жел. дорог. В других документах говорится о ликвидации кассы служащих при переходе конки к городу (в 1902 г.) и о том, что пенсионный капитал не находился в распоряжении кассы. Здесь идет, повидимому, речь о массе взаимопомощи. Подробных сведений о характере деятельности кассы не сохранилось. При переходе конки к городу, город обещал служащим сохранить все их права и преимущества, которые они имели на службе в акционерном обществе (зачет службы в обществе для выслуги пенсии, бесплатный проезд служащих, передача пенсионного капитала в распоряжение кассы и т. д.). Но обещания эти полностью не были выполнены. При увольнении со службы, бывшие служащие акционерного общества, принимавшие участие в кассе, получали выходное пособие в размере $^1/_2$ месячного оклада за каждый год службы. При увольнении служащих за проступки вопрос о выдаче выходного пособия каждый раз подлежал особому обсуждению.

В 1888 г. городская дума утвердила устав о пенсиях и единовременных пособиях для городских служащих. Пенсионный капитал составлялся из вычетов содержания и денежных выдач служащим (наград, пособий и т. п.). Капиталом заведывала городская управа. Из пенсионного капитала выдавались пенсии (на случай смерти и оставления службы после выслуги определенного числа лет), срочные ежегодные пособия (вдовам и детям, состоящих на службе лиц—до замужества и совершеннолетия) и единовременные пособия (при оставлении службы до срока, необходимого для выслуги пенсии). Пенсии в размере полного оклада имели лица прослужившие 30 лет и в размере $^1/_2$ оклада—лица, прослужившие 20 лет. Вдовы получали $^1/_2$ пенсии мужа, дети—$^1/_6$, круглые сироты—$^1/_4$ пенсии. Лица, ушедшие со службы ранее выслуги пенсии, но прослужившие не менее 15 лет, получали единовременные пособия по табели, а именно: при содержании менее 560 руб. в год—70% с оклада, при содержании от 561 руб. до 1000 руб. в год—65% с оклада и т. д. Лица, прослужившие менее 15 лет, но не менее 10 лет, получали по табели с половинным размером. В 1908 г. городская дума выработала проект устава пенсионной кассы и новый устав о пенсиях и пособиях, но устав не был утвержден

министерством внутренних дел. С тех пор проект несколько раз обсуждался и перерабатывался, но не был проведен в жизнь. В действительности городские рабочие и низшие служащие были необеспечены, за весьма редкими исключениями. Так, напр., юрисконсульт гор. управы разъяснял (в 1912 г.), что в законе о страховании от увечья „нет указаний по этому вопросу касательно служащих конно-железных дорог, а посему регулирование взаимных отношений предпринимателя и рабочих по этому предмету исключительно зависит от соглашения договаривающихся сторон". Кондукторам, получившим увечье при исполнении обязанностей и потерявшим благодаря этому способность к труду, выдавали пособие по добровольному с управлением дорог соглашению. Так, мы в одном документе читаем, что кучер Токарев, потерявший трудоспособность от паховой грыжи (при переносе кулей с овсом в Лиговском парке), получил пособие в размере 6[illegible] р. с отобранием подписки о неимении претензий к городу. Необеспеченные ничем, рабочие, вдовы рабочих и сироты обращались часто к управлению дорог с просьбами о пособиях (на случай болезни собственной или членов семьи, на обучение детей, на похороны и т. п.). Такие пособия (как и пособия лицам, увольняемым со службы по болезни) назначались по усмотрению управления дорог.

Рабочие и низшие служащие, уволенные за сокращением штатов вследствие перехода на электрическую тягу, получили (в 1907 г.) выходные пособия: прослужившие не более года—2-х недельный оклад.

В конце 1913 г. был поднят вопрос о распространении на городские предприятия закона 23 июня 1912 г. о страховании рабочих и служащих. Проект устава был внесен на обсуждение собрания уполномоченных от рабочих и служащих гор. жел. дорог, выборы коих состоялись в декабре 1913 г., но проект страхования не был проведен в жизнь, несмотря на то, что рабочие и служащие требовали введения обязательного страхования за счет города.

Помещения для рабочих и медицинская помощь.

Ревизионной комиссией городской думы „при обходе жилых помещений (Лиговского парка) было усмотрено, в 1904 г., что для кучеров отведены весьма тесные помещения и низкие (воздуха менее чем 1 куб. сж. на человека—0,6) казармы. В сравнительно небольших комнатках размещено более 100 человек; на двух соединенных кроватях спят по трое, кровати поставлены поперек казарм с весьма узкими средними и поперечными проходами". Кучер не имел отдельной койки! Несколько позже рабочие по ремонту путей, требовали устройства в казармах сушилок для обуви и одежды и предоставления семейным отдельных помещений.

До 1909 г. в парковых помещениях жило около 1200 чел. Казармы, построенные в 80-х годах прошлого столетия, были рассчитаны на меньшее число людей. Вследствие этого в казарменных помещениях наблюдалась большая скученность (от 1,35 до 1 куб. саж. и даже менее 1 куб. саж. на человека, в то время, как гигиенические правила признавали за минимум—2 куб. саж., а по казарменному положению полагалось 1½ куб. саж.). Вентиляции не было; воздух очищался через форточки и вытяжные отверстия около потолка. Вследствие этого в парковых казармах воздух был спертый и душный. В казармах каждому рабочему выдавалась кровать с постельными принадлежностями (но без подушки).

Относительно помещений для мастерских, мы в отчете медицинской части за 1909 г. читаем, что „из числа мастерских, находящихся в парках, нельзя не обратить внимания на помещения ремонтные, т. е. те, где чинятся одежда служащих (кучеров, кондукторов, вагоновожатых и др.). Прежде эта починка производилась в той же квартире, где живет портной, большею частью семейный; одежда принималась сырая, грязная и т. п. и тут же держалась уже починенная, вследствие чего помещения эти, сами по себе недостаточно просторные, без всяких приспособлений для хранения платья, наполнялись пылью, спертым воздухом и т. п., иногда служили причиной заболеваний заразными болезнями между живущими в этом помещении". С 1910 г. мастерские для починки одежды были изолированы от жилых помещений.

Некоторые казарменные помещения были (в 1911 г.) переделаны в отдельные квартиры (количество воздуха в них на человека—от 1 до 1 ½ и более куб. саж.). Кроме помещений при парках, управление дорог нанимало для рабочих и служащих квартиры в частных домах (количество воздуха от 0,6 до 2 куб. саж. на человека). Во многих квартирах имелись сушилки для сушки белья и обуви. В 1911 г. живущие в казармах были выселены на частные квартиры, с выдачею квартирных денег.

В конечных пунктах имелись (с 1903 г.) теплые павильоны, где кучер, кондуктор или вагоновожатый мог отдохнуть и согреться. Но таких павильонов было недостаточно [1]) и рабочим приходилось ждать под открытым воздухом, под дождем и в холоде.

Рабочие и служащие принимались на гор. жел. дороги по медицинскому освидетельствованию [2]). Амбулаторные пункты 1 (с 1909 г.) имелись во всех парках. Амбулаторная помощь оказывалась рабочим и служащим, и их семьям. Медикаменты в амбулаториях выдавались бесплатно, а в городских аптеках со скидкою 25% (иногда бесплатно). По отчетам медицинской части наибольшее число (более ⅓) приходится на больных органами пищеварения (катарр кишек, катарр желудка, зубные болезни и т. п.). Медицинская часть об'яснила, что причины, способствующие такому значительному количеству заболеваний органов пищеварения, следующие: „недостаточность питания, недоброкачественность пищевых продуктов и главное—неправильность принятия пищи по времени, особенно кондукторами и вагоновожатыми, которым приходится наскоро есть в павильонах или же ждать окончания езды. Кроме того, в некоторых парках, рабочие, за дальностью расстояния квартир от парков, принуждены обедать в ближайших чайных, закусочных, народных столовых и т. п., что в свою очередь только ведет к заболеванию органов пищеварения" [3]).

Наибольшее число несчастных случаев приходилось, по отчетам медико-санитарной службы на ремонтеров, слесарей, обтирщиц и других лиц, которым приходилось работать в ночные часы. На пострадавших от несчастных случаев приходится больных дней больше в конных, чем в трамвайных парках. Об'яснялось это более тяжелыми повреждениями у пострадавших, особенно у кучеров и конюхов, которые получали повреждения от лошадей. Больше всего пропущенных дней [4]) приходилось на слесарей, кучеров и кондукторов.

[1]) Согл. отчету медицинской части за 1909 г.

[2]) Медицинско-санитарная часть была организована в 1909 г.; в „отчетах об эксплоатации гор. жел. дорог" до 1909 г. мы находим много сведений о заболевании и гибели лошадей, но ничего не находим о рабочих и служащих.

[3]) Отчет об эксплоатации гор. жел. дорог за 1912 г., стр. 1034.

[4]) Т. е. абсолютное, а не среднее число пропущенных дней на человека.

Обмундирование выдавалось рабочим и служащим гор. жел. дорог не в собственность, а как прозодежда. Зимнее обмундирование к лету сдавалось обратно, равно как и летнее обмундирование, которое отбирали при выдаче зимнего. Обмундирование было летнее, зимнее и годовое. Кондуктору выдавали летом тужурку, суконные шаровары и фуражку; зимою—пальто и шапку; на целый год—галстух и кожаный кушак. Вагоновожатый получал, кроме того, замшевые перчатки, рукавицы с варежками и валенки (зимою). Кучеру выдавали летом пальто обыкновенное, пальто виксатиновое и фуражку, зимою—пальто, шапку, валенки и рукавицы с варежками и на целый год — галстух, кожаный кушак и кожаный фартук. Форрейтер получал то же самое, что кучер, но без кожаного фартука и, кроме того, вместо виксатинового пальто—виксатиновую накидку. Конюшенным старостам выдавали только головные уборы (летом фуражку и зимою—шапку). Дорожные мастера получали, кроме головных уборов, пальто прорезиненное (летом). Старшему метельщику выдавали, кроме головных уборов, виксатиновую накидку (летом) и валенки (зимою); младшему метельщику—летом фуражку и зимою—шапку и рукавицы с варежками. Ремонтные рабочие получали головные уборы и валенки, Стрелочники и сигналисты—летом суконное пальто, фуражку и виксатиновую накидку, зимою—пальто, шапку, рукавицы с варежками, шерстяные перчатки и кожаные перчатки, и на целый год—галстух и кожаный кушак. Слесаря (линейные) получали летом—виксатиновую накидку, фуражку и шведскую куртку и зимою—шапку, полушубок, валенки и рукавицы с варежками, Сцепщикам—летом фуражку и шведскую куртку, зимою—шапку, полушубок, валенки и по две пары рукавиц с варежками. Кузнецам и молотобойцам выдавали зимою по четыре пары рукавиц с варежками; кузнецы получали, кроме того, кожаные фартуки. Рабочие центральной электрической станции получали летом фуражку и на целый год—рабочие костюмы синего цвета [1]).

В недрах бывшего городского самоуправления Петрограда существовала противоположность интересов между рабочими и служащими, с одной стороны, и заправилами Петроградского городского хозяйства, с другой стороны. Вершителями судеб городского хозяйства являлись представители имущих классов [2]) (фабриканты, крупные торговцы, финансисты, домовладельцы, придворная аристократия и т. д.). Они держали в своих руках муниципальную власть (которая оспаривалась и за которую боролись между собою представители торгово-промышленных интересов—новодумцы, и представители домовладельческо-придворных интересов—стародумцы) и вели хозяйство в интересах состоятельных слоев городского населения. Поскольку производственные отношения созрели для муниципализации, цензовая дума подавляла частное предпринимательство и муниципализировала предприятия общественного пользования (гор. жел. дороги, водопроводы и т. д.). Безусловно, что город в целом выиграл от муниципализации, так как частное предпринимательство носило монопольный характер и не шло целиком навстречу городским интересам. Городская управа

---

[1]) Рабочие неоднократно хлопотали о выдаче обмундирования или улучшении его. В 1909 г. кондуктора и вагоновожатые просили изменить одежду, „лишающую нас человеческого образа" и улучшить качество материи; кроме того они просили, чтобы одежда через два года переходила в их собственность. Метельщики просили (в 1905 и 1913 г.г.) о выдаче полного обмундирования, парковые рабочие (в 1913 г.)—о выдаче кожаного обмундирования и т. д.

[2]) См. мою брошюру „Опыт теории городского хозяйства" (1922 г.), стр. 8.

и ее исполнительные органы, находившиеся в руках имущих классов, эксплуатировала рабочих и служащих городских предприятий. Последние создавали прибавочную стоимость, которая шла на удовлетворение коллективных интересов состоятельных слоев городского населения и на вознаграждение их ставленников—крупных муниципальных чиновников. Городские рабочие, об'единенные крупным, муниципализированным, производством, вели классовую борьбу против „отцов города", претендовавших на представительство „общественных" интересов, т. е. интересов „всего" городского населения.

Макс Гордон.

■ ■ ■ ■
■

К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли.

IV [1].

Разрешение вопроса о продаже крестьян без земли было, казалось, надолго отложено госуд. советом, но все же живое прогрессивное движение в поместных кругах не прекратилось.

Когда вопреки указу 28 мая 1801 г., запретившему печатать в академических ведомостях об'явления о продаже крестьян, сенат в 1821 г. распорядился о напечатании в сенатских ведомостях об'явления о продаже крестьян одного помещика за долг, большинство членов комитета министров признало, что хотя вопрос о продаже крестьян без земли еще не разрешен, тем не менее следует теперь же запретить напечатание подобных об'явлений. И государь утвердил это мнение несмотря на то, что противники запрета об'яснили, что закон 1801 г. касался об'явлений о продаже крестьян частным лицам, а отнюдь не продажи с публичного торга по приговору судебных мест за долги, каковая продажа без об'явлений крайне затруднена [2].

Тогда же в комитете министров рассматривалось одно характерное дело. Главнокомандующий Кавказа, ген. А. П. Ермолов сообщил министру внутр. дел, что при проезде через Ставрополь он "окружен был несколькими семействами людей в самой крайней нищете, называющих себя крестьянами помещика Дробязгина, который куня их в Орле у генерала гр. Каменского в числе 175 душ мужска и женска пола, нынешнею осенью привел их сюда на водворение в Ставропольском уезде; но вместо того, продав в свою пользу их собственные на прежнем месте дома и проч. и не имея места где водворить, большую часть из них продал разным людям, других отдал в услуги, а остальных, не имея чем прокармливать, допустил ходить по миру, присовокупляя к тому жестокое обращение не только побоями, но и содержанием в оковах у себя дома". Ермолов послал своего ад'ютанта вместе с городничим в дом Дробязгина, где они действительно нашли "одного из сказанных крестьян, содержимого два дни в оковах и без пищи, прочих же людей, помещаемыми в одной тесной избе и вообще в крайней бедности". Далее открылось, что

[1]) См. Архив истории труда в России, кн. 6—7.

[2]) Журнал комитета министров, май 1822 г., т. 278, приложения к нач. т. 290. Полное собрание законов, № 29192 (указ 29 сент. 1822 г.).

Дробязгин "присвоя себе подложно достоинство дворянина и звание помещика, под сим предлогом купил в Орле у генерала гр. Каменского 89 ревизских душ крестьян с семействами их и имуществом на своз без земли для водворения в Ставропольском уезде, на хуторе Телятниковом, который принадлежит тоже не ему Дробязгину, а однодворцу села Николаевского, на сельской земле водворившемуся, что хотя на сию покупку сделано с гр. Каменским одно только домовое условие 4 июня 1821 года, совершение купчей крепости и платеж остальных в числе 26400 руб. за задатком 5 т. руб. денег, равно и неустойка отсрочены до сентября месяца, но, между тем, крестьяне и имущество их предоставлены в распоряжение помещика Дробязгина, который... одних распродал порознь семьями, других отдал в работы, а остальных 7 семей не имея чем содержать, допустил питаться мирским подаянием, усугубляя сие бедственное положение худым с ними обращением".

Следствие, по словам Ермолова, обнаружило, что Дробязгин обманул не одного гр. Каменского, но "еще хуже поступил против многих людей, имеющих право владеть крестьянами и нуждающихся в услуге по отдаленности тамошнего края, где они лишены способов пользоваться услугою наемною". Со своей стороны ген. Ермолов, принимая во внимание "необходимость иметь услугу людям, на то право имеющим, и затруднения находить ее в тамошнем краю", ходатайствует о разрешении продажи людей без земли в некоторых случаях. Это "в особенности могло бы быть полезно для умножения населения в Кавказской губернии, где оно идет весьма медленно", но для этого нужны точные правила: 1) при покупке на свои земли для переселения покупщик должен иметь удостоверение от гражданской палаты, что у него имеется недостаточно населенная земля; 2) продажа и покупка дворовых людей без земли должна быть разрешена и лицам, не имеющим земли, но имеющим надобность в домашней прислуге, но отнюдь не для продажи".

Чрезвычайно показателен ген. Ермолов, возмущающийся Дробязгиным, осмелившимся заняться чисто-дворянским делом — торговли людьми, и заботящийся о мелком дворянстве, не могущем найти себе в малонаселенном крае наемной прислуги. К двум указанным ранее рынкам сбыта крестьян (Новороссии и Дону) здесь присоединяется третий — Кавказ, и причина та же — необходимость колонизации малонаселенного края. Однако следует иметь в виду, что сюда свозились крестьяне из великороссийских губерний не только для "нужд" местных дворян, но и со спекулятивными целями. Кавказские, в частности грузинские и армянские, дворяне перепродавали купленных крестьян в Закавказский край, где и переходили из рук в руки наравне с азиатскими невольниками.

Министр юстиции согласился с мнением о необходимости удостоверений для лиц, покупающих крестьян на своз в Кавказскую губ. Что касается до покупки дворовых без земли, то министр подтверждал здесь свое прежнее мнение: продажа не воспрещена, но только без раздробления семейств. Но комитет министров постановил испрашиваемых Ермоловым правил не обсуждать, в виду ожидаемой разработки этого вопроса во всем объеме гос. советом [3]).

[3]) Приложение к журналу комитета министров, март 1822 г., т. 288. Журнал комитета министров, март 1822 г., т. 276.

В 1823 г. министр внутр. дел В. С. Ланской (член д-та законов в 1820 г.) сообщил комитету министров, что угличский помещик Бантышев жаловался на неповиновение доставшихся ему по наследству 16 крестьян, а последние жаловались на разорительные для них требования помещика, которого они не признавали своим законным владельцем, в виду чего имение Бантышева было подчинено надзору уездного предводителя и земской полиции; между тем Бантышев продал своих крестьян, а затем выговорил себе обратно из семейства крестьянина Филиппова троих его детей (сыновей 17 и 12 л. и дочь 20 л.), "отторгая таким образом детей от отца по единому мщению на крестьянина Филиппова, которого в прошении своем называет главным возмутителем крестьян его".

По мнению московского ген.-губернатора, Бантышев имел на это право, но "сие право, во зло иногда употребляемое по движению страстей предосудительных, надлежит ограничить, дабы согласить первый и священный закон природы с законом общественным".

Комитет министров постановил сообщить об этом государственному совету, памятуя, что общий вопрос находится на его рассмотрении с 1820 года [4]).

Так в связи с определенными случаями поднимался вопрос о продаже крестьян без земли, и всякий раз обнаружилась боязнь прикоснуться к этому сложному вопросу. Комитет министров неизменно препровождал копии своих журналов в госуд. совет, где они аккуратно подшивались все к тому же делу 1820 г. "по предмету непродажи людей порознь и без земли". Самое же дело стояло на мертвой точке.

Наступило новое царствование. В 1827 г. жизнь снова натолкнула правящие сферы на забытый вопрос. Возникло любопытное дело о продаже крестьян за долги господ [5]). Умерший поручик Гулидов оставил после себя долги, в том числе жене своей — 5.000 руб. Для покрытия долга было продано его имение, и потому 4.800 руб. было уплачено, но вдова Гулидова требовала еще, сверх оставшихся 200 руб., уплаты ей процентов и возмещения убытков. По ее словам, у племянника ее мужа устюжского помещика Такташеева остались принадлежавшие покойному две ратнических квитанции и дворовый человек Иван Еремеев с женой и пятью дочерьми, которых она и просила продать для ее удовлетворения. Новгородское губернское правление предписало сделать Еремеевым опись с оценкой и содержать под присмотром. Еремеев показал, что достался Гулидову от помещика Колокольцева, а по смерти Гулидова жил без вида с женою и двумя малолетними дочерьми в деревне помещика Муравьева, и что две старшие дочери его вышли без его ведома замуж. Еремеевы и две маленькие дочери были посажены в острог. В новгородской палате они были оценены "при благородных свидетелях в 300 руб., при каковой оценке принято было в соображение, что Еремеев за старостию и незнанием никакого ремесла не может принести, за прокормлением себя, более 10 руб. в год дохода".

[4]) Прилож. к журн. к-та мин., ноябрь 1823 г., т. 335. Журн. к-та мин., ноябрь 1823 г., т. 323.

[5]) Архив гос. совета, дело деп-та законов «о назначенном в продажу крестьянине Еремееве с семейством за долги помещика его Гулидова», 1827 г., № 72.

Тут в дело вмешался статс-секретарь Н. Н. Муравьев, в именьи которого, как сказано выше, проживал Еремеев перед арестом. Муравьев обратился прямо к императору Николаю. Последний велел передать дело о Еремееве в 1-ое отделение собств. е. в. канцелярии, которым управлял Муравьев, а продажу приостановить. Еремеевы еще раньше были освобождены из острога. В то же время Николай I приказал Муравьеву передать на разрешение государственного совета вопрос — можно ли допускать подобную продажу людей за долги господ.

Департамент законов принял следующее постановление: 1) крестьяне составляют собственность владельца и могут быть продаваемы без земли, при чем указом 2 ноября 1814 г. установлены цены на души. Продажа крестьян без земли ограничена только временем рекрутских наборов, запрещением продавать на публичных торгах и ярмарках и по верющим письмам; 2) долги помещиков обеспечиваются их именьем, частью которого являются крестьяне. Что касается до поставленного государем общего вопроса — можно ли *допускать* подобную продажу — то, ответ на него находится в зависимости от того, как будет резрешен вопрос о продаже людей без земли вообще [6]). Но общее собрание госуд. совета, полагая, что закон о продаже людей без земли "по многим отношениям неудобен и не соответствует ни нравственности, ни просвещению настоящего времени", поручило д-ту законов разработать проект закона [7]).

На постановление гос. совета Николай положил резолюцию: "без отлагательства". Несмотря на это, прошло около года, пока этот вопрос начали обсуждать соединенные департаменты законов и государственной экономии. Они посвятили ему несколько заседаний в конце 1828 года и два в начале 1829 года.

Председательствовавший в соединенных департаментах кн. Ал-ей Бор. Куракин представил особую записку [8]). По его мнению, законами продажа людей не разрешена, "торг сей вошел в употребление случайно". Теперь необходимо разделить крестьян на приписанных к земле и дворовых.

Для этого следует произвести новую ревизию; при ревизии разрешить уже взятых из крестьян в дворовые оставить таковыми, а на будущее время—перевод в дворовые запретить; рекрутскую повинность с дворовых установить отдельно от крестьян, подушную подать с дворовых удвоить, обязав помещиков самих платить ее, не перенося на крестьян. Следует запретить продажу крестьян без земли, разрешив лишь—переуступать на сторону без разделения семьи, сообщая о каждом таком случае губ. начальству, заготовляя при переселении не только новые участки земли, но и продовольствие для переселяемых, и уплачивая, по крайней мере, в течение года за них подати из собственных доходов. Дворовых следует разрешить отпускать на волю по старому порядку, освобождая лишь помещиков от уплаты податей за увольняемых, но и последним давая льготу от податей на 1 год; надлежит создать особый служебный и рабочий цех для приписания увольняемых дворовых. Помещику предоставляется право переводить дворовых в хлебопашцы, но

[6]) Журнал д-та законов подписали: И. Васильчиков, кн. Серг. Салтыков, М. Сперанский и А. Олевин. Не подлежит сомнению, что именно Сперанский был автором этого мнения.

[7]) Архив гос. совета. Журналы д-та зак., т. 16, 1827 г., ч. 2-я, № 72.

[8]) Подлинник записки кн. Куракина в деле д-та законов «по предмету непродажи крестьян порознь и бе земли»—1820 г., № 10—40 и 1828 г., № 28.

разработки семьи (за семью считать мужа, жену, детей, а по желанию глав. семьи и его родителей, деда и бабку), наделяя таких переведенных участком земли, включая с ними обязательное условие на 20 лет, по истечении какового срока они делаются свободными и переводятся в сословие вольных поселян. Необходимо предоставить помещикам право отдавать в рекруты дворовых дурного поведения, а также ссылать на поселение порочных крестьян. Наконец надо разрешить помещикам переуступать дворовых личным дворянам, купцам и мещанам.

Как видно, записка кн. Куракина представляет из себя какую-то мешанину весьма плохо соединимых идей. С одной стороны, радикальное решение вопроса о тяжести людей, стеснение помещиков в вопросе о дворовых (хотя и мало действительными мерами) и даже некоторые шаги в сторону освобождения крестьян. С другой стороны, рекомендуется усиление административной власти помещиков и увеличивается число имеющих право владения дворовыми людьми.

В заседании соединенных департаментов, кроме кн. Куракина, участвовали, кн. Тутолмин, гр. Строганов и М. Сперанский. Строганов и Сперанский, присоединившись к мнению Куракина, однако, предложили исключить из него: 1) обязательное освобождение через 20 лет обращаемых в хлебопашцы дворовых, правильно указывая, что это "будучи соединено с явною невыгодою помещиков, было бы противно цели привлечь помещиков сколько для усиления класса хлебопашцев, столько и для уменьшения дворовых у них людей"; 2) право переуступать дворовых личным дворянам и др., как расширяющее число владельцев крепостных.

С этими поправками, которые Куракин принял, проект его, стесняя право помещиков торговать людьми и владение дворовыми, в то же время усиливал административную власть их над крепостными и сокращением числа дворовых способствовал развитию хлебопашества. Интересы крупного землевладения были бы таким образом вполне ограждены.

Тутолмин не согласился ни с мнением Куракина, ни с поправками и подал особое мнение, в котором предлагал дозволить покупку людей к фабрикам и заводам, а также на своз без земли, но лишь лицам, имеющим землю, наконец, "снять узы для водворения дворовых, приписанных к домам, у людей, не имеющих земли", с воспрещением приписки дворовых к домам, а не деревням [2]).

Общее собрание госуд. совета, обсудив вопрос, пришло к заключению, что он слишком сложен, так как затрагивает область государственного хозяйства, права и даже кредитные установления и постановило просить государя об образовании особого комитета по этому вопросу. Государь назначил в комитет гр. Кочубея, кн. Голицына, ген.-ад. Васильчикова, Сперанского, Тутолмина, и гр. Толстого [1]).

Этому комитету пришлось работать в тесной связи с уже действовавшим комитетом 6 декабря 1826 года.

---

[2]) По собственному признанию Тутолмина, он имел в виду интересы мелких помещиков, которым надо было дать «какой-нибудь способ уменьшить число ненужных им служащих и крестьян при несоразмерном оных с населяемой ими землею числе»... (Архив комитета 6 дек. 1826 г., № 211/4. Журнал и бумаги комитета, выс. учрежденного 23 июля 1829 г. для начертания закона о пресечении перехода крепостных помещичьих людей из одного сословия в другое с раздроблением семейств и без земли).

[1]) Архив гос. совета, журнал д-та зак. 1829 г., ч. I, т. 20.

Комитет 6 декабря состоял из председателя гр. В. П. Кочубея и членов: ген. от инфан. гр. П. А. Толстого, ген.-ад. И. В. Васильчикова, кн. А. Н. Голицына, бар. И. И. Дибича и М. М. Сперанского и имел задание, разобрав бумаги Александра I, извлечь наиболее существенное "для лучшего устройства и исправления всех частей управления".

Первый из этих двух комитетов явился лишь комиссией при втором. Состав их был, как видим, почти одинаков, только вместо сместого в комитете 6 декабря бар. Дибича в другом был членом Тутолмин.

Из факта заступничества за крестьянина Еремеева Муравьева и записки кн. Куракина мы видим, что течение, благоприятствующее запрету продажи людей без земли, не умирало в среде землевладельческой знати. Теперь мы можем констатировать, что и на этот раз оно было тесно связано со стремлением к "усовершенствованию сельского хозяйства", присоединяя к этому возродившиеся мечты о создании замкнутого аристократического сословия. В бумагах комитета 6 декабря имеется не мало доказательств существования такого течения.

Так, в записке, поданной на французском языке еще в 1821 году моск. ген.-губернатором кн. Голицыным Александру I, говорится, что "добрые помещики относятся ревниво только к сохранению доходов, получаемых ими от своих имений, они боятся только их уменьшения вследствие каких-нибудь ложных мероприятий. Все остальные принадлежащие им права их совершенно не интересуют" [11]. Вышеназванный Ник. Наз. Муравьев в особой записке "О владении землями без обладания живущею на ней крестьянами [12]" предложил новый способ освобождения крестьян: раздачу "заслуженным чиновникам" казенных земель. Крестьяне, живущие на этих землях, должны были, сохраняя свои старые повинности казне, платить новому владельцу оброк, в остальном были свободны и имели право передвижения. Помещики побуждались к поднятию доходности хозяйства разрешением им самим устанавливать каждые 6 лет размер казенного оброка крестьян, при чем при увеличении последнего казна должна была получать только половину прибавки, остальную ее часть получал помещик [13]. Это новое состояние, по мнению Муравьева, должно было воздействовать и на других землевладельцев и привести к безболезненному разрешению крестьянского вопроса. Автор записки на французском языке о постепенном освобождении крестьян [14] очень характерно понимает это освобождение прежде всего в провозглашении принципа: "дворянин—владелец земли, а не живущих на ней, для которых он только сеньер", и в запрещении продажи без земли. Вслед затем царский манифест должен об'явить о намерении в воздаяние за заслуги дворянства возвести его владения в ранг титулованных ленов (fiefs titrés"). Имения, дающие 4 тыс. годового доходу, титулованные

---

11) Дело ком. 6 дек. 1826 г. № 176/8. О воспрещении продажи крест. [illegible] людей по одиночке.

12) Бумаги ком. 6 дек. 1826 г. № 106/47.

13) Для казенных крестьян, как видно, эта свобода [illegible] владельца, право переселяться неизвестно на какие земли и [illegible] оброка. Но симпатия автора к [illegible] земледелию несомненна.

14) „Plan d'un travail pour l'affranchissement progressif des paysans". Бумаги ком. 6 дек. 1826 г., № 70/36.

[illegible] дворянскими, от 4—12 тыс. баронствами, от 12—20 тыс.—графствами, от 20—35 тыс.—маркизствами. Часть земли в ленах уступалась крестьянами за определенный оброк, "ценз" (cens), с правом выкупа. Вводилась инвеститура и запрещение раздроблять лены при наследстве: старший из наследников получал весь лен и обязан был вознаграждать других деньгами. Участь крестьян, по мнению автора, была вполне обеспечена установлением "ценза" и запрещением продажи их без земли.

В этом проекте феодальная оболочка сочетается с идеями рационального хозяйства и превращения крестьян в полусвободных фермеров [15]).

Готовая покончить с продажей людей без земли и перейти к предпринимательскому английского типа хозяйству, крупная знать в то же время стремилась к созданию обособленного от рядовой дворянской массы аристократического сословия.

Это настроение определило собой и работы комитета 6 декабря 1826 года. Здесь впервые речь о продаже людей без земли зашла под влиянием дела о продаже Еремеева. г. к. Николай, не довольствуясь передачей дела в госуд. совет, предложил заняться общим вопросом и комитету 6 декабря [16]). Председатель гр. Кочубей изложил свое мнение. Признавая, что просвещенная часть дворянства будет приветствовать воспрещение торга людьми, гр. Кочубей отмечал существование многочисленного класса "помещиков необразованных, закоснелых в грубых привычках", которым такая мера покажется "стеснением права собственности". Поэтому было бы желательно соединить издание этого закона с другими, в которых дворяне почувствовали бы заботливость о них монарха, напр., принятие мер против "непрестанного умножения нового дворянства", т. е. охрану "древнего коренного дворянства". Комитет в общем согласился с мнением председателя. В докладе императору Кочубей еще резче высказался (совсем как Н. И. Тургенев в 1820 г.) о средних и мелких помещиках, для которых "человек их есть такая же собственность, как лошадь, корова и прочее", и вместе с тем настаивал, что твердости монархии в государстве должна соответствовать сильная родовая аристократия [16-а]).

Затем была заслушана записка Сперанского [17]). Записка эта [18]) устанавливает разницу между старым и новым крепостным правом. Старое отличало крестьян от дворовых: первые были крепки земле, вторые—лицу помещика. Новое, образовавшееся после первой ревизии 1719 года, смешивало тех и других и делало их

---

[15]) Неизвестный автор записки о необходимости мер к ускорению судопроизводства, [illegible] о наследстве и раздел имений, банкирского устава и проч. (Бумаги [illegible] 6 дек. № 187 [illegible]) тоже сторонник ограничения раздробления помещичьих имений, по его мнению, [illegible] усовершенствованию сельского хозяйства, т. к. «нельзя осушить поля, сделать [illegible] распределения в работах... имения приходят в упадок, владельцы разоряются, крестьяне бедствуют и т. д. [illegible]» [illegible].

[16]) Сбор. Русск. Ист. Общ., т. 74, стр. 132.

[16-а]) Оригинально, [illegible] [illegible] необразованных [illegible] в грубых привычках помещиков.

[17]) Там же, стр. 150—153.

[18]) «О крепостных [illegible]», [illegible] в «Арх. ист. и практ. [illegible]» Калачова [illegible] [illegible] в «[illegible] преобр. гр. Сперанского». Изд. «Рус. [illegible]» М. 1905. [illegible]

крепким лицу. Прежде можно было продавать без земли дворовых, теперь это распространялось и на крестьян. В этом праве продажи, а также в праве отдавать в рекруты без очереди, существо нового крепостного права, более жестокого, чем старое. Правительство принимало меры к ограничению продажи, но безуспешно. Между тем "по мере населения возвышается цена на земли, умножается количество рук, умеряется цена вольных работ и работы принужденные теряют свое преимущество. Толпы дворовых людей с их потомством день ото дня становятся тягостнее и несноснее". Таким образом своевременно приступить к разрешению вопроса. Надо разделить крестьян и дворовых, произвести особую перепись дворовых, приписывая их к деревням, а у людей, не имеющих земли, к особым учреждаемым в городах служебным цехам; подушную подать и рекрутскую повинность с них требовать отдельно от крестьян (при чем подать платит помещик, а не крестьяне), крестьян в дворовые не переводить, а дворовых можно переводить в крестьяне, но без раздробления семейств; губернские правления могут, по представлению помещиков, ссылать дворовых людей на поселение; никакие долги помещика не должны падать на дворовых, и потому продажа дворовых должна быть воспрещена. Далее надо воспретить также продавать, закладывать, дарить и давать в приданое крестьян без земли. Оставляя в силе право помещика переселять крестьян с одной земли на другую, ему же принадлежащую, продажу на своз надо воспретить. Продажа земли без крестьян также должна быть воспрещена. Все эти меры, по словам Сперанского, обратят крепостное право "в прежнее его законное положение". Далее следует приняться за устройство казенных крестьян, которое потом постепенно распространить на помещичьих, что подготовит переход последних в "свободное состояние".

Как видно отсюда, приведенная выше записка Куракина, написанная годом позже, составлена под несомненным влиянием записки Сперанского, привнося только в нее несколько совершенно чуждых ее духу мыслей.

Комитет, в общем одобрив записку Сперанского, занялся составлением общего закона о состояниях, куда, как часть, предполагалось внести предположения Сперанского о крестьянах, выделив в особый закон положение о дворовых. В частности было решено, что в законе надо "дать чувствовать, сколь священно и неотъемлемо пред правительством и законом" право помещиков на собственность земли [19].

Одновременно с разработкой закона о состояниях был поднят и вопрос об ограничении раздробления дворянских имений. Предполагалось первоначально, чтобы "положить конец умножению числа мелкопоместных владельцев" не допускать при продаже, залоге и передаче по наследству имений дробления на участки, состоящие менее чем из 100 душ. Далее предполагалось содействовать образованию "майоратов или заповедных наследств для сохранения дворянских имений в роде"; для этого майоратом признавалось имение, составляющее не менее 1000 душ и не более половины всего недвижимого имения учредителя; майорат должен был переходить обязательно к старшему сыну [20]. Насколько члены комитета 6 декабр. были проникнуты пониманием единой мысли закона о состояниях, видно из журнала

[19]) Сборник, стр. 171.
[20]) Там же, стр. 115—118.

комитета от 6 июля 1830 г. Их целью, говорят они там, было: "ограничив в иных гом власть помещиков, торжественно утвердить все прочие права их и воспользоваться сим случаем для из'явления дворянству новых знаков внимания правительства, столь лестных для сего высшего состояния, коего отличительные свойства во всех государствах есть любовь к чести и усердие к престолу". Но, кроме этого, надо было "во 1-х) для обоюдной пользы помещиков и крестьян остановить умножение числа мелких владельцев, во 2-х) затруднить вступление в класс дворян, имеющих право крепостного владения людьми..." [21]). И члены комитета были правы: они своей цели достигли. Ограничение прав помещиков было ими проведено совершенно нечувствительно для крупных землевладельцев, которых они превращали в замкнутую сословную касту владельцев охраняемых законом майоратов [22]).

В марте 1830 г. проекты манифеста о состояниях, положения о дворовых людях и указа об ограничении раздробления имений поступили в государственный совет.

В проекте манифеста о состояниях уничтожалось возведение в дворянство за службу, а в главе о крестьянах говорилось, что целью является: "утвердив крепостное право, по коему крестьяне неот'емлемо крепки помещику по земле, на сем самом праве основать и образ их отчуждения нераздельно с землею. Истинные пользы, непреложность земских их прав и прочное оных ограждение от всякого прикосновения злонамеренных толков" требуют точного закона. В силу этого проект воспрещает всякую продажу, залог, дар, отдачу в приданое и оставление по наследству крестьян без земли, распространяя это запрещение и на продажу на своз [23]).

Всем членам были розданы экземпляры проектов и предложено подавать свои мнения [24]).

Согласно проекту Сперанского, комитет стремился к восстановлению "прежнего" крепостного права, которым крестьяне были крепки помещику "по земле", т. е. должны были превратиться в полу-крепостных, полу-свободных арендаторов. Если в работах комитета ярко отразилась одна струя жизни, то в мнениях членов совета выступила другая, гораздо более властная и сильная.

Так В. С. Ланской в своем мнении указал, что отделение крестьян от дворовых может иметь свои неудобства при наборе рекрут, и что необходимо разрешить, по крайней мере, продажу на своз, так как у одного помещика наблюдается недостаток в земле с избытком людей, а у другого наоборот [25]). Здесь уже сложные вопросы колонизации малонаселенных окраин вступают в свои права.

---

[21]) Там же, стр. 462.

[22]) О майоратах, кроме приведенных записок, говорила еще записка П. Д. Киселева 1816 г. «О постепенном уничтожении рабства в России». Там указано, что «основание майоратов уменьшит современем число мелкопоместных дворян, которые от скудости и невежества отягощают своих крепостных». (Гр. П. Д. Киселев» А. П. Заблоцкого-Десятовского т. IV, стр. 198.

[23]) Арх. гос. сов. Секретное дело 1830 года по проекту закона о состояниях и порядке гражданской службы. Ч. 1-я по первоначальному рассмотрению проекта.

[24]) Сборник, т. 90, стр. 394 — 395.

[25]) Там же, стр. 550 — 551.

В мнении государственного секретаря Марченко, между прочим, поставлен вопрос: "Какая цель удвоения подати за дворовых при теперешнем безденежьи?" [26]). Под "теперешним безденежьем", конечно, понимались здесь непрекращающийся финансовый кризис и падение цен на хлеб [27]).

Яснее всего голос помещичьего быта, как и в 1820 г., и теперь был слышен в мнениях адмирала Мордвинова. В мнении "по предмету заповедных имений", он находил, что раздробление имений полезно. "По раздроблению имений мы должны смотреть на землю, а не на крестьян на оной живущих, которые составляют постороннюю и случайную токмо ее принадлежность. Она не может быть вечною и современем должна будет отделиться, сие удобно может последовать при умножении народонаселения, когда земля соделается драгоценнее крестьян и удалением ее не может служить наградою за работу их; от увеличения денежных капиталов, когда для каждого владельца будет полезнее нанимать, нежели иметь собственных рабов"... Но при нынешнем положении "раздробление крестьян" не должно быть воспрещено [28]). В другом мнении Мордвинов касается воспрещения продажи на своз и, вступаясь за помещиков, продающих людей от "недостатка земли", отстаивает старый порядок [29]).

Наконец, в мнении о дворовых людях Мордвинов также отстаивает старый порядок вещей, говоря, что часто "ни за какие деньги невозможно найти вольнонаемного слуги", и что не время заводить новшества в такое время, "*когда цены на все произведения земли упали,—когда все почти недвижимые имения обременены долгами,—когда денежные капиталы в обращении весьма скудны* [30]).

Итак падение цен на хлеб, скудность помещичьих доходов—вот главная и могущественная причина, по которой нельзя было колебать установленного порядка вещей, сокращать пользование дворовыми и стеснять торговлю людьми.

Что голосом Мордвинова говорили подлинные условия жизни большинства помещиков, доказывается бумагами того же комитета 6 декабря.

Неизвестный херсонский помещик в особой записке [31]) пишет, что "усиление хлебопашества в Европе, умножение выпуска хлеба из Египта, недоразумения с Портою и в особенности греческая война... разрушили благоденствие" южных губерний. Но и симбирский губернский предводитель дворянства [32]) и костромское [33]) и курляндское дворянство и многие другие губернии неизменно заявляли о крайне бедственном своем положении вследствие упадка цен на хлеб и стеснения

[26]) Там же, стр. 570.

[27]) О падении цен на хлеб—см. П. И. Лященко. Очерки аграрной эволюции России. т. I, стр. 193 — 196. В 1826 г. Акад. Наук даже давала в качестве темы для сочинения на премию вопрос о причинах падения цен на хлеб и способах борьбы с этим явлением.

[28]) «Сборник», т. 90, стр. 561.

[29]) Там же, стр. 562 — 563.

[30]) Там же, стр. 566 — 567. Курсив мой.

[31]) Бумаги к-та 6 дек., № 131/72. Замечания (неизвестного) о Новороссийском крае и особенно о Херсонской губернии.

[32]) Там же, № 129/70. Записка о положении и состоянии дворянства Симбирской губ., представленная при всеподд. донесении от 4 янв. 1827 г. симбирским губернским предводителем ст. сов. кн. Мих. Баратаевым.

[33]) Там же, № 128/69. Записка о нуждах дворянства Костромской губ., представленная при всеподд. донесении от 13 янв. 1827 г. костромским губ. предводителем Татищевым.

денежных оборотов. Киевское дворянство даже просило о разрешении взноса части налогов натурой [34]). При таких условиях стремления сторонников рационального хозяйства естественно смолкали перед стоном переживавшего кризис дворянства.

В государственном совете голосовался вопрос, обнародовать ли теперь же закон о состояниях или отложить на время. Семь членов—во главе с вел. кн. Михаилом Павловичем, Н. С. Мордвиновым и В. С. Ланским были за отложение, а 23 члена—во главе с гр. Кочубеем за немедленное обнародование. Однако, могущественным противником закона о состояниях оказался цесаревич Константин Павлович, подвергший его резкой критике. Потом июльская революция и в императоре укрепила его всегдашнюю боязнь нововведений.

Но закон об ограничении раздробления имений еще оставался в гос. совете, хотя уже в измененной редакции (не 100, а 50 душ брались за единицу нераздробимого имения). Гос. советом было постановлено, что этот указ не имеет смысла без воспрещения продажи людей без земли, так как при существовании такой продажи имение все равно будет дробиться. Что же касается воспрещения продажи, то "при том расстройстве в хозяйственных делах", которое вызвано холерой, эта мера "будет неудобна и показаться может стеснительною вообще и в особенности для дворянства мелкопоместного" [35]). Это была полная капитуляция.

Следует отметить существенную разницу между проектами 1820 и 1830 г.г. Первый, вышедший из под пера человека либеральных воззрений, как и второй стоял на почве классовых интересов крупного землевладения, и в то же время являлся первым шагом к бессословному строю. Второй, принадлежавший консервативным кругам, имел целью укрепление и развитие сословной обособленности. Первый стремился содействовать экономическому развитию страны, видя в крупном хозяйстве могущественный рычаг этого развития. Второй укреплял крупное землевладение, заботясь более всего о поддержании привилегий родовой знати. Первый хотел создать вполне капиталистическое хозяйство; второй, также симпатизируя последнему, облекал его, однако, в феодальную оболочку.

Но против обоих проектов стояли—многочисленное служилое и мелкое дворянство, психология страха перед новшествами, "недостаток капиталов", "безденежье", низкие цены на хлеб.

V.

Жизнь, однако, снова и очень скоро опять выдвинула этот вопрос.

В 1832 году помещик Тамбовской губ. Стриневский с женой [36]), владельцы заложенного в московском опекунском совете имения в 216 душ, обратились в совет с просьбой о разрешении им продать 55 душ, в виду земельной тесноты. Опекунский совет, принимая во внимание, что законы разрешали часть заложенного имения по мере уплаты занятого капитала освобождать от залога только целыми се-

[34]) Середонин, Комитет министров, т. II, ч. I (СПБ 1902 г.) стр. 229 — 231.
[35]) Там же, стр. 537 — 538.
[36]) Архив гос. совета, дело д-та зак. «о воспрещении продажи людей без земли с раздроблением семейств» 1832 г., № 74. 1833 г. — № 14 и 1835 г. — № 29.

лениями, но с другой стороны считая, что в данном случае имеется уважительная причина—малоземелье, и что после продажи оставшаяся часть имения приобретает бо́льшую ценность, обратился к государю с просьбой разрешить продажу. На эту просьбу последовала резолюция — в данном частном случае сообразоваться с законами, а на разрешение гос. совета поставить общий вопрос о продаже крестьян без земли.

Департамент законов, занявшись подробным рассмотрением вопроса, разбил его на следующие части: 1) продажа людей без земли с публичного торга, 2) продажа частная, 3) продажа—(безразлично с землею или без земли)—с раздроблением семейства.

По первому вопросу департамент указал, что продажа с публичного торга воспрещена еще в 1771 году. Это подтверждено в 1797 г. и вслед за этим было воспрещена продажа людей за казенные долги помещиков предписанием в этом случае у владельцев, имеющих только безземельных крестьян и дворовых, брать их в казну. Теперь следует эту часть пополнить постановлением и о частных долгах. Второй вид продажи деп-т подразделяет еще на два: продажу на своз, об'ясняемую малоземельем и могущую быть полезной и для крестьян, в случае продажи их с земли скудной на обильную, и продажу, вызываемую "корыстолюбием", ничего, кроме вреда, не приносящую. Наконец, всякая продажа с раздроблением семейств должна быть признана вредной.

Отсюда д-т делает вывод: 1) продажа людей без земли во всяком виде должна быть воспрещена, 2) даже и при продаже с землею должно быть воспрещено раздробление семейств, 3) продажа, хотя бы и малым количеством земли, должна оставаться свободной и ничем не быть стесняема. Причина полного воспрещения продажи без земли, в том числе и на своз, та, что, в случае продажи по малоземелью, трудно установить, действительно ли было малоземелье и что считать в каком месте за малоземелье. Д-т предвидит возможность всяких подлогов: напр., помещик будет продавать людей с малым количеством земли, а затем землю будет выкупать назад. Чтобы бороться с этим, надо или назначить minimum количества земли, с которым могут быть продаваемы крестьяне, или постановить, что их можно продавать только со всею землею, состоящей в их пользовании. Но "то и другое повело бы к совершенному ослаблению и потрясению права помещиков на землю, составляющую по законам неот'емлемую их собственность, а крестьян повело бы к понятию, что земля, находящаяся в их пользовании, составляет их собственность, к понятию, не токмо в основании своем ложному, но и совершенно вредному, которое по сему должно стараться не возбуждать, но всемерно предупреждать". Поэтому, по мнению д-та, лучше не отягощать закон "подробными предусмотрениями" и предоставить "оное времени" [37]).

Проект составленного д-том указа начинался со ссылки на указы 1771 г. и 1798 г. и содержал в себе: 1) воспрещение принимать людей без земли в обеспечение и удовлетворение частных долгов, 2) предписание по закладным на крепости, состоявшиеся до указа, и по долговым частным взысканиям на крестьян без земли по-

[37]) Журнал д-та законов подписан гр. И. Васильчиковым, гр. Головкиным, И. Новосильцовым, С. Кушниковым, М. Сперанским и Ф. Энгелем.

ступать, как по казенным взысканиям, обращая людей в казну с уплатой за каждого мужчину 300 р., а за каждую женщину 150 р., и облагая их особым оброком для погашения уплаты, 3) подтверждение права собственности помещика на землю и крестьян и свободной продажи земли с воспрещением продажи, заклада и дара людей без земли, 4) предписание судебным местам, в случае отнятия ими спорной земли, крестьян, живущих на ней, переселить на другую, а если нет больше земли, уступить другому помещику, если же у последнего нет земли для переселения, брать их в казну, 5) указание, что, если по наследству достанутся люди человеку, не могущему ими владеть по "состоянию", их брать в казну, а его вознаграждать, как указано в п. 2, 6) воспрещение и при продаже с землей раздроблять семейства.

Как мы видим, проникнутый определенным страхом перед возможными потрясениями права помещичьей собственности на землю, проект сознательно отказывается от всяких гарантий против возможных подлогов. В общем собрании гос. совета 24 апреля пришли к заключению, что право помещиков на землю и крепостное право на крестьян лучше всего охранить не особыми подтверждениями, а разрешением продажи на своз, "что необходимо по самому пространству Империи и по неуравнительному ее заселению. Здесь крепостные люди увидят, что изменяется несколько образ действия права над ними помещиков, но в существе своем оно оставлено неприкосновенным". Всякие же специальные подтверждения не вызывающего сомнения права помещиков на землю, наоборот, породят сомнения в силе старых законов. В этом духе было поручено государственной канцелярии переработать проект указа, разделив его на два отдельных указа: о непродаже крестьян по частным взысканиям и о непродаже их без земли вообще и с раздроблением семейств.

Следует отметить, что на этот раз настроение гос. совета было еще более робким, чем в 1830 году. Один вид продажи людей без земли—продажу на своз—они хотят определенно оставить. Интересы колонизации были этим охранены. И на этот раз наиболее откровенным, наиболее решительным выразителем подлинного помещичьего быта явился адмирал Мордвинов [38]).

Рассматривая готовые проекты указов, гос. совет уже находил неудобным немедленное издание второго указа—об общем воспрещении продажи людей без земли. Первое неудобство заключается в существовании дворовых людей, по существу безземельных, почему надо было бы подумать, "можно ли и каким образом можно согласить сие предположение с твердостию крепостного права на дворовых людей". Второе затруднение заключается в вопросе о продаже на своз. В прошлом

[38]) Романович-Словатинский, цитируя мнение Мордвинова, говорит, что его точка зрения «не нашла сочувствия в императоре». А. В. А. Бильбасов, печатая мнение Мордвинова в 8 т. «Архива гр. Мордвиновых», отмечает в примечании, что Мордвинов при обсуждении проекта «высказал свое особое мнение», потом развил его подробнее, но «по неизвестным причинам» не представил в гос. совет. Мы теперь можем указать, что причиной была болезнь Мордвинова, из-за которой он не присутствовал в заседаниях государств. совета, 20, 24 и 27 апреля, и, таким образом, своего особого мнения там высказать не мог. Следовательно, и замечание Романовича-Словатинского излишне: императору мнение Мордвинова, по крайней мере, оффициально не было известно.

заседании было найдено необходимым такую продажу разрешить. Теперь указывалось, что из'ятия и исключения неудобны. Поэтому надлежит "определить каким образом согласить сие предположение с твердостию права на крестьян и с потребностью переселений, то есть: со взаимными пользами и крестьян, и помещиков, как малоземельных, так и избыточных землями". В виду этого предложено было ограничиться воспрещением продавать крестьян без земли за долги помещика, как казенные, так и частные, присоединив к этому из второго указа воспрещение раздроблять при продаже семьи крестьян; общий же вопрос сдать снова в д-т законов, указав последнему, что издаваемым указом "отнимается от крепостного права все, что есть в нем наиболее противного нравственному чувству", то есть, очевидно, что далее желательно не идти. Здесь было вполне сознано, что воспрещение продажи людей без земли колеблет крепостное право, в защите которого в этот момент сливались интересы всех групп помещиков: пора помещичьего предпринимательства отцвела, не успевши расцвесть, а недостаток капиталов и низкие цены на хлеб были реальностью [39]).

Указ же "о запрещении принимать крепостных людей без земли в обеспечение и удовлетворение частных долгов, и отчуждать их по купчим и дарственным записям отдельно от семейств их" был опубликован 2 мая 1833 г. [40]).

Департамент законов, в силу данного ему поручения снова заняться общим вопросом, приступил к нему только 8 декабря 1834 г. При чем, вполне считаясь со всеми сделанными ему указаниями, д-т сразу решил отложить это дело до того времени, когда "*с повсеместным умножением народонаселения и промышленности, с постепенным заселением пустопорожних земель*", наконец, "*с усовершенствованием сельского хозяйства*" можно будет это сделать без потрясений. К этому было затем прибавлено, что благоприятные обстоятельства наступят тогда, когда будут устроены казенные крестьяне, а именно когда они "будут опытом удостоверены, что земля, на коей они водворены, не есть их собственность"; тогда можно будет и помещичьих крестьян прикрепить только к земле, не боясь, чтобы они стали на этом основании считать землю своей. Д-т постановил представить свой журнал, минуя общее собрание, прямо на утверждение государя, прося его не считать отложенный вопрос в числе дел текущих. Государь согласился [41]).

В мнении департамента сказалось полное торжество взглядов Мордвинова. Теперь уже нельзя было думать, что изменение в положении крестьян даст толчок усовершенствованию помещичьего хозяйства. Нужно было наоборот ждать предварительного улучшения состояния этого хозяйства. Но крестьянский вопрос после этого поднимался неоднократно, по инициативе гр. П. Д. Киселева. Так как в этих случаях не заходило речи специально о продаже людей без земли, то рассмотрение этих случаев не входит в нашу задачу.

Применение закона 1833 г. на практике стало вызывать целый ряд недоразумений на местах. Так, в частности в связи с опубликованием в том же году пра-

[39]) Арх. гос. сов., журн. д-та зак., т. 31, 1833 г., ч. 1-я.

[40]) 2-е Полн. Собр. Зак., VIII, № 6163.

[41]) Арх. гос. сов., журн. д-та зак., т. 41, 1835 г., ч. 2 подписали: гр. И. Васильчиков, М. Сперанский и Ф. Энгель.

вил о производстве 8-й народной переписи, требовавших при совершении купчих на крестьян приписывать их к населенным имениям, во многих казенных палатах естественно возник вопрос: могут ли покупать крестьян без земли дворяне, не имеющие населенных имений. А в среде самих беспоместных дворян это вызвало целый переполох. На имя министра финансов поступили заявления от казенных палат олонецкой, владимирской, киевской, архангельской, курской и нижегородской об имеющихся у них многочисленных ходатайствах от дворян, не владеющих населенными имениями, о разрешении им приобретать крестьян без земли. Затем оренбургский губернатор вступился за чиновников Войска Уральского, которые, подобно донским, считались не имеющими *собственных* населенных имений. Губернатор указывал, что хотя донским чиновникам и воспрещено покупать крестьян на войсковые земли, но этим их дворянское право на владение крепостными не уничтожено, а потому и уральским чиновникам—дворянам, имеющим собственные дома, надлежит разрешить покупать людей без земли с припиской их к домам. "В противном случае", раз'яснял губернатор: "казенные чиновники не могут иметь услуги, ибо в кругу своего войска они не найдут свободных людей ни за какую плату". По словам губернатора, войсковая канцелярия сама совершала купчие.

Возник вопрос и в Сибири. В Иркутске тит. сов. Корюхов продал своих дворовых людей тит. сов. Лоскутову. Последнему, как не владеющему населенным имением, было отказано в совершении купчей. Но генерал-губернатор Восточной Сибири, "принимая в уважение с одной стороны недостаточное Корюхова положение, заставляющее его продать своих дворовых людей, с другой стороны то, что означенное затруднение по существованию там населенных имений.. совершенно остановило бы там продажу дворовых людей по отдаленности края и стеснило бы владельцев в правах их собственности", просил сенат о разрешении совершения подобных купчих. В Западной Сибири также были многочисленные заявления местных дворян, что земель у них нет, а дворовые люди им нужны. Тобольское губернское правление, указывая, что "в Сибири дворян, имеющих собственные земли, весьма мало", полагало необходимым разрешить здесь покупать людей с припиской к собственным домам всем дворянам, не имеющим земель. "Таковое приобретение и переход прав на дворовых людей без земли от одного лица к другому в тамошнем краю еще необходимо нужно и потому, что там нет свободного класса людей, которые бы с обоюдною пользою могли быть употреблены для услуг, как потомственных дворян, так и чиновников, служащих и отставных, дворянское достоинство имеющих, кроме ссыльных", представляющих из себя порочный элемент.

Если голоса мелких дворян северной и средней России представляются воплем отчаяния, то положение уральских чиновников и сибирских дворян становится прямо трагическим. Обитатели малонаселенных мест, эти люди прямо нуждались в том, о чем просили. И здесь мы снова убеждаемся, что торговля крестьянами служила целям колонизации окраин [42]).

[12]) Дело д-та зак. 1840 г., № 104 — о совершении купчих крепостей на продажу без земли крестьян и дворовых людей и о непродаже отдельно от семейств дворовых людей и крестьян.

Но в Петербурге уже не склонны были особенно прислушиваться к воплям мелких дворян. Там доминировало влияние Киселева, а в государственном совете закон 2 мая 1833 г. получил расширительное толкование. На все местные недоразумения было раз'яснено, что при совершении купчих на крестьян без земли их надлежит приписывать лишь к собственным населенным имениям, и что люди, не имеющие таковых, правом покупки крестьян без земли не пользуются [43]).

Не посчитавшись с интересами сибирских дворян и уральских войсковых чиновников, правящая группа, однако, и на этот раз оберегла колонизаторские интересы своей братии крупных землевладельцев.

Это был maximum того, что могло быть достигнуто по этому вопросу при крепостном праве.

И еще Свод Законов, изд. 1857 года, признавал право потомственных дворян торговать крестьянами, ограничивая только право покупки их лицами, владеющими населенными имениями [44]).

О чем же говорит история борьбы вокруг интересующего нас вопроса?

Уже в 18 в. в правительственных кругах понимали связь вопроса о продаже крестьян без земли с интересами мелкого дворянства. Но правительства эпохи дворцовых переворотов должны были считаться с этими последними и если прибегали к некоторым ограничениям продажи, то лишь тогда, когда этого требовали казенные интересы.

В конце 18 и начале 19 вв. в среде крупных землевладельцев проявляется интерес к новым типам хозяйства, основанным на предпринимательских расчетах, и в связи с этим сочувствие тем мерам в области крестьянского вопроса, которые подготовили бы переход фигурирующих в качестве товара на рынке крестьянских "душ" на положение фермеров. Однако, вопрос о безусловном воспрещении продажи людей без земли осложняется колонизаторскими интересами южных помещиков и боязнью раздражить мелкое дворянство.

И в дальнейшем фактически совершавшаяся путем сбыта крестьян из внутренних губерний России колонизация Новороссии, Дона, Урала, Закавказья, Сибири неизменно осложняла вопрос. Хотя, очевидно, только Новороссия, где были земли у многих петербургских сановников, останавливала до конца внимание правящих сфер. Необходимость считаться с "военным коммунизмом" донских и уральских казаков повлекла за собой воспрещение войсковым чиновникам покупать в России крестьян для переселения их к себе. А развившаяся в Грузии и Закавказьи спекуляция русскими крестьянами по соображениям националистической политики вызвала запрещение там такой торговли. Необходимость же продажи "на своз" в малонаселенные, но богатые землей края, т. е., очевидно, Новороссию, попрежнему осложняла вопрос.

Он, однако, с течением времени стал осложняться еще другими причинами.

В 1820 году вокруг него произошла целая борьба. Автором проекта о воспрещении продажи был на этот раз либеральный экономист, сторонник широкой евро-

43) Закон 2 янв. 1841 г., П. С. З., № 14152.
44) Свод Законов, изд. 1857 г., т. IX, ст. 1069.

низации России, думавший заинтересовать крупных землевладельцев идеей рационального хозяйства, сам же лелеявший мысль о полном переходе к бессословному строю. Но либерализму была противопоставлена консервативная боязнь новшеств, идее рационального хозяйства — "недостаток капиталов". Новаторское течение в сельском хозяйстве сталкивалось с начинавшимся упадком земледелия и с растущей реакционной психологией.

Далее кризис хозяйства растет. И когда в 1830 г. консервативная придворная знать, в своей еще не расставшейся с идеей рационального хозяйства части, пробовала разрешить этот вопрос, заключив новые формы хозяйства в феодально-аристократическую оболочку с крепостным правом "по земле", а не "по лицу", адмирал Мордвинов, напомнивший о "малонаселенности России" и о падении цен на хлеб, явился истинным выразителем мнений дворянской массы, через своих предводителей заявлявшей о своем стесненном положении.

И тогда, и в 1832 — 1835 гг. выступало на сцену ясное сознание связи торговли людьми с крепостным правом и невозможности касаться последнего при "недостатке капиталов" и низких ценах на хлеб.

Если можно в указах 1833 и 1841 гг. видеть все же шаг в сторону уничтожения крепостничества, то следует отметить, что указы эти ущемляли только самую несостоятельную группу безземельных дворян, широко ограждая права владельцев земли, как крупных, так и мелких.

Задача была при наличных условиях неразрешима.

А. Шебунин.

«Работные люди» в свете депутатских наказов 1767 года.

I.

Наказы, данные депутатам в Екатерининскую комиссию 1767 г. для составления Нового Уложения, являются одним из самых ярких и насыщенных бытовыми чертами исторических источников, отражая жизнь всей России во всем разнообразии и пестроте, со всею сложностью взаимоотношений между отдельными группами населения. Эту сложность житейских отношений в особенности полно и ярко вскрывают наказы государственных крестьян и сближаемых с ними законодательством низших слоев городского населения. Состав, как этого населения, так и государственных крестьян, давших наказы, представляется в изучаемый период очень пестрым и разнообразным: тут мы встречаем; 1) потомков московского служилого люда, сохранивших старинное название "старых служб служилых людей"—пахотных солдат и засечных сторожей; 2) отчасти близкие к ним группы населения пригородных слобод Тулы и Серпухова; 3) черносошных крестьян и 4) крестьян, приписанных к заводам.

Наказы этих разнородных групп населения отражают постоянное противоречие законодательства и жизненных условий, создавшихся к изучаемому периоду. Законодательство, начиная с 1724 г., с введения подушной подати, стремится об'единить указанные выше и подобные им слои населения в однообразную юридически группу государственных крестьян; в действительности же эта группа оказывается в половине 18 в. крайне неопределенной и пестрой частью населения; целый ряд житейских отношений, в одних случаях (напр., в положении старых служб служилых людей) идущих от московских времен, в других—создавшихся в течение 18 в., ускользает от внимания законодательства, проходящего мимо всех этих явлений. Создавшаяся к изучаемому периоду жизненная обстановка не только не совпадает с целями законодательства, но идет совершенно в разрез с ним: вместо желаемого законом об'единения государственных крестьян в одно целое наказы дают картину вполне наметившегося и определившегося расслоения среди этой части крестьянства. Расслоение это вызвано экономическими причинами, отрывающими крестьян от земли,—превращающими их в "работных людей", т. е. рабочих или ремесленников.

Наказы отражают различные моменты в процессе пролетаризации некоторых слоев государственных крестьян [1]). Настоящая работа является лишь опытом по-

[1]) Историк крестьянства В. И. Семевский в своем труде «Крестьяне в царствование Екатерины II» не касается этого процесса, вполне наметившегося к половине 18 века.

становки этого вопроса в отношении государственных крестьян; необходимо дальнейшее детальное изучение его, опирающееся на более широкий круг источников и охватывающее и другие группы крестьянства (помещичьих, монастырских, дворцовых и др. крестьян).

Процесс превращения части государственных крестьян в работных людей развивается двумя путями: с одной стороны в местностях, неблагоприятных для земледелия по климатическим условиям или из-за малоземелья, многие крестьяне теряют связь с деревней и отрываются от земли, уходя на заработки на сторону, иногда безвозвратно; с другой стороны—некоторые группы крестьян и близких к ним низших слоев городского населения, *не уходя из своего хозяйства*, принуждены бросить земледелие из-за возложенных на них правительством работ или вследствие малоземелья; таково положение горнозаводских крестьян и различных групп населения Тульской провинции, обслуживавших тульские оружейные заводы [2]).

II.

Наем крестьян на разные работы и уход их на промыслы был, повидимому, распространенным явлением, т. к. о нем говорят не только крестьянские, но также купеческие и дворянские наказы. Один из последних указывает, что в России нет вольнонаемных слуг, кроме государственных крестьян, "из которых многие, покинув пашню, разными промыслами и нанимаясь в услужение по городам питаются". По свидетельству наказа ярославского дворянства выбывшие из крестьянства "хождением в разные мастерства" не возвращаются в прежнее состояние, так же как и ушедшие в рекруты или взятые в дворовые [3]). Уход на заработки на сторону характерен для тех местностей, в которых мы находим значительное развитие домашней крестьянской промышленности. Оба эти явления имеют одинаковые причины: неблагоприятные климатические условия, малоземелье, различные затруднения в землепользовании (жалобы на чрезполосье и захваты земли соседями, часто более сильными чем потерпевшие, напр., влиятельными помещиками или их крестьянами—обычны для большинства крестьянских наказов).

Более зажиточные группы крестьянства могли развивать значительную иногда промышленную и торговую деятельность. Другая, более бедная, часть крестьянства часто оказывалась вынужденной наниматься в работу в деревне или в городе. О наемных рабочих в деревне наши источники говорят мало; половничество, хотя и очень яркое отраженное в наказах, нельзя считать наймом, и поэтому мы не входим в рассмотрение его. Об уходе на заработки в город имеются данные во многих наказах.

---

[2]) Мы не касаемся вопроса о крестьянской кустарной промышленности, так как данные о ней, имеющиеся в наших источниках, касаются в равной мере как некрепостного крестьянства, так и помещичьих крестьян в оброчных губерниях, в которых была наиболее развита промышленность. Указания же наших источников на вольнонаемных рабочих и на превращение крестьян в работных людей относятся по преимуществу к некрепостному населению.

[3]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 4, стр. 276, 311.

В Архангельской и приволжских губерниях это—работы, так или иначе связанные с навигацией. Кольские крестьяне "отходят чрез Кольский острог на мурманский рыбный промысел из покрута и из найму"; крестьяне двинского уезда "находятся... на судах до Ревеля и далее в работниках, и шкиперах". В Архангельске башмачники из крестьян держат летом во время навигации "мастеровые избы" около гавани, к великой досаде местных купцов, у которых они отбивают клиентов [4]).

В Поволжье крестьяне также были заняты на судовых работах; по свидетельству гороховецкого купечества "по здешнему месту крестьянство нанимается у купечества в разные работы, а именно делает принадлежащие для сплавки в Астрахань товаров суда и на оных в бурлаках". В наказе рыбинского купечества имеем указания о плате рабочим на постройке барок: "зимним временем плотником рядь бывает от семи до восьми и до девяти рублев с барки, а летним временем от двадцати до двадцати четырех и по двадцати рублев с барки ж" [5]).

Многие крестьяне занимались извозом, главным образом возкой товаров, служили у купцов приказчиками и сидельцами в лавках, нанимались в поденную работу и в услужение или, поселяясь в городе, занимались ремеслами. Так, по словам двух крестьянских наказов Двинского уезда, многие крестьяне "находятся в Санктпетербурге и в Москве в работах, яко то на бирже, в артелях и в прочих всякого чина и звания у персон в услугах" [6]). Иногда при уходе крестьянина на заработки его земля обрабатывалась оставшейся семьей или с помощью наемного труда (напр., по свидетельству некоторых двинских наказов); в других случаях имеем указания, что уходящие совершенно бросают свое хозяйство.

В близких к заводам местностях был распространен наем на заводские работы, часто надолго, а в иных случаях и навсегда, отрывавший крестьян от деревни. Вольнонаемный труд на частных заводах стал, видимо, к этому времени довольно распространенным явлением. По словам наказа серпуховского купечества "у фабрикантов и заводчиков и у прочих торговых купцов на фабриках и на кожевенных и прочих заводах имеется в мастерстве и в простых фабричных и заводских работах из найму добровольной платы разных чинов люди, и большей частию государственные, дворцовые и ведомства коллегии экономии и помещичьи крестьяне". Крестьяне Яренского уезда работали на железных и медиплавильных заводах Осокина, добывая этим средства на уплату податей, причем многие ушли на заводы безвозвратно. О таком же уходе говорит наказ пашенных солдат гор. Дедилова (Тульской провинции): "а одинокие и вовсе разорились и оставя в Дедилове свои домы, человек по двадцати сошли в Тулу, и живут при заводах завсегда в работе" [7]).

Жители Казанской губернии (татары, новокрещенцы, ясачные инородцы и др.) нанимались на уфимские и оренбургские горные заводы, живя там нередко лет по пять и дольше. В некоторых из тамошних наказов встречаем бытовые

[4]) Сб. Русского Историч. Общества, т. 123, стр. 37, 5, 23, 302, 452.
[5]) Там же, т. 107, стр. 178, 520, 139.
[6]) Там же, т. 107, стр. 11, 43, 103, 119, 178; т. 123, стр. 4, 5; 23.
[7]) Там же, т. 115, стр. 44.

черты, указывающие на причины такого долгого пребывания на заводах: приказчики, посылаемые заводчиками для найма рабочих, дают последним в задаток довольно значительные суммы, которые приходится отрабатывать в течении многих лет: "За двадцать рублев принужден работать лет десять и пятнадцать, да и в оные едва ли совсем расчестся там может. Понеже хотя на тех заводах годовая сумма к заплате от заводчиков положена и немалая, но оную всю оставляют в их же руках, потому что харч, платье и обувь принуждены те работные люди покупать у тех же хозяев за тройную и больше цену. И так сколько там ни работает, принужденным найдется со оных бегать. Но по просьбам тех заводчиков причитается сколько б на том заводе ни работал, к возвращению не только та сумма, которую получил наперед, но вдвое и больше" [8]).

Эти жалобы подтверждаются заявлением депутата от главного магистрата, указывающего на отпуск заводчиками рабочим пищи и одежды по неумеренным ценам, вводящий рабочих в неоплатные долги. Насколько не ограждены были крестьяне от произвола нанимателей показывает следующий случай, который вряд ли можно считать исключительным: некоторые из новокрещенцев Уфимского уезда поселились на землях заводчиков Мясникова и Твердышева, заключив с ними особые условия. Заводчики, нарушая их, отягощали крестьян излишней работой, и последние в своем наказе просили отвести им земли для переселения, желая уйти с земель заводчиков, чтобы не оказаться закрепленными за ними [9]).

Имеются указания, что крестьяне, уходившие на заработки, нередко поселялись навсегда в городах, становились ремесленниками; иногда они записывались в цехи, в иных случаях уклонялись от этого, чем вызывали жалобы купечества [10]). В купеческих наказах встречаются заявления, что крестьянина можно допускать в город только в качестве наемного работника, а не как самостоятельного ремесленника. В ответ на это со стороны крестьян проявляется усиленное стремление отстоять право свободного занятия ремеслами.

III.

Некоторые группы государственных крестьян и городского (вернее пригородного—жителей слобод) населения, сближаемого законом с государственными крестьянами, не уходя из своего хозяйства, оказывались поставленными в такие условия, которые отрывали их от земли, превращая в ремесленников или работных людей, хотя юридически они продолжали рассматриваться как крестьяне.

Такое положение отражается в наказах: 1) государственных крестьян, приписанных к горным заводам — казенным и переданным в частные руки [11]).

[8]) Там же, т. 93, стр. 199; т. 123, стр. 228, 249, 257; т. 115, стр. 243, 249, 349, 353, 392, 398.

[9]) Там же, т. 4, стр. 105, 106.

[10]) Там же, т. 123, стр. 523; т. 107, стр. 519, 580; т. 115, стр. 238; т. 144, стр. 335, 438.

[11]) В последнем случае крестьяне по прежнему считаются государственными и их не следует отожествлять с посессионными, прикрепленными к заводам и отданными в распоряжение их владельцев. Ср. Семевский, Крестьяне в царств. Екатерины II (т. II, стр. 316 — 317).

2) разнообразных групп городского и пригородного населения, обслуживавшего тульские казенные оружейные заводы. Это были потомки мелкого служилого люда — пахотные солдаты, засечные (лесные) сторожа, оружейники и др., рассматриваемые законом как государственные крестьяне.

В составе горнозаводского населения намечаются три группы: 1) приписные к заводам крестьяне, имеющие землю, но сильно затрудненные в пользовании ею из-за налагаемых на них работ; 2) крестьяне, жившие раньше вдали от заводов и переведенные на заводы в целях более интенсивного использования их труда, при переселении они не получали земли и попадали в положение рабочих; 3) "мастеровые и работные люди"—постоянные работники на заводах, получающие специальную подготовку и занятые непосредственно производственной, а не подготовительной, как приписные крестьяне, работой.

Приписные к заводам крестьяне тогдашней Казанской губ. (уездов—Казанского, Чердынского, Кунгурского и Соликамского) жили в большинстве случаев очень далеко от заводов, что вредно отражалось на их хозяйстве, от которого их надолго отрывали заводские работы. На обязанности крестьян лежали различные подготовительные к чисто-производственной работы: рубка и возка дров, жжение из них угля (кучная работа), ломка и возка руды, земли на постройку плотин, развозка и сплав по рекам готовых изделий. Иногда на них возлагались и чисто-заводские, производственные работы, что являлось нарушением установленного порядка и вызывало жалобы крестьян. По единогласному свидетельству всех наказов, работы всегда совпадали со временем посева ярового и озимого хлеба и уборки урожая. На работы назначались большие партии крестьян, не справлявшиеся, однако, во время с работой из-за дальних расстояний между заводами и местом работ, а также и потому, что нужно было отрабатывать по числу ревизских душ за нетрудоспособных, малолетних и выбывших. Семьи ушедших на работы не могли справиться с посевом и с уборкой хлеба, т. к. на заводские работы уходила большая часть всего трудоспособного населения приписных деревень. В результате заводская работа разрушала хозяйство приписного крестьянина, принуждая его нередко оставаться на работе "безотлучно" [12]). В лучшем случае крестьяне обрабатывали землю кое-как, урывками между заводской работой: "высылают нас всех в самую деловую пору, не дают нам своей крестьянской земледельной работы исправлять, а хотя и отпускают нас в домы и то не на долгое время, где и бываем всегда в проходе, за чем исправить домашней своей работы никак бывает не возможно; а хотя... некоторые и сеют для своего пропитания хлеба по малому числу, но и того во время снять заводская работа не допускает". Это заявление крестьян, приписанных к камским железным заводам Демидова, типично для характеристики положения хозяйства приписного крестьянина. Подобные указания имеем и в других наказах. Другая и, повидимому, значительная часть крестьян была принуждена бросить землю, находясь "только из одного пропитания всегда при тех заводах безотлучно". Крестьяне Чердынского и Соликамского уездов, не

[12]) Жалобы крестьян подтверждаются отзывами путешественников, наблюдавших жизнь приписных крестьян. Эти отзывы относятся не к году составления наказов, но близки к нему по времени. О них см. Семевский, ук. соч., т. II,

будучи в состоянии платить подати, заложили свои земли местным посадским людям. Во всех почти наказах приписных крестьян имеем указания, что у многих "дворы запустели" из-за ухода с земли хозяев [13]).

Плата, получаемая крестьянами за работы, была очень низка: по "плакату" 26 июня 1724 г. [14]) "за работу людям и лошадям" платили летом пешему крестьянину 5 коп., а с лошадью 10 коп. в день, зимой—пешему 4 коп., с лошадью 6 коп. Из этого расчета расценивались все заводские работы, выполнявшиеся приписными крестьянами. За дни, потраченные на дорогу к месту работ, плата не выдавалась. Наем крестьянами работников вместо себя обходился им значительно дороже платы, назначенной за работу. Провиант и корм для лошадей отпускались во время работ из заводских контор на отданных частным лицам заводах по дорогой цене. За взятые припасы крестьянам приходилось отрабатывать, что приводило их к сильной задолженности.

При незначительной оплате труда положение крестьян, оставивших землю, было очень трудным, и им приходилось изыскивать иные способы заработка: крестьяне Чердынского и Соликамского уездов, заложившие по большей части свои земли, добывали средства на уплату податей поставкой "варишных дров" на пермские соляные промыслы и "строением соляных судов по добровольному с промышленниками договору и казенных дезюхинских соляных заводов с командирами" [15]).

На ряду с постепенным отходом от земли и пролетаризацией части приписных к заводам крестьян, наказы отражают и принудительное обращение крестьян в рабочих. Совершалось оно путем взятия крестьян для производственной работы, требующей определенной подготовки и обучения и путем переселения их на заводы. Такое положение выясняется из наказов крестьян Кунгурского, Соликамского и Чердынского уездов, переселенных на Юговские и Аннинский заводы гр. П. Г. Чернышева в Кунгурском у. и крестьян Уфимской провинции, переселенных на Авзяно-Петровский завод Демидова [16]). Переселенные жили на далеком расстоянии от заводов, имели землю и исполняли обычным для приписных крестьян порядком подготовительные заводские работы. Некоторые из них, по свидетельству наказа переселенных на Авзяно-Петровский завод, были еще до переселения задержаны администрацией завода для обучения различным мастерствам и затем оставлены навсегда на заводе, как обученные рабочие. Другие были сразу переведены на заводы с семьями, причем выбор переселяемых был произведен поверенным владельца произвольно, без мирского приговора.

Переведенные крестьяне, поселенные при заводах и не получившие земли, были принуждены жить только на получаемую ими плату. Назначенная им задельная плата оказывалась по расчету на день ниже той, которую получали приписные крестьяне по "плакату" 1724 г. Несмотря на то, что переселенные были определены "заводскими служителями", т. е. постоянными штатными рабочими, с приведением

[13]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 115, стр. 251, 252, 256, 262, 263, 267; 296; 300. Ср. Семевский; ук. соч., т. II, стр. 305 — 309, 315 — 319; 434 — 448.

[14]) Полное Собрание Законов, № 4533.

[15]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 115, стр. 292, 301.

[16]) Подобные явления, несомненно, имели место и в жизни частновладельческих крестьян, которых настоящая статья не касается.

к присяге, они остались попрежнему в подушном окладе, как крестьяне, хотя по указам "заводские служителя" из него исключались. Почти все переселенные жалуются, что их взрослых детей назначают на горные и заводские работы, платя им всего по одной—две копейки в день и оставляя их постоянно в работе, не чередуя с родителями. Переселенные просили вернуть их к прежнему положению, т. к. лишение земли при переселении их совершенно разорило [17]).

Третью группу горнозаводского населения составляли "мастеровые и работные люди", т. е. рабочие-специалисты, постоянно занятые в самом производстве. Имеются наказы от рабочих Ягошихинского и Мотовилихинского заводов гр. Р. Л. Воронцова и Юговских заводов гр. П. Г. Чернышева, бывших прежде казенными. Наказы дают ряд черт, вскрывающих положение рабочих до и после передачи заводов частным лицам [18]).

Предки "мастеровых и работных людей" были определены на заводы при их основании (при Петре I) вместо военной службы, на которую они были взяты в рекруты; это состояние стало наследственным, т. к. дети рабочих с 15-летнего возраста определялись на работы; они получали практическую специальную подготовку, и таким путем создавался штат рабочих-специалистов, пополнявшийся также наборами из крестьян, которым это засчитывалось, как рекрутская повинность.

Положение рабочих, по словам наказов, ухудшилось после передачи заводов частным владельцам (при Елизавете Петровне). Когда заводы были казенными, рабочие получали плату полностью без вычетов за воскресные и праздничные дни, в которые работы не производились; если иногда приходилось работать в праздники у плавильных печей, то за это рабочие освобождались на соответственное число рабочих дней; так было, по словам наказов Ягошихинского и Мотовилихинского заводов, до 1758 г., когда были введены вычеты за воскресенья и праздники, что заставило работать в эти дни. Работа стала труднее, т. к. печи, плавившие раньше в сутки по 100 пудов руды, были переделаны и стали выплавлять свыше 350 пуд., причем число рабочих осталось прежним.

С переходом заводов в частные руки были отменены платежи жалованья полностью до выздоровления получившим увечья при работе и в половинном размере больным и выдача за время болезни казенной пищи; на Ягошихинском и Мотовилихинском заводе был госпиталь, которого рабочие лишились после передачи заводов Воронцову.

Работные люди продолжали платить подати, хотя, как штатные "заводские служителя", должны были освобождаться от них. Плата определялась по штату в 12 руб. в год на человека. На Юговских заводах она была заменена задельной, которая при расчете на день оказывалась еще ниже.

Платеж податей был для работных людей тем более тяжел, что они не имели земли, представляя вполне пролетаризированную часть горнозаводского населения.

Насколько тяготились они своим положением, можно судить по заявлению рабочих на заводах гр. Воронцова, что они согласны поступить на военную службу.

[17]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 115, стр. 272, 289, 293, 294, 301—303.
[18]) Там же, стр. 280—288.

если не окажется возможным улучшить их положение, которое они считали более тягостным и трудным, чем солдатчина.

Рассмотрение положения различных групп горнозаводского населения приводит к выводу, что постепенно все это население приближается к положению мастеровых и работных людей; наказы зафиксировали различные моменты в процессе его пролетаризации.

IV.

Своеобразной группой является население, обслуживавшее казенные тульские оружейные заводы. Оно сближалось в податном отношении с крестьянством, от которого отличалось по происхождению. Наказы отражают различные группы в составе этого населения: 1) более зажиточный, повидимому, слой—мастеровые-оружейники; 2) приписанные к заводам каменщики и кирпичники, жившие в Тульской гончарной слободе; 3) пашенные солдаты гор. Дедилова и засечные сторожа Коломенской слободы города Венева, Лихвинского и Козельского уездов, занятые подготовительными работами для заводов.

Мастеровые-оружейники были наиболее обеспеченной частью населения, связанного с тульскими заводами [19]). Они работали на дому, в своих мастерских, и некоторые держали от 50 до 100 работников; об этом упоминается в указе 1760 г., запретившем мастеровым покупать крепостных для обучения оружейному делу [20]). Таких крепостных оружейники, желавшие выйти "в промышленники", т. е. освободиться от казенных работ, отдавали вместо себя в мастеровые; в своем наказе оружейники просят разрешить им покупку крепостных до пяти человек, как это разрешалось фабрикантам, перед которыми оружейники должны иметь преимущество, т. к. они работают "ради исполнения казенных дел", заботясь об усовершенствовании оружейного производства. Это заявление об улучшении выработки не было, повидимому, только фразой, т. к. в наказе встречаем особый пункт, в котором оружейники просят вознаграждать их за новые изобретения—"пивенции": "До ныне некоторые мастера, имея покушение к сысканиям пивенций, на своем иждивении производили по своим догадкам разные опыты, а непредвидя за изобретение предопределенного вознаграждения, боясь продолжением истощить себя, предприятия свои недоконченными оставляли. То впредь к возбуждению в них к тому желаний, как выписным, так и российским мастерам за изобретение пивенций по усмотрению в них употребленных к тому иждивений, по великости понесенных трудов и по важности от оных пользы, также и за выучку учеников, за каждого человека, по состоянию художеств давать награждения" (п. 24 наказа). О ревнивом отношении к своему делу говорят жалобы оружейников на конкуренцию тульских купцов и кустарей села Павлова, Нижегородской губ., выделывавших плохое, по отзывам наказа, оружие и сбывавших его по дешевой цене под видом выработанного казенными мастерами. О плохом качестве павловских ружей говорил и депутат от оружейников в поданном им мнении о крестьянских промыслах и торговле, указы-

[19]) Наказ их — Сб. Русск. Ист. Общ., т. 93, стр. 274 — 291.
[20]) Полное Собрание Законов (указ 4 дек. 1760 г.), № 11154.

вая, что и военная коллегия бракует эти ружья, запрещая покупать их казачьим полкам [21]). В этих жалобах и просьбах запретить кустарную выработку оружия проглядывают не только материальные соображения, но и чувство профессиональной обиды за "поругание" мастерству, которым гордились оружейники.

На лучшее по сравнению с другими тульскими работными людьми положение оружейников указывает также отсутствие в их наказе жалоб на недостаточность получаемой ими платы; заявление (в п. 19 наказа), что "мастеровые крайнего разорения до ныне хотя и не почувствовали и от производимых работ с домашними и бедные сироты хотя и малое на пропитание получали", корректируется просьбой о разрешении покупки крепостных, на которую просители имели, повидимому, средства; в противном случае теряется всякий смысл этой просьбы. К сожалению, наказ не дает сведений о заработной плате мастеровых. По указу 3 октября 1739 г. [22]) им была определена задельная плата по 2 руб. "за каждую фузею, как солдатскую, так и драгунскую, так и за пару пистолет". Сталь для выделки оружия отпускалась им по казенной цене с надбавкой по гривне на рубль. В дальнейшем законодательстве до 1767 г. нет указаний на изменение заработной платы оружейным мастерам. Топливо, необходимое для работы, они покупали на свой счет; в наказе они жалуются на дороговизну угля и строевого леса, затрудняющую их работу и вызванную большим расходом леса на уголь для частных заводов, которых по приложенному к наказу списку насчитывалось около Тулы 38, не считая кожевенных фабрик в самом городе.

Кроме оружейной работы мастера назначались "в случайных надобностях... в земляные и прочие работы", за которые получали по плакату 1724 г. поденно; наем работников вместо себя обходился им гораздо дороже—не меньше 15 коп. в день, почему оружейники просили избавить их от этих работ или платить за них не ниже, чем по вольному найму.

Звание оружейника было часто наследственным; по указу 22 сентября 1737 г. [23]) их дети вместо военной службы определялись в обучение мастерству; обучение продолжалось три года, причем ученик содержался на счет обучавшего его мастера. Мастеровые обучали также присылаемых из школ солдатских детей, которые потом посылались в полки для починки оружия; эта обязанность налагалась на оружейников указом 3 октября 1739 г. вместо командирования их самих в полки для починки ружей; в наказе, однако, встречаем жалобы, что их все-таки посылали туда, хотя они содержали обучаемых солдатских детей на свой счет.

При выходе из мастеровых в промышленники или при увольнении от работ за нетрудоспособностью требовалось дать за себя заместителя; выходящие в промышленники облагались двойным подушным окладом; увольняемые за нетрудоспособностью освобождались беспрепятственно, если их дети или внуки также находились при оружейных работах; безродные же, если не могли дать заместителей, увольнялись с положением в двойной подушный оклад. Это заставляло безродных мастеров не просить отставки и числиться в мастеровых, хотя фактически они были

[21]) Сб. Р. Ист. Общ. т. 8, стр. 260, 261.
[22]) Полное Собрание Законов, № 7916.
[23]) Полное Собрание Законов, № 7380.

нетрудоспособны; оружейники просили освобождать нетрудоспособных без всякого платежа подушных и выдавать им пособие по рублю в месяц.

Оружейники получили в 1739 г. землю для выгона скота и сенокоса. Они жаловались на недостаток и плохое качество земли, а также на захваты их угодий купцами и посадскими людьми, соседство с которыми вызывало постоянные конфликты. Оружейники просили отвести им наделы "по препорции числа душ" из помещичьих и казенных земель около Тулы.

Оружейники являлись верхами тульского заводского населения, как квалифицированные работники-специалисты, а также и как более обеспеченная группа.

По сравнению с ними положение живших в Тульской гончарной слободе каменщиков и кирпичников представляется более тяжелым [24]). Они были приписаны к заводам по указу 13 сентября 1740 г. [25]) и обложены одинаковыми повинностями с оружейниками, что было для них трудно, тем более, что по ревизии их значилось 382 души, а работоспособных из них было только около 200 человек. При этом они посылались, кроме каменных работ, для которых были приписаны, и на другие: "... исправляют казенные, а при том не следующие до них государевы работы почти каждой день по тридцати и по сороку человек и более и менее", с платой по плакату—4 коп. в день зимой и 5 коп. летом; наем на работу вместо себя обходился им от 12 до 20 коп. в день; "прочие ж государевы мелкие починки исправляют безденежно, и от оного всего становится им на каждой год немалое отягощение".

В 1740 г. при приписке к заводам каменщики и кирпичники были переселены с своих прежних земель, отданных оружейникам; они не получили денег на переселение, как это следовало по указу, "... а переселялись на те новые места собственным своим коштом, от чего и пришли в немалое изнурение и убожество". Они просили дать им земли, которой им не хватало, как "для своего пропитания и на выгон скота", так и для кирпичной работы.

Хотя кирпичники и каменщики по закону были свободны от рекрутчины и других повинностей, они, по их заявлению, с 1735 г. давали рекрут и лошадей для войск и несли постойную повинность, от которой считались свободными по указу 1740 года. Здесь опять видим противоречие законодательства и установившейся житейской практики, бывшее, повидимому, нередким явлением.

Третья группа тульского заводского населения — пашенные солдаты гор. Дедилова и засечные сторожа Коломенской слободы города Венева и разных деревень Лихвинского и Козельского уездов — по своему положению и характеру выполнявшихся ими работ близки к приписным крестьянам, от которых они отличались происхождением [26]). Пашенные солдаты были потомками стрельцов, пушкарей и им подобных мелких служилых людей, поселенных на окраинах и получивших там земли из "дикого поля". Предки засечных сторожей несли службу, охраняя казенные леса — "засеки", около Тулы. В московское время они отличались от крестьян с которыми их сблизило в 1724 году положение в подушный оклад. В дальнейшем

---

[24]) Сб. Р. Ист. Общ., т. 93, стр. 291 — 293.

[25]) Полное Собрание Законов, № 8238.

[26]) Наказы их — Сб. Р. Ист. Общ., т. 115, стр. 41 — 48, 66 — 69, 87 — 96. Ср. Семевский, Крестьяне в царств. Екатерины II (т. II, стр. 784 — 787).

это приближение усилилось после назначения их на подготовительные заводские работы. Несмотря на это они помнили свое происхождение и были недовольны своим положением, близким к крестьянскому, не считая себя крестьянами. Яркий пример такого недовольства видим в просьбе засечных "поместных" сторожей дер. Вяжиц. Лихвинского уезда уволить их от заводских работ" и с крестьянством не числить, ибо, как и по грамотам пожалованным *предки наши издревле во крестьянстве никогда не бывали и крестьянского рабочего ига не несли*, а находились при засеках, именовався поместными сторожами, властно как бы помещики, имеющие за собою по достатку своему крестьян, почему и нам, следуя древнему положению, таковыми же, а не крестьянами должно счисляться". Положение, в котором засечные сторожа очутились после приписки к заводам, далеко не походило на положение их предков, но сословное самосознание осталось в полной силе.

Дедиловские пашенные солдаты и засечные сторожа указом 3 окт. 1739 г. были назначены в работники к тульским оружейным заводам для заготовки угля; кроме того, на них наложили ряд других гораздо более тяжелых работ, отрывавших их от земли и расстраивавших этим их хозяйство.

В особенности это замечается на положении пашенных солдат. После приписки к заводам они только в течение двух лет были заняты заготовкой и возкой на заводы угля, а затем их назначили на более тяжелые работы: заготовку материалов (земли, камня, хвороста) для постройки плотин, починку и укрепление этих плотин, несение караула на заводах, возку дров и готовых изделий, причем им приходилось постоянно возить лес из гор. Алексина, отстоящего от Тулы более чем в 50 верстах, а также развозить уголь по кузницам. На эти работы назначалось на неделю от 50 до 300 человек при 468 человеках трудоспособного населения. Кроме того, 20 человек постоянно работали на заводах в качестве плотников. За все эти работы они получали поденную плату по плакату 1724 г., которая выдавалась с задержками по несколько месяцев. За работы по перевозкам не платили поверстных, считая эти работы поденно; за время проезда на место работ также не платили. Все перечисленные работы совпадали со временем посева и уборки хлеба, отрывая в это время значительную часть трудоспособного населения, что вредно отражалось на хозяйстве пашенных солдат. При генеральном межевании 1766 г. от них были отмежеваны в пользу соседних помещиков захваченные последними земли, лучшие из пожалованных в свое время предкам пашенных солдат; оставшаяся в их владении земля была, по их словам, неплодородна и на душу се приходилось по 7½ десятин, причем соседство с помещичьими землями приводило к постоянным столкновениям и неурядицам.

Все эти условия расшатывали хозяйство населения; к тому же подушные деньги не удерживались из заработной платы, как это следовало по закону, а собирались непосредственно с пашенных солдат, независимо от времени выдачи платы; многим приходилось для уплаты податей продавать или закладывать скот и хлеб. При этом многие, оказываясь неоплатными должниками, попадали в работники к своим кредиторам за дешевую плату, выбиваясь из своего хозяйства. Некоторых такое положение приводило к полной оторванности от земли и окончательному превращению в заводских рабочих: "а одинокие и вовсе разорились, и оставя в Дедилове

свои домы, человек до двадцати сошли в город Тулу и живут при заводах завсегда в работе".

Тяга к земле, однако, осталась, и пашенные солдаты просили о возвращении им отмежеванных от них земель и об освобождении от возложенных на них произвольно, без указа, работ. Кроме того, они просили своевременной и правильной уплаты денег за работы, с вычетом подушных из заработка, освобождения от дачи рекрут и лошадей или замены ее денежным сбором и облегчения подушной подати. С 1760 г. они, как и крестьяне, платили 1 р. 70 к. с души в год; они просили сложить с них прибавленные в 1760 г. 60 копеек.

Положение засечных сторожей пашенные солдаты считали более легким, чем свое. На самом деле эта разница сводится лишь к различному характеру выполняемых теми и другими работ, наносивших, в сущности, одинаковый ущерб их хозяйству. Засечные сторожа, кроме жжения угля, возили и сплавляли, часто на дальние расстояния, дрова, приготовляли лес для ружейных лож и деготь. За эти работы они получали установленную плакатом 1724 г. плату; за "ложевые деревья" платили по 1½ коп. за штуку для ружейной ложи и за пару—для пистолетной, тогда как в частной продаже они стоили 4 коп. За рубку и доставку дров на заводы также платили значительно ниже вольнонаемной цены.

Заводские работы постоянно совпадали с земледельческими, что конечно, отражалось на хозяйстве засечных сторожей.

От рекрутской повинности и сбора лошадей засечные сторожа, подобно другим группам заводского населения, были свободны юридически, но не фактически.

Положение засечных сторожей походило на положение других подобных групп заводского населения. При сильном стремлении их сохранить свою землю, удержать от распада свое хозяйство, некоторая часть их оказывается вполне оторвавшейся от земли. Один из наказов засечных сторожей дает такой яркий пример отхода от земледелия, какой не встречался еще в других рассмотренных нами наказах, — сознательный отказ от земли; сторожа Коломенской слободы города Венева отдают свою землю в наем, так как не имеют лошадей "и к тому хлебопашеству не обыкновенны", и добывают средства к жизни "от собственного своего рукоделия, то есть от черноделия и прочего". Они просили урегулировать назначение их на заводские работы и оплату их труда или, если это не окажется возможным, уволить их от работ, возвратив землю в казну [27]).

Отказ от земли отражает последний момент в процессе пролетаризации населения — полную замену земледелия ремеслом и отсутствие стремления удержать от распадения свое крестьянское хозяйство, так резко выраженного в других наказах заводского населения. Правда, сторожа Коломенской слободы указывают, что земля, полученная ими в 1749 г., "была с кустарным лесом, и в скором времени в совершенную распашку привесть никак не можно. Чего ради в немалые годы отдана для той распашки...". Главную причину отказа от земли, однако, следует искать не в качестве ее (нашлись же охотники взять ее под пашню, да и в течение 18 лет можно было бы распахать ее), а в том, что сторожа "к хлебопашеству необыкновенны" и отстали от него, что подчеркивается ими в наказе.

[27]) Семевский, указ соч., т. II, стр. 793.

V.

Особую группу работных людей представляет население пригородных слобод города Серпухова: кузнецы артиллерийской и казенной слобод, кирпичники и жители конюшенной слободы. При различном происхождении это население оказывается одинаково безземельным или в лучшем случае имеет очень незначительное количество земли, живя исключительно своим ремеслом [28]). В податном отношении они приравнивались к крестьянам, но многие повинности несли наравне с серпуховским купечеством.

Кузнецы артиллерийской слободы происходили из серпуховского купечества; в 1709 г. они выбыли из купечества, "понеже оные деды и отцы их работывали в Москве на государевом артиллерийском пушечном дворе кузнечные дела и были в Смоленске, в Киеве и в прочих городах для той же государевой кузнечной работы", за что получили ряд льгот от платежа податей и дачи рекрут. С 1724 г. они были причислены в податном отношении к крестьянам и к 1767 г. платили наравне с казенными крестьянами по 1 р. 70 к. в год, что, по их словам, было им трудно.

Кузнецы артиллерийской слободы были совершенно безземельными, занимаясь только своим ремеслом; не знавшие мастерства превратились в наемных рабочих, всецело, видимо зависевших от местных купцов, к которым они нанимались и оказывались у них "в заживах и кабалах для единственного пропитания".

Кузнецы казенной слободы были, повидимому, в несколько лучшем положении: они имели землю, хотя и не в достаточном количестве, т. к. со времени ее получения население слободы сильно разрослось; многие из них, не знавшие кузнечного ремесла, занимались мелкой торговлей, продавая кузнечные изделия и "всякий харчевой припас". Право на торговлю получили при царе Михаиле Федоровиче из-за недостатка земли их предки, поселенные в Серпухове "для всяких казенных, а особливо по случаю строившего тогда в Серпухове каменного города кузнечных поделок". В своем наказе казенные кузнецы жаловались на препятствие их торговле со стороны серпуховских купцов, которые, как и во всех других городах, враждебно относились к крестьянской торговле. Ремеслом занимались немногие из казенных кузнецов из-за препятствий со стороны купцов к сбыту их изделий, а также из-за конкуренции кузнецов артиллерийской слободы, превосходивших их числом и умением (казенных кузнецов было 60 человек). При таком положении дела торговля была для них очень важна и они настойчиво просят разрешить ее.

Жители конюшенной слободы занимались различными ремеслами или работами по найму: "рукомесло имеют и конное художество, чеботарное мастерство, деланием глиняной разной посуды и прочим рукоделием питаются и в разных услужениях находятся из платы". Имевшуюся у них землю (20½ десятин у всей слободы) они за негодностью отдавали в наем. Сведения о них в серпуховском наказе очень кратки, так же как и о кирпичниках, просивших прибавки земли для работы.

При всей скудости сведений, сообщаемых серпуховским наказом о тамошних работных людях, можно признать, что здесь имеем завершившийся процесс отхода

[28]) Сб. Р. Ист. Общ., т. 93, стр. 204 — 209.

населения от сельского хозяйства в сторону ремесла. Юридически это население рассматривается как крестьянское, на деле же превращение его в работных людей, в большинстве безземельных, можно считать вполне определившимся.

VI.

Изучение наказов работных людей показывает ряд противоречий между законодательством и сложившимися к рассматриваемому периоду жизненными отношениями. Основной чертой этого противоречия является стремление законодательства подвести под одну общую линию совершенно различные по происхождению и ряду особенностей, сохраненных ими от московской старины, группы населения, об'единив их в податном отношении. В то же время остаются в силе многие старые указы о каждой из таких групп, совершенно расходящиеся с создавшейся реальной обстановкой. Поэтому государственные крестьяне оказываются очень разнообразной и неопределенной частью населения, несмотря на непрерывное стремление законодательства придать ей единообразие. В наказах как нельзя лучше отражаются многочисленные, не раз отмеченные выше, случаи противоречия закона и действительности. Самый процесс пролетаризации, превращения некоторых групп крестьянства в работных людей также можно считать таким противоречием, потому что вполне наметившиеся в жизненных отношениях различные моменты этого процесса остались незамеченными законодательством.

Т. Шатилова.

Крестьяне крепостной деревни московского промышленного района во второй половине 18 века.

(По данным вотчинных инструкций).

I.

Крепостная деревня Великороссии второй половины 18 века была уже предметом исторических исследований.

В. Семевский [1]) собрал многочисленный и разнообразный материал и, основываясь на нем, пришел к выводам, которые с тех пор надолго стали общепринятыми. Крепостная деревня была изображена, как сплоченное общиной поселение, члены которого, за редкими исключениями, достаточно были наделены землей. Община, разумеется, терпела всякие невзгоды от произвола помещика, страдала от увеличивающихся с каждым десятилетием оброков и барщины, но она была полезным щитом-прикрытием для отдельных дворов. "Чем более свободы предоставлял крестьянскому самоуправлению помещик, тем довольнее были крестьяне". Они имели общинное миросозерцание, которое проявлялось в уравнительном пользовании землей, в раскладке податей, в общественных работах, в помощи бедным, старикам и пострадавшим при пожаре, в покупке и арендовании миром земли [2]). Сопоставив повинности русских и немецких крестьян 18 века в пользу землевладельца, исследователь нашел, что эти повинности были не только тяжелее в Германии, чем у нас, но и, кроме того, немецкая система содействовала развитию среди крестьян сильного имущественного неравенства.

Другой исследователь, *П. Струве* [3]), останавливается на фактах иного порядка. Для него вторая половина 18 века отмечена переломом в жизни и хозяйственном значении русского дворянства. Расставаясь с обязательной государственной службой и оседая на земле, дворянин становился предпринимателем, "аграрием"; поощряя крестьянскую предприимчивость и труд, устраивая фабрики и заводы, дворянин обретает новый источник социального влияния и экономической силы. Рост хлебных цен, начиная с 1765 года, приходится как нельзя кстати для сельского хозяина. Развитие денежно-оброчной системы в 18 веке за счет прежних натуральных взносов указывало на естественно-экономическое разделение труда

[1]) Семевский, Крестьяне при Екатерине II (тт. I и II).
[2]) Названное сочинение, т. I, стр. 110.
[3]) П. Струве, Крепостное хозяйство (1913 г.).

нации: Россия распадалась на северную неземледельческую (промысловую) и южную земледельческую; одна становилась рынком для другой.

Конструкция П. Струве более сложна, чем у В. Семевского, но и он, занятый историей крепостного хозяйства, выяснивший верно путь и темп его развития, прошел мимо крепостного крестьянина и крепостной деревни, не подчеркнув всей важности тех перемен, которые тогда происходили в крепостной деревне. Накопление капитала и дух предпринимательства со всеми их последствиями он отметил лишь в дворянстве, которое руководило крепостным хозяйством.

Е. Тарле [4]), приводит интересные соображения, основанные на французских источниках, относительно того, что Россия екатерининской эпохи не может быть признана экономически отсталой страной. Цифры ввоза и вывоза в 1785 году свидетельствуют, что торговый баланс сводился в пользу России. Для последней Франция является выгоднейшим рынком сбыта продуктов земледелия и промышленности. Е. Тарле не видит оснований считать, что Россия екатерининской эпохи сколько-нибудь отстала в индустриальном отношении от наиболее передовой страны европейского континента Франции. Показания иностранцев подтверждают этот вывод.

По мнению *Левека,* русским удаются фабрики и ремесла; они настолько даровиты, что сравняются или превзойдут в отношении индустрии другие народы, если получат свободу (s'ils obtiennént jamais la liberté). *Шторх* замечает, что в России возникло множество фабрик и заводов; потребности действительные и воображаемые бесконечно возросли. *Фрибе* отмечает счастливую особенность развития русской индустрии———цехи в России не подавляют талантов и не делают помехи труду.

Соображения Е. Тарле как бы дополняют исследование П. Струве о заложенных глубоко капиталистических тенденциях русского народного хозяйства в крепостную эпоху, но Е. Тарле, в силу особой темы своей работы, не коснулся хозяйственной структуры вотчины и крепостной деревни второй половины 18 века.

Нам следует выяснить, каким образом усложняющаяся экономическая жизнь России, в частности создание внутреннего рынка, влияли на крепостную деревню Великороссии второй половины 18 века, и как самая организация рационального крепостного хозяйства должна была считаться с переменами, происходившими в глубине народной жизни. Нам представляется, что процесс накопления и дух предпринимательства, эти две предпосылки капитализма, были налицо не только в дворянской усадьбе, но и в крепостной деревне. Последняя выделяет зажиточного, "первостатейного крестьянина", опору барского управления и хозяйства; рядом с ним стоит бедняк крестьянин и разнообразный деклассированный люд деревни, об'ект особых мер воздействия и предусмотрительности, которыми пестрят параграфы и пункты вотчинных инструкций.

Не случайным нам кажется хронологическое совпадение двух социально-экономических явлений крепостной деревни второй половины 18 века: образование крепостной бедноты и рост дворянской промышленности; в свою очередь уже в

[4]) Тарле, Россия и Запад, стр. 191.

екатерининскую эпоху из крепостной массы поднялся слой зажиточных крестьян, которые в первой половине 19 века создадут свои фабрики и заводы с вольнонаемным трудом.

II.

Чтобы исследовать состав населения крепостной деревни во вторую половину 18 века, основные черты и тенденции ее хозяйственного строя, мы воспользовались вотчинными инструкциями и наказами, а также перепиской помещика с его крепостным миром, которая полна указаний, правда рассеянных, не сведенных в одно целое, но тем не менее очень ценных. Два образцовых наказа Болотова и Рычкова были напечатаны в 1770 году в трудах Вольного Экономического общества.

Предназначенные для широкого применения, они не имеют на себе печати местных экономических условий; они составлены очень обще, но зато в них выявлена та линия поведения, которой должен был держаться в экономических вопросах передовой землевладелец и рабовладелец второй половины 18 века. Оба наказа — характерное знамение времени. Заметим, что Болотов, автор наказа, сам проживал в Алексинском уезде, Тульской губернии, в местности малоплодородной; он считает нужным отметить среди причин, приводящих крестьянина в бедность, землю "не гораздо хлебородную".

Использованные нами инструкции Румянцева (село Чиберчино), Шереметьева (Муромские вотчины), кн. Грузинского (Нижегородская губ., с Катунки), Орлова (Ярославская губ., Ростов), Шувалова (Владимирская губ., село Мыт), приказ ярославского помещика Карновича и переписка Суворова с крепостными своей Ветлужской вотчины—весь этот материал об,единяется не только хронологически, охватывая один и тот же период времени, но и территориально: эти инструкции были предназначены для вотчин, лежавших в промышленном и торговом районе северной Великороссии, где крестьянство было преимущественно на оброке.

Далее надо сказать, что установление новых порядков имелось в виду в крупном хозяйстве, иногда в совокупности нескольких вотчин, об'единяемых единством управления, в виде общей господской конторы. Всякая инструкция, всякое руководящее указание предполагало дальнейшую рационализацию хозяйства, с целью извлечения возможно больших доходов из крестьян и земли и посылки денег "безостановочно" [5]) барину.

К этой рационализации хозяйства Клингштет, один из участников "Трудов Вольного Экономического Общества", в то время применял европейский масштаб, когда он писал: "Всякий знает, что в Лифляндии и Эстляндии, хотя еще хозяйство и не дошло до той степени совершенства, как в Англии, Швейцарии и в некоторых провинциях немецкой земли, однакож оное там гораздо с большим успехом и прибылью производится, нежели во многих российских провинциях, в которых и лучше земля и разные есть выгодности, каковых нет в Лифляндии и Эстляндии. Больше всего сие доказывает самой опыт: ибо деревни тамошние, не имеющие половины земли и людей, в сравнении с российскими, вдвое больше приносят дохо-

[5]) Приказ Ярославского помещика. (Бартенев. Восемнадцатый век, т. II, стр. 366).

дов" [6]). Издание инструкции, с точки зрения ее автора, обозначало как бы грань двух периодов в истории отдельного крепостного хозяйства; если первый период был отмечен господством косности, неразумности, злоупотреблений, то второй должен положить начало целесообразному использованию всех производительных сил поместья.

Вот, например, какой подробный отчет ежегодно требует Румянцев от своей экономической экспедиции, которая должна представить ему сведения "о скоте и птице; о хлебе, о дворовых людях; о севе хлеба, о гумне, о приемке хлеба в житницы (в житницы хлеб не с большими ли верхи принимаетца, а расход из тех под греблом); о сене, о дровах, о зверях, о мельницах (в уездах, в торгах и в ближайших городах, где те вотчины состоят, продаетца хлеб всякого рода; мясо говяже и свиное; масло коровье и битое, воск, мед, сало, железо, бревны, тес или с корню продаетца — по каким ценам, и как далеко оной лес состоит); о винном заводе, о приплоде; о ведении отчетности, о конском заводе, о штрафах, о деньгах, вступивших по экономическим сборам неокладным, т. е. с мельниц, а протчее через промыслы и торги" [7]).

Но, может быть, инструкции дают нам слишком суб'ективно освещенный материал, может быть, они больше свидетельствуют о планах их авторов, чем об об'ективных хозяйственных явлениях того времени, более относятся к истории хозяйственных идей, чем действительных фактов? Конечно, в инструкции мы имеем определенное устремление автора по пути рационализации хозяйства. При этом один автор впадает в большую регламентацию деятельности приказчиков, чем другой; один представляет больше простора крестьянской общине и ее органам, чем другой. Но рядом с этим суб'ективным привкусом каждая инструкция дает всегда богатый бытовой материал, сообщает много конкретных фактов, от которых она исходит и на которые она опирается. Таким образом, если откинуть суб'ективное освещение жизни поместья, руководящие указания автора на то, какой должна быть эта жизнь, то все-таки останется большой материал, в котором отразилась крепостная деревня. Облик этой крепостной деревни имеет схожие черты в разных местностях промышленного района северной Великороссии, что свидетельствует не только об одинаковом темпе жизни в этом районе, где потом соберется масса промышленного пролетариата, но и об однородных тенденциях социального развития.

После этих предварительных замечаний обратимся к анализу указанных вотчинных инструкций. Этот анализ мы проведем в трех направлениях; во-первых, выясним соотношение между двумя видами хозяйственной деятельности крепостных крестьян, между земледелием и промыслами; с последними связана торговля. Во-вторых, определим степень экономического расслоения крепостной деревенской массы, и , в-третьих, отношение помещика к богатому и бедному крестьянину с точки зрения тех выгод, которые предстояло извлечь из земли и людей.

[6]) «Труды В. Экон. Общ.», 1767 г., ч. V, стр. 64.
[7]) «Киевские Университ. Известия», 1903 г., дек., стр. 23 — 24.

III.

Вторая половина 18 века — время роста хлебных цен и призывов к вывозу хлеба заграницу. "Желаю, чтоб Россия могла быть хлебным магазином для большей части Европы"" [8]). Необходимо перейти к посеву пшеницы; она даст "знатную ежегодную прибыль"; государство много приобретет "от столь важной новой отрасли коммерции", т. е. от продажи пшеницы на заграничном рынке. Нельзя сравнивать "малую пользу подлого народа, что он несколько дешевле может покупать белый хлеб, который он обыкновенно употребляет только для лакомства", и прибыль государства от вывоза хлебного заграницу. Так звучат мотивы сторонников сельско-хозяйственной интенсификации и быстрого, выгодного обращения хлебного товара в деньги. Но совершенно очевидно, что посев пшеницы невозможен на севере, где отсутствует чернозем, где сравнительно более суровый климат. Какие перспективы открывались перед помещиком нечерноземной полосы, как он мог извлекать из земли и людей возможно больший доход?

С давних времен занятием крестьян северной полосы Великороссии рядом с земледелием были промыслы и торговля. Эта торгово-промышленная деятельность ведется или на месте постоянного жительства крестьян или на стороне, или под опекой и надзором помещика или вне ее.

Рычков [9]) свидетельствует, что многие из крестьян вступают "в торги разные и ремесла"; приказчик должен осторожно разрешать крестьянину торг и ремесла, понуждая больше всего "ко умножению их собственной и помещичьей пашни", однако нужные ремесла в деревне следует заводить; "при 20 — 30 дворах хорошо иметь 2 — 3 плотников, кузнеца, портного, скорняка, горшечника, кирпичника и т. д." очевидно, в интересах местного (ойкосного) потребления. Но уже Болотову [10]) представляется необходимость отпускать в работу не только затяглых, но и тяглых крестьян осенью и зимой "для вырабатывания подушных денег". Приказчик, на обязанности которого лежит привести деревню в лучшее состояние, должен поощрять или даже принуждать крестьян "к разным промыслам и рукомеслам, к работе на фабрике и мануфактурах" [11]).

В двух инструкциях гр. Шереметьева и кн. Грузинского разрешается отпускать крестьянина "для торговых промыслов" и для "пропитания в работу", с тем, однако, условием, чтобы он оставлял поручителей в отношении уплаты оброка и подушной подати [12]). Чтобы торговля процветала, для этого нужен "кредит или добрая вера", а это "мы приобретаем через содержание нашего слова и обещания"; поэтому, наставительно замечает инструкция Орлова, "все торгующие должны наблюдать сие правило со всякою верностию и честностию; через это будет хорошее имя у всей вотчины, торг более распространится и следовательно

[8]) «Труды В. Экон. Общ.», 1765 г., стр. 222.
[9]) Там же, т. XVI, 1770 г., стр. 35 — 37.
[10]) Там же, стр. 187.
[11]) Там же, стр. 204.
[12]) «Киевские Унив. Известия», 1904, VII, стр. 86. «Труды Нижегородской Ученой Архивной комиссии», т. X, стр. 54.

получится большая прибыль" [13]). На точку зрения поощрения торгово-промышленной деятельности становится и Рычков, однако, в таких местах, где недостаток в землях и угодьях, где необходимо оброчное содержание крестьян; по его словам, один зажиточный и промышленный крестьянин многих бедных ссужать и пропитание им давать может.

Характерна у Рычкова эта ассоциация зажиточного и промышленного крестьянина; характерна и эта идиллия ссуды и подмоги, какую дает бедноте зажиточный односельчанин. Чтобы не было злоупотреблений с переходом на оброк, чтобы крестьянин не забывал и не отставал от природного своего жительства, следует взимать с оброчного тягла по крайней мере 5 руб. в год (оброк по тому времени не легкий) и паспорт выдавать не более, чем на два года [14]).

Если торгово-промышленная деятельность крестьян Великороссии восходит к очень старинной поре, то, видимо, в 60-ые и 70-ые годы 18 века эта деятельность стала заметно усиливаться в связи с недостатками земли в некоторых местах и ростом цен.

Очень тесная связь между промыслами крестьян и уплатой денежного оброка помещику вскрывается в переписке Суворова с его крепостным миром. "Ныне оброк попросрочился (1789 г.), — пишут крестьяне, — за тем, что рогожа ни по каким ценам не шла, потому что об них никаких отповедей с осени не было, а крестьяне по старине поработали, как и прежде работалось... А затем еще пересрочилось больше потому, что других никаких промыслов нет и взять денег негде, а ныне стараются, сдают рогожи по нужде" [15]).

Рост крестьянских промыслов и торговли во второй половине 18 века вызвал появление в трудах Вольного Экономического Общества очень интересного проекта переустройства быта крепостных. Автор проекта очень обеспокоен упадком земледелия и находит тому две главных причины: во-первых, самовольные крепостные разделы, ведущие к бессилию и нищете, и, во-вторых, вступление крестьян в непринадлежащие, до их звания, дела и оставление ими земледелия [16]). Поэтому он предлагает, идя навстречу жизни и сохраняя крепостное право, сделать из крестьян два рода людей: первые будут земледельцы, — они должны будут заниматься только сельским хозяйством и платить подати натурой; вторые получат звание бобылей и должны будут заниматься "всякими издельями, работами, извозом, торгом" и уплачивать подати деньгами. Оттого, — думает автор, — и общество, и помещики всем в изобилии будут пользоваться [17]). Чтобы осуществить это, следует в особое селение вывести будущих бобылей, дать им на 100 мужчин 25 десятин под усадьбы, 100 дес. на выгон и 100 дес. леса.

Бобыльское селение представляется ему большим, не менее 1.000 душ; оно, конечно, будет находиться на оброке; помещиком своим обеспокоено не будет; у него есть правитель по назначению помещика и выборный сотский, который ста-

[13]) «Киевские Унив. Известия», 1910 г., кн. XI, стр. 270.

[14]) «Труды В. Экон. Общ.», ч. XVI, 1770 г., стр. 56.

[15]) «Труды Владим. ученой архивной комиссии», т. VI, стр. 61.

[16]) «Собрание экономических правил Петербургской губ.», стр. 165 (в «Трудах В. Экон. Общ.», 1770 г.).

[17]) Там же, стр. 167.

нет советоваться в общих делах с первостатейными и доброго поведения людьми [18]).

Нужно думать, что нарисованные в этом проекте два типа бобыля: один скупщик по мелочам того, что крестьянами привозится на торг, и перепродавец этого товара купцам, оседлый житель большого селения, где бывает торг, ярмарка или пристань; другой — работник, получающий работу в городе, слабо связанный с семьей и определенным местом жительства, взяты автором с натуры, из жизни [19]).

Что касается земледельцев, то их надо расселить небольшими селениями, вдали от больших дорог, так, чтобы у каждых 100 тягол господская пашня была в середине. Тягло составить из 6 мужчин и 6 женщин, дать ему 60 дес. земли и необходимый скот; земледелец уже не должен вступать в торг, на фабрику или в подряды, отлучаться от селения дальше тридцати верст [20]).

Автор ожидает от этих перемен большой пользы: земля, как не вступающая в передел общины, будет лучше обрабатываться; ленивые станут прилежнее; увеличится число и разнообразие промыслов: бобыли будут пряжу прясть, холсты ткать, плести лапти, рогожи и цыновки, ковать гвозди, делать котлы и сковороды, вообще все, что в привилегиях фабрик не состоит; наконец, земля не будет лежать втуне: при наделах крестьян и бобылей неспособной землей надо почитать одни моховые болота, которые больше аршина в глубину и наполнены мохом [21]).

Итак, автор принял за основу своего проекта одно глубоко жизненное явление, характеризующее крепостную северную деревню второй половины 18 века — рост торгово-промышленной деятельности крестьян; связав его с упадком земледелия, он задумал рассечь переплетавшиеся друг с другом земледелие и торгово-промышленную деятельность крестьянина, создать для того и другого искусственным образом подходящие бытовые условия.

IV.

В ту пору в крепостной северной деревне Великороссии очень заметно становится экономическое расслоение.

Прежде всего, вотчинные инструкции предполагают у крепостного крестьянина потребность обзавестись лишним участком земли пашенной или луговой, а также купить "человека для службы". Кн. Грузинский по этому поводу дает указания в своей инструкции; купчая совершается на его, князя, имя; покупщики будут владеть приобретенным имуществом, а ему "для ведома об этом рапортовать" [22]). Другой помещик, именно Орлов разрешает своим крепостным покупать

[18]) Там же, стр. 203.

[19]) Там же, стр. 175.

[20]) Там же, стр. 187.

[21]) Там же, стр. 190. Совсем неожиданно в эти хозяйственные расчеты врывается одно полицейско-охранительное соображение: надо отменить самовольные мирские сходы, как ненужные; ими пользуются бездельники, нарушают общий покой и выводят крестьян из послушания; надо искоренить этих злодеев и возмутителей.

[22]) «Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии», т. X, стр. 52.

"людей для услуг", если крепостные его люди хорошего нрава, если на них можно надеяться, что они не будут "отягчать людей лишней работой и наказывать недельно".

Интересно, что тот же Орлов запрещает, под угрозой наказания, своим крепостным приобретать "людей, или дворы, или недвижимое имение" [23]), на чужое имя и без позволения. Такой же порядок приобретения крепостными крестьянами "у помещиков людей из крестьян в работу" устанавливает и Шереметьев, добавляя, чтобы купчие присылались "при отписках в Москву в домовую канцелярию" [24]). Как известно, из крепостных Шереметьева вышло много капиталистов-предпринимателей: в 20 годы 19-го века в селе Иванове, Шуйского уезда, считалось 125 крупных ситцепечатных и бумаготкацких фабрик; некоторые из них были больших размеров; все эти фабрики принадлежали или крепостным, или бывшим крепостным графа Шереметьева [25]). Некоторые крепостные гр. Шереметьева имели к 40 годам 19 века по 600 — 700 крепостных [26]), а ведь процесс накопления капиталов среди крепостных, несомненно, начался раньше, и инструкция, составленная гр. Шереметьевым в 1761 году, предусматривает первые звенья в длинной цепи; она облекает способы накопления в формы тогдашнего барского права.

Благополучие северного крестьянина зависело от урожая хлеба и от промыслов. 27 апреля 1783 года крепостные крестьяне, принадлежавшие Суворову, писали ему из вотчины, что хлеб не уродился, мочальный промысел пришел в упадок; приходится есть купленный хлеб; многие пришли "в несносный себе срез, заем, убыток и разорение"; подушное сбирали с великой нуждой; "а и многих крестьян твоих господских секли и били нещадно, а они захватывались в займы, а и товар никакой нейдет, и на рогожу по сие время покупки нет, мочальев мочить негде, а и лес отведен в иное наместничество, стало за просеком, а иных у нас промыслов нет никаких, как, государь, позволите" [27]).

Эта переписка Суворова с крепостными крестьянами ветлужской вотчины дает яркую картину процесса крестьянского расслоения за период от 1766 года по 1794. Если вотчинная инструкция стремится наперед определить характер хозяйства, то упомянутая переписка своего рода тоже инструкция, приноровленная к целому ряду конкретных случаев, по поводу которых крестьяне обращаются к своему помещику. Здесь и заем денег крестьянами друг у друга и у помещика для своих надобностей, — например, крестьянин Ермолай Данилов занимает 300 руб., которые "велеть ему прислать с оброком неотложно сей год"; тут и рознь среди крестьян, которую Суворов советует оставить; "малопомощным помогать, снабдевать их всем, а после вам они помощниками будут"; тут и запрещение совершать разные земельные сделки тем, "у кого ножни и земли и для себя с нуждой", обижать бедных при земельных переделах, а богатым захватывать, кроме расчищен-

[23]) «Киевские Унив. Известия», 1910 г., № 11, стр. 268.
[24]) Там же. 1904 г., № 7, стр. 85.
[25]) Туган-Барановский. Русская фабрика, стр. 97.
[26]) Гакстгаузен, т. II.
[27]) «Труды Владим. ученой архивной комиссии», т. VI, стр. 48.

ной ими нови, еще другие земли. Видимо, сделки с землей среди крепостных крестьян, несмотря на кажущуюся малоподвижность их быта, были не редкостью. Суворов повторяет это запрещение несколько раз [28]). Покупка земли крестьянами предусматривается, как мы уже говорили, в инструкциях.

Рассмотрим те случаи, в которых ясно обнаруживается экономическое расслоение северной крепостной деревни, — это: рекрутский набор, общественная служба, суд и заключение браков.

Рекрутская повинность отбывалась натурой, но закон предоставлял возможность заменить ее деньгами, т. е. купить рекрута и поставить его государству. По словам Семевского, рекрут в 80 годы 18 столетия стоил от 350 до 400 рублей. Насколько тяжела была эта повинность для крестьянской семьи, видно из слов Суворова; 27 января 1777 года он писал в приказе в свою вотчину, чтобы впредь бурмистр произвольно не отдавал в рекруты людей без согласия мира; "женатых, домовых и одиноких в рекруты не отдавать и тем домов не разорять, а отдавать от семейства неженатых, или шатающихся ленивцев, неспособных к работам". Здесь отдача в рекруты приравнивалась к разорению дома.

В другом письме Суворов сообщает крестьянам "зажиточных домов", чтобы они, согласясь двое или трое, покупали рекрута, "чем свои домы сохранят в хорошем состоянии" [29]).

Если так тяжело было для крестьянской семьи рекрутство, т. е. потеря рабочей силы, то надо сказать, что эта повинность распределялась неравномерно и падала, главным образом, на крестьянскую бедноту. "Хороших домов береги и от них в рекруты не давай"; "старайся отдать в рекруты таких, в коих никакой прибыли господину нет" [30]). Эти слова вотчинника выражают не только его волю, но, видимо, уже санкционируют установившийся обычай: в одном письме он советует отдавать в рекруты "из подозрительных и худого подозрения крестьян, а если таковых нет, то в таком случае из малотяглых по жеребью, как в том у вас обыкновение бывает". В инструкции Шереметьева предлагается вести очередные книги "для отдачи в рекрутские наборы"; цель ведения этих книг — производить отдачу по очереди, "дабы оттого средним и малотяглым крестьянам обиды и разорения не было"; но это нововведение, эта справедливая очередь все-таки предполагает выделение первостатейных крестьян, "которые вместо себя должны отдачу иметь покупкою людей и крестьян своим коштом" [31]).

Значит, в худшем случае, первостатейный крестьянин отделывался от рекрутчины покупкою человека. Румянцев останавливается на жеребьевке, как на лучшем способе определить рекрута; однако, дело и тут не обходится без первостатейных крестьян: покупка рекрута вскладчину или в рассрочку поручается "на страх и ответ первостатейных".

Как известно, в крупных вотчинах владелец и назначенный им приказчик или управляющий, вотчинная контора или канцелярия, иногда состоявшая из не-

---

28) Там же, стр. 26, 17 и 31, 39.
29) Там же, стр. 24.
30) Там же, стр. 13.
31) «Киевские Унив. Известия». 1905 г., № 8.

скольких отделов, были лишь верхним этажем вотчинного правительства; под ним находился нижний этаж, в котором размещались выборные крестьянские власти: староста, выборные, десятские, сотские и т. д. Эти власти, происхождение которых восходит к временам существования свободных аграрных общин, выбирались [32]), как и прежде, на крестьянском сходе и утверждались помещиком. Таким образом, крепостная вотчина в своем управлении была полной аналогией государства с его бюрократией и выборными властями. Эту аналогию можно провести и дальше: как в государстве не все подданные имели право выбора, так и в вотчине не всякий крепостной мог быть облечен доверием общества, а лишь зажиточный. В инструкции Шереметьева мы читаем: "по старостиным и зборщиковым денежным приходным и расходным и всяким сборам книгам щеты производить в вотчине и для того щету выбирать из первостатейных крестьян добрых и совестных людей" [33]). Правда там же про выборы старост и сборщиков говорится, что надо выбирать "на сходах, с мирского письменного приговору добрых людей"; но нужно сказать, что понятие "добрые люди" в вотчинных документах, если не отождествляется с понятием "зажиточные люди", то во всяком случае стоит очень близко к нему. Присутствие на мирском сходе первостатейных крестьян предусматривается инструкцией Шереметьева: "ежели кто из первостатейных крестьян по многим повесткам для указного дела на сход не пойдет, то брать штраф в 20 рублей с каждого". Видимо, мнению первостатейных крестьян на сходе придается особое значение. Инструкция Румянцева еще откровеннее: она говорит, что в начале всякого года во всех вотчинах первостатейным со всего мирского согласия выбирать старосту, целовальников и купчин; есть и об'яснение такого факта: "выбор за руками вместо тех крестьян тех сел священников посылается в домовую контору с из'яснением оных доброго состояния и довольного достатка и если будучи у дел от несмотрения своего причинят убыток, во всяком случае возвратить со всего миру обязуются". Получается знакомая из правительственной практики картина поруки. Каким доверием облекаются первостатейные, видно из того, что приказчик в вотчине Румянцева должен получать ежемесячно от первостатейных квитанцию "в свидетельство правосудного поступка и в протчем о неимении надков и обид": эти квитанции представляются при других ведомостях каждую четверть года в высшее, стоящее над приказчиком учреждение [34]). Даже надзор за крестьянами для воздержания их от "пьянства и прочих непотребностей" возлагался на первостатейных; они обязаны были провинившихся представлять" для наказания к вотчинным делам".

Если инструкции в крестьянском общественном управлении выделяют зажиточных, облекая их большим доверием и правами, то на том же начале был построен и крестьянский крепостной суд. Прежде всего заметна неодинаковость наказаний для различных категорий крестьянства. "Крестьян богатых, которые ведут торг немалый, а в пороках обращаются, наказывать сперва деньгами, дабы не

32) Павлов-Сильванский, Феодализм в удельной Руси; Богословский, Земское самоуправление на русском севере 17 в

33) «Киевские Унив. Известия», 1905 г., № 8, стр. 83.

34) Там же, 1903 г., № 12, стр. 37 — 38.

подорвать их торгу; если не исправятся, то наказывать на теле или даже удалять из вотчины". "Крестьян от пьянства и дурных поступков удерживать; первостатейных словами, штрафами, арестом на хлебе и воде; средних и меньшестатейных — наказывать штрафами и телесными наказаниями" [35]). Кн. Грузинский требует, чтобы наказание провинившегося крестьянина плетьми нещадно производить в приказе "при собрании первостатейных крестьян"; равным образом раздел имущества между наследниками должен происходить при собрании родственников и первостатейных крестьян. В случае смерти крестьянина, опекуном над детьми и имуществом назначается один из первостатейных доброго поведения [36]).

Что касается браков, то о них говорит каждая инструкция, так как по словам Болотова, добрая семейная жизнь одно из главных условий крестьянской зажиточности. Орлов разрешает брачный вопрос очень просто и категорически. "Крайне нужно, чтобы девки, поспевшие к замужеству и холостые достигшие до зрелых лет, вступали в брак. Сие есть дело богоугодное, чрез что сохранятся нравы, и многие пороки удаляются" [37]). Девке полагается для приискания жениха срок в полгода; если она не выйдет замуж, то взыскивать штраф с девки среднего дома 25 руб., с богатого 50 руб. "Потом начальник, приглася выборных и лучших стариков, приискивает оным девкам женихов, по своему рассмотрению, и сочетиняет их законным браком".

Шереметьев затрагивает в инструкции другую сторону крестьянских браков: он запрещает выдавать девок за беглых и пришлых людей; если девка или вдова будет выходить замуж не за крепостного Шереметьева, тогда она платит вывод: с пашенных и ремесленных первостатейных взимается 30 р.; со средних — 20 р., с малотяглых — 10 р.; если у крестьянина есть торговля до 500 р., то он платит 100 р. за "вывод" дочери из вотчины. Наконец, если крестьянин имеет торговлю свыше 500 р., то таковых "без указу моего не выпущать" [38]).

V.

Картина экономического расслоения северной крепостной деревни выяснилась. Ее несомненно имел в виду помещик, когда он садился за стол для составления вотчинной инструкции. Есть основания утверждать, что составляя свой хозяйственный план, вотчинник екатерининской эпохи искал себе опоры в зажиточном крестьянине, делал его основанием своих расчетов и предположений, с одной стороны, а с другой, был озабочен появлением крестьянской бедноты, "разорением деревень", как тогда говорили, видел в этом подвижном и неустойчивом элементе для себя опасность и старался его обезвредить. В комиссии 1767 года депутат Коробьин говорил: "Земледельцы — душа обществу; следовательно, когда в изнурении пребывает душа общества, тогда и самое общество слабеет... разоряя крестьян

35) Там же, 1910 г., № 11, стр. 263; 1905 г., № 8, стр. 101.
36) «Сборник Нижегородск. ученой архивной комиссии», т. X, стр. 50.
37) «Киевские Унив. Известия», 1910 г., № 11, стр. 266.
38) Там же, 1904 г., VII, стр. 98.

разоряется и все прочее в государстве". Коробын в этом разорении винил не об'ективные условия жизни, а дурно направленную волю людей. Его оппонент кн. Щербатов в противовес нарисовал другую картину крестьянской жизни, взятую тоже из действительности и дополнявшую первое изображение. "Единые... с вящшим прилежанием не токмо свою землю обрабатывают, но также распространяются в питании скота и других промыслах, пристойных крестьянству, и в ремеслах; самое зимнее время употребляют в хождение в работы и, приобретая себе прибыль работою, сей самою прибылью умножая свое имущество, чинятся более в состоянии платить своему помещику; способствуют рукоделию, умножают государственную торговлю и, как малый, но полезный источник, орошают поля благоденствия государства" [39]). Щербатов, увлеченный полемикой, приписывал это крестьянское благополучие доброй воле помещика, т. е. ошибался так же, как и Коробын. Инструкции показывают, что бедный и зажиточный крестьянин встречались в одной и той же вотчине, и оба были продуктом развивающегося в стране хозяйственного процесса и об'ектом мероприятий со стороны своего владельца, правда, совершенно различных.

Шло ли дело о порядке полевых работ, отводилась ли лесная делянка для крестьян, поступал ли оброк в барскую контору или, наоборот, собранные продукты в виде оброка поступали на рынок, всюду в этих случаях, напр., инструкция Румянцева, требовала присутствия и содействия "первостатейных": они являлись контролирующим приказчика элементом. Даже когда инструкция Орлова говорит, что в каждой деревне приказчик должен добиться, чтобы был грамотный человек (только один!), то надо выбрать от "лутчих мужиков робят мужеска пола от 6 до 8 лет"; их надо учить грамоте и нужнейшим по христианской должности молитвам. Когда Рычков, большой поклонник западной культуры, рекомендует помещику строить риги из дикого камня и кирпича, как делается в Лифляндии и Ингерманландии, то он указывает, что к этому следует "приохочивать исподволь и зажиточных крестьян". Надзор за нерачительными крестьянами, чтобы они земли свои без посева не оставляли, вверяется первостатейным крестьянам. Бедный крестьянин в отношении себя вызывает двоякого рода мероприятия. Во-первых, бедный, поскольку он невыгоден, как неисправный плательщик оброка и работник, вызывает своеобразные социальные мероприятия крепостника, цель которых вернуть обедневшего в прежнее положение. Для этого временно облегчается оброк, выдается ссуда при женитьбе; устраивается запасной общественный хлебный магазин; ставится под особый контроль хозяйство. Но бедняк легко может стать беглым, бродячим, беспаспортным элементом. Тогда он представляет из себя уже общественную опасность. Инструкции обращают внимание на этот элемент и стремятся его искоренить. В сословном, крепостном обществе declassés недопустимы. Шереметьев требует точного учета населения по данным второй ревизии. Орлов настаивает, чтобы в вотчине не держали посторонних людей без паспортов, искореняли укрывающихся в селениях и дачах, доносили бы на укрывателей, ибо "от них бесславится вотчина; правительство, сведав о том, наносит

[39]) Сборник русского исторического общества, т. 32, стр. 107, 188.

злость и даже разорение". Рычков, рекомендуя организацию в большой вотчине порядка, подобного полицейскому, советует смотреть, чтобы не вкрадывались подозрительные люди, не было бы своевольных вдаль отлучек, побегов и проч. Средний крестьянин не обращает на себя внимание, как особая социальная группа. Это не значит, что он стоит вне поля зрения авторов инструкций: они его имеют в виду, когда говорят вообще о деревне, о крестьянине, как плательщике и работнике, когда вырабатывают по отношению к крепостному населению среднюю линию поведения.

С. Архангельский.

Стачечная борьба рабочих в 1870—1917 г.г.

(Несколько цифр и фактов).

У нас, в России, как и на Западе Европы, социалистическое и рабочее движение первоначально и довольно долгое время шли по разным руслам, оторванные друг от друга. Оба они возникли еще в дореформенную эпоху, первое — знаменитый друг Герцена — в 30-е годы 19 века, а второе, в виде "волнений" приписанных к заводам крестьян и посессионных рабочих, уже в 18 веке. Наши дворянские социалисты-утописты, подобно своим западно-европейским учителям, обращались со своей проповедью радикального преобразования общества лишь к одной интеллигенции, совершенно игнорируя наиболее, казалось, заинтересованный в этом рабочий класс. Последний, в свою очередь, в крепостнические времена еще только формировался и был очень далек от классового самосознания. Тесно связанные с деревней, тогдашние рабочие смотрели на фабрику и завод, как на временную каторгу, от которой стремились избавиться при первом подходящем случае. Особенно это проявилось в момент ликвидации крепостного права, вызвавшей массовый уход их на землю, что привело, правда, к непродолжительной, остановке в развитии нашей фабрично-заводской промышленности [1]). Вот почему борьба, иногда принимавшая очень острые формы — волнения уральского горнозаводского населения в начале царствования Екатерины II, участие его в Пугачевщине и т. д., — борьба, к которой прибегали рабочие в дореформенной России, в общем, мало походила на борьбу труда с капиталом в Западной Европе.

"Для примирения рабочего и социалистического движения, — говорил Туган-Барановский, — требовалось, чтобы социализм вышел за пределы утопизма" [2]). Могучий расцвет промышленного капитализма предоставил Западной Европе возможность такого синтеза уже в исходе 1-й половины 19 в. Недаром именно в 1848 г. вышел в свет "Коммунистический Манифест" Маркса — Энгельса, и с этого момента западно-европейское стихийное рабочее движение превращается в организованную классовую борьбу пролетариата с буржуазией.

В России 60-х годов промышленный капитализм был развит еще столь слабо, что вопрос о его дальнейшем экономическом и социальном пути разрешался теоретиками

---

1) М. Туган-Барановский. Русская фабрика. Изд. 3-е. СПБ. 1907 г. Стр. 307 и след.

2) Цит. по Н. Батурину: «Очерк истории социал-демократии в России». Изд. 1922 г. Стр. 6.

ной интеллигенцией в пользу "самобытности". Понятно, что народники в своих социалистических программах и революционной практике продолжали, не замечая рабочего класса, пробуя опереться на крестьянскую массу, которая признавалась единственно способной, благодаря общинному землевладению, осуществить идеалы справедливого общественного устройства. Правда, отдельных рабочих народники втягивали в свои организации, но лишь с тою целью, чтобы выработать из них близких деревне агитаторов и пропагандистов. "Идя к рабочим, не то чтобы против воли, — рассказывает бывший тогда землевольцем Плеханов, — а так сказать *против теории*, мы разумеется, не могли хорошо выяснить им то, что Лассаль называл *идеей рабочего сословия*... Слушая нас, рабочий мог проникнуться глубокой ненавистью к правительству и "бунтарским" духом, мог научиться сочувствовать "серому" мужику и желать ему всего лучшего, но ни в коем случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария" [3]). Потребовалось, чтобы русский рабочий класс, сконструировавшись в результате капиталистического развития страны, сам громко заявил о своем появлении в целом ряде стачек, этого мощного орудия пролетарской классовой борьбы. А это случилось, примерно, в 80-е годы.

Если не считать каких-то волнений рабочих, происходивших в 1865 г. в Орехово-Зуеве, первые настоящие стачки в России возникли в 1870 г. Но народничество долгое время не придавало самостоятельной роли начавшемуся в стране рабочему движению. "Настоящее значение стачки у нас неизвестно и непонятно к характеру русских рабочих". — писал орган передовой интеллигенции, по поводу первой крупной забастовки, случившейся в 1870 г. на Невской Бумагопрядильне [4]). В этом отношении более прозорливой оказалась буржуазная печать. "И у нас случилась стачка рабочих, и нас не оберег бог", — такими словами начиналась передовица "Нового Времени", посвященная тому же событию на Невской Бумагопрядильне [5]). И, действительно, начиная с 1870 г., стачки в России стали происходить ежегодно. До 1878 г. их было зарегистрировано в прессе 21 и в них участвовало около 20.000 рабочих [6]). Главным мотивом стачек в этом начальном периоде истории русского рабочего движения был протест против особенно вопиющих злоупотреблений предпринимателей в области штрафов, принуждения работать в праздники, применения детского труда, невыдачи заработной платы, расплата товаром по вздутым ценам и проч.

Еще выше поднялась волна стачечного движения в следующее трехлетие — в 1878 — 1880 годы, бывшие временем промышленного оживления. В 29 стачках, сведения о которых имеются за эти годы, принимало участие от 30 до 35 тыс.

---

[3]) «Русский рабочий в революц. движении», в III т. «Сочинений». М. 192.. Стр. 139 –140.

[4]) Цит. по П. Батурину: «Очерк истории социал-демократии в России». Изд. 1922 г. Стр. 41.

[5]) Цит. по С. Н. Прокоповичу: «Забастовки», в его сб. ст.: «К рабочему вопросу в России». СПБ. 1905 г. Стр. 49.

[6]) Подсчет сделан на основании данных, заключающихся в статье Л. Мартова: «Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 г.», помещенной в VI т. «Истории России в XIX в.». Изд. «Гранат». Стр. 121 122.

тяч рабочих [7]). Стачки в большинстве случаев продолжали носить оборонительный характер, так как наши Колупаевы и Разуваевы, пользуясь неорганизованностью рабочего класса, стремились, даже и при благоприятной промышленной кон'юнктуре, ухудшить уже установившиеся условия труда. Влиял также на настроение рабочих и тот общественный под'ем, каким ознаменовался конец 70-х годов, особенно же революционная деятельность "Земли и Воли" и "Народной Воли". В стачечном движении за рассматриваемое трехлетие заметны, поэтому, новые черты — большая организованность рабочих и первые проявления солидарности. В этом отношении особенно характерны две стачки, 1878 и 1879 г.г., на Новой Бумагопрядильне в Петербурге. Первая вспыхнула 27 февраля, когда рабочие узнали о понижении расценок. Стачечники обратились к градоначальнику с просьбой о вмешательстве и через неделю взялись за работу, полагаясь на его обещание принудить фабричную администрацию пойти на уступки. Когда 15 марта были вывешены новые правила, не содержавшие ни одного существенного улучшения условий труда, рабочие вновь забастовали, пред'явив целый ряд требований, из которых особенно знаменательно след.: "мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как хозяин или его наемные холуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности". Не довольствуясь этим, рабочие в тот же день отправились к наследнику, жившему в Аничковом дворце (будущему Александру III), чтобы лично подать ему жалобу "на притеснения наших хозяев и полиции". Жалоба была принята, но ни к каким результатам для рабочих не привела, и последние, пробастовав две недели, принуждены были стать на работу. В руководстве этой стачкой активную роль играли землевольцы, и среди них Г. В. Плеханов [8]). В январе след. года стачка на Новой Бумагопрядильне возобновилась в виду того, что администрация назначила к увольнению 44-х участников первой стачки. К рабочим Новой Бумагопрядильни, находящейся на Обводном канале, примкнули рабочие Нарвской бумагопрядильни за Невской заставой. Между стачечниками этих фабрик установились постоянные сношения при посредстве выборных и были выработаны общие требования, пред'явленные хозяевам. Кроме того, стачечники по собственной инициативе обратились с воззванием ко всем петербургским рабочим, в котором, между прочим, провозгласили след. знаменитый лозунг: "Будем же твердо стоять каждый за всех и все за каждого". Воззвание не осталось без ответа: на многих фабриках, особенно, текстильных, в пользу стачечников стали производиться сборы, а у Чеснера и Мальцева рабочие не забастовали только потому, что хозяева пошли на уступки. Стачка сначала протекала спокойно, но когда полиция начала арестовывать "зачинщиков", стачечники двинулись толпой к дому градоначальника и после упорной свалки были рассеяны городовыми и жандармами. Через две недели они стали на работу [9]).

Начавшееся в 70-е годы в России стачечное движение носило на первых порах исключительно экономический характер. Но это обстоятельство, что оно про-

[7]) Там же, стр. 123.

[8]) Подробности см. в его брошюре: «Русский рабочий в революц. движении». перепеч. в И т. его «Сочинений».

[9]) Кроме работы Плеханова, см. еще: Л. Мартов. Там же. Стр. 125. и Б. А. Поссе. «Рабочие стачки. Очерки». IV. «Россия». СПБ. 1906 г. Стр. 8—9.

текало в условиях двойного гнета капитала и самодержавия, не позволило ему стать на путь английского тред'юнионизма. И отдельные наиболее развитые рабочие, и целые кружки их рано поняли тесную связь, какая установилась в России между фабричной конторой и полицейским застенком. Немудрено, что уже в середине 70-х гг., и при этом в среде самих рабочих, делаются первые попытки вывести рабочее движение на широкую политическую дорогу. В 1875 г. возникает в Одессе Южно-Русский рабочий союз, а в 1878 г. знаменитый Северный союз русских рабочих в Петербурге, выдвинувший, и притом совершенно самостоятельно, основные положения программы международной социал-демократии [10]). Правда, оба союза скоро погибли, но они характерны, как симптом пробуждавшегося в русском пролетариате классового самосознания.

Несмотря на то, что рабочий класс в России "эпохи первоначального накопления" был еще совершенно неорганизован—упомянутые союзы действовали недолго и притом имели очень незначительное количество членов—и едва ли представлял поэтому серьезную угрозу "существующему строю", правительство тем не менее поспешило вмешаться в начавшуюся борьбу труда с капиталом: жестоко преследовались не только политические, но и экономические выступления рабочих. На первых порах стачечников стали отдавать под суд, привлекая их к ответственности на основании 1792 статьи Уложения о Наказаниях 1845 г., устанавливавшей "за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры,... для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы", арест для зачинщиков от трех недель до трех месяцев, а для прочих от недели до трех недель. Но этого показалось недостаточно, и сам Александр II, как это видно из циркуляра от 6 июня 1870 г., т. е. сейчас же после первой более или менее крупной стачки рабочих на Невской бумагопрядильне, "повелеть сонзволил" предоставить губернаторам право "при первом известии о стачке рабочих, на каком-либо заводе или фабрике, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно, по обнаружении главных зачинщиков между фабричными, высылать таковых в одну из назначенных для того губерний" [11]).

Но и этим дело не кончилось. Когда в 1871 г. возникла в Одессе стачка извозчиков, недовольных введенной городской думой без предварительного соглашения с ними таксы на проезд, министр внутренних дел циркуляром от 30 сент. 1871 г. распространил право губернаторов на высылку за стачки не только на фабрично-заводских рабочих, но и на ремесленников. Какой страх вызвало в правительственных кругах стачечное движение, показывает след. отзыв комиссии гр. Игнатьева: "на стачки рабочих следует смотреть, как на вымогательство, которое не может быть оставлено без взыскания". В 1874 г. это "взыскание" было определено след. пунктом в дополнение к ст. 318 Уложения о Наказаниях: виновные в принадлежности к сообществу, имеющему целью "возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно возбуждающие к устройству стачек", подвергаются наказанию от заключения в крепость на 8 месяцев до лишения всех особенных прав и преиму-

[10]) Г. В. Плеханов. Op. cit., во II т. «Сочинений». Стр. 182—186, и А. Ельницкий. «История рабочего движения в России». Ч. I. Птр. 1918 г. Стр. 60 и 67

[11]) С. Н. Прокопович. Там же, стр. 46 и 50.

ществ и ссылки на житье в Сибирь [12]). Правительство, однако, не ограничилось в борьбе со стачечниками суровыми судебно-административными репрессиями, но решило непосредственно вооружить и самих хозяев: в 1879 г. ген.-губернатор Юго-Западного края предложил фабрикантам следить за "недопущением в среду рабочих распространителей вредных политических учений", а в 1880 г. всем вообще фабрикантам было дано право учреждать при фабриках специальную полицию [13]).

Стачечное движение, тем не менее, раз возникнув, продолжало развиваться. С 1881 — 1886-х годах, когда русская промышленность снова вступила в полосу застоя, произошло уже 48 стачек, захвативших более 80.000 рабочих, не считая ряда не отлившихся в стачку волнений и демонстраций [14]). Стачки этого периода отличались и многочисленностью участников, и острыми проявлениями классового возмущения. При стачке в Жирардове в декабре 1882 г. дело дошло до столкновения 8000 стачечников с войсками, при чем было убито 3 рабочих и ранено 13. Рядом с этим стачки приобрели более организованный и сознательный характер. В этом отношении показательной была знаменитая стачка в Орехове-Зуеве на Никольской мануфактуре Саввы Морозова, вспыхнувшая в январе 1885 г. под руководством П. А. Моисеенко и В. С. Волкова, тщательно разработавших целую тетрадь требованиями рабочих. Арест руководителей движения и здесь вызвал столкновение с казаками, на помощь к которым подошли новые войска, после чего 33 рабочих было посажено в тюрьму, а около 800 выслано на родину [15]).

Главными мотивами стачек периода промышленного застоя являлись обычное понижение заработной платы и сокращение производства, приводившее к безработице.

Русская промышленная буржуазия Московско-Владимирского района на эти стачки 80-х годов реагировала так, как русское правительство реагировало на стачки 70-х годов. "Никакого рабочего вопроса у нас, слава богу, нет",—писали "Московские Ведомости" по поводу Морозовской стачки,—а просто "население развращается вследствие слабого действия власти". Более передовые предпринимательские круги, особенно Петербурга, напротив, в этом отношении были настроены либеральнее.

Заработная плата здесь была значительно выше, чем в центре России, так как эксплуатация рабочей силы производилась преимущественно в самом процессе производства, а не путем "подсобных" способов, вроде задержки заработной платы, выдачи ее продуктами из фабричной лавки по вздутым ценам, наложения высоких штрафов и пр. Этот сравнительно высокий уровень заработной платы приводил к тому, что петербургские фабрики отличались более совершенным техническим снаряжением, и на них реже практиковалась невыгодная ночная работа, а также труд малолетних. Отсюда, при существовании конкуренции между Москвой, с одной

[12]) С. И. Прокопович. Там же, стр. 51 и 53.

[13]) Л. Мартов, в «Истории России в XIX веке». Т. VI. Стр. 136.

[14]) Там же, стр. 126—127.

[15]) С. И. Прокопович. Там же, стр. 65.—66. Интересно отметить, что тетрадь с требованиями рабочих, переданная Волковым губернатору, послужила материалом для последующих фабричных законов и особенно закона 1886 г. о найме рабочих.

тербургом, и Петербургом, с другой, последний, в противоположность первой, не только ничего не имел против, но и прямо был заинтересован в законодательной охране рабочего, конечно, в известных пределах [16]).

Правительство, стоявшее в 70-е годы, как мы видели, на точке зрения московских фабрикантов, в 80-е годы приходит к выводу, что бороться с рабочим движением одними чисто полицейскими мерами безнадежно. Вот основной мотив, приведший, в эпоху полного разгара реакции при Александре III, к появлению в России первых фабричных законов. Об этом прямо говорится в отчете госуд. совета за 1886 г.: "постепенно накопляющееся в классе фабричных рабочих недовольство делает его благоприятной, восприимчивой почвой для преступных учений, стремящихся к уничтожению государственного и общественного строя... В виду этого и в забвении о возможном устранении фабричных стачек и беспорядков, министерство внутренних дел признало необходимым без дальнейших промедлений приступить к пересмотру существующих постановлений Устава о промышленности в смысле урегулирования взаимных отношений между фабрикантами и рабочими" [17]). 1 июня 1882 г. появился закон, запрещавший на фабриках и заводах работу детей до 12 лет и ограничивавший рабочий день подростков от 12 до 15 лет 8—10 часовой нормой. 19 декабря 1884 г. была обнародована инструкция чинам фабричной инспекции и правила относительно исполнения постановлений закона фабрикантами и заводчиками. 3 июня 1885 г. вышел весьма важный закон, воспрещавший для женщин и подростков, не достигших 17 лет, ночную работу на хлопчатобумажных, полотняных и шерстяных фабриках. Наконец, 7 июня 1886 г. был издан самый существенный закон о найме рабочих на фабрики и заводы, определявший выдачу заработной платы не реже одного раза в месяц, запрещавший при производстве рабочим платежей делать вычеты на уплату их долгов и взимать с рабочих проценты за деньги, выданные им в ссуду, а также брать с них плату за врачебную помощь, освещение мастерских и пользование орудиями производства (на практике было и это! *СВ*), наконец, устанавливавший расплату с рабочими только деньгами, а не купонами, хлебом, товарами и иными предметами потребления [18]). Но стремясь законодательным путем повысить minimum материальных условий жизни рабочих и тем уничтожить почву для их открытых выступлений, правительство не отказалось и от чисто полицейских мер борьбы с рабочим движением. Тот же закон 3 июня 1886 г. значительно усиливал уголовную репрессию за стачки, наказывая подстрекателей к стачке заключением в тюрьме от 4 до 8 месяцев, а рядовых стачечников—заключением в тюрьме от 2 до 4 месяцев [19]). Таким образом, созданное царизмом фабричное законодательство было насквозь пронизано узко-полицейским духом: в нем, как выразился Л. Мартов, "нельзя найти и следа готовности содействовать развитию самодеятельности рабочих или хотя бы только терпеть ее" [20]).

---

16) М. Туган-Барановский. «Русская фабрика». Т. I. Изд. 3-е. СПБ. 1907 г. Стр. 403 и след.—П. Струве. «К характеристике нашего фабричного законодательства». № 4 «Народ. хозяйства» за 1902 г.

17) Л. Мартов. в «Истории России в XIX веке». Т. VI. Стр. 133—134.

18) М. Туган-Барановский. Там же, стр. 401, 407 и 415.

19) Там же, стр. 413.

20) «История России в XIX веке». Т. VI. Стр. 137.

Тем не менее фабриканты и заводчики центрального района были крайне недовольны политикой правительства в области рабочего вопроса. Они заявляли В. Безобразову, что "новые фабричные постановления составлены в духе неприязни или антипатии к высшему капиталистическому классу и в духе пристрастного покровительства нанимаемым, низшему рабочему классу" [21]). И "самодержавнейшее в мире" правительство Александра III, конечно, не могло долго не считаться с влиятельной группой русской буржуазии. Поэтому, как только в исходе 80-х годов рабочее движение заметно спало, оно поспешило подвергнуть "очищению" состав фабричной инспекции, удалив тех из инспекторов, которые вызвали против себя особенно сильное раздражение со стороны владельцев промышленных предприятий, а 24 апреля 1890 г. новым законом испортило мероприятия 1882 и 1885 г.г. [22]).

Но затишье в рабочем движении было временным. Помимо новых фабричных законов, до известной степени ограничивших наиболее крупные злоупотребления фабрикантов и заводчиков, служившие частыми поводами к стачкам, действовало здесь и наступившее промышленное оживление. За период с 1887 г. по 1890 г. количество стачек очень незначительно—есть известия лишь о 12, и все они также невелики и по количеству участников. Из них особенно интересна "перемежающаяся" стачка ткачей Белостока, бывшая в июле и августе 1887 г.: пока одни мастерские бастовали, другие работали, поддерживая бастовавших. Благодаря такому способу борьбы, свидетельствующему о высокой организованности стачки, рабочие добились повышения расценок [23]). С 1891 г. положение дела резко меняется. Начавшееся в 1887 г. промышленное оживление в 1891 и 1892 г.г. приостанавливается отчасти вследствие общего застоя на мировом рынке, отчасти благодаря двухлетнему неурожаю. Последнее обстоятельство вызвало массовый наплыв в города крестьян, выгнанных голодом из деревни. Благодаря этому заработная плата значительно упала в то время, как цены на хлеб и другие продукты потребления, вследствие неурожаев, сильно возрасли. В рабочем классе, на этой почве, естественно, разлилось острое недовольство. В некоторых местах, напр., в Витебске и Заверце, Петроков. губ., произошли уличные беспорядки по поводу вздорожания хлеба, а в поволжских городах и знаменитые "холерные бунты". Что касается стачек, то волна их также сильно поднялась, при чем она охватила, помимо прежних, преимущественно, центрального и петербургского, новые громадные районы—губернии бывшего Царства Польского и прибалтийский край. Движение носило почти всюду чрезвычайно бурный характер. В Лодзи, напр., рабочие, в мае 1892 г. устроили настоящее восстание, взяв приступом тюрьму и казармы. Власти и фабриканты вместе с войском, принуждены были временно уйти из города, до прибытия 40-тысячной армии [24]).

Стачечная борьба этого периода, несмотря, однако, на свою грандиозность и остроту, в большинстве случаев сопровождалась поражением рабочих [25]). Надежда на успех появилась в рабочем классе лишь с 1893 г. когда Россия вступила в по-

---

[21]) М. Туган-Барановский. Там же, стр. 415.

[22]) Там же, стр. 417.

[23]) Л. Мартов, в «Истории России в XIX веке». Т. VI. Стр. 129 и 151.

[24]) Л. Плехоцкий. «Стачечная борьба польских рабочих», в № 6 «Жизни» за 1902 г. (Женева). Стр. 35—39.

[25]) Л. Мартов, в «Истории России в XIX веке». Т. VI. Стр. 136.

лосу своего нового экономического развития, а именно, в ней на ряду с легкой индустрией стала быстро развиваться и индустрия тяжелая. В страну с огромным резервуаром дешевого "свободного" труда, поставлявшегося голодающей деревней, и с бешеной системой протекционизма устремляется иностранный капитал. В 1893—1899 годы основывается до 6000 новых промышленных предприятий. Если в 1891—1893 г.г. было выстроено новых дорог лишь 2299 верст, то в трехлетие 1894—96 г.г их проводится 6.228 верст, а в 1897—99 г.г.—9.951 верста. Торжество капитализма в России положило конец народническому представлению об особом пути экономического развития России. Именно теперь русский марксизм почувствовал твердую почву под своими ногами. С 1894 г. задачи социалистической пропаганды, которые русские социал-демократы долгое время преследовали в узких кружках, сменяются задачами агитации в широких рабочих массах. Самая агитация начинает вестись, главным образом, на почве экономических столкновений труда с капиталом. В Петербурге и целом ряде других городов возникают "союзы борьбы за освобождение рабочего класса", которые в 1898 г. на тайном с'езде в Минске об'единяются в "Российскую социал-демократическую рабочую партию". В этот именно период начинает происходить в России слияние стихийного рабочего движения с социалистическим.

Как раз с этого момента и статистические сведения о стачках становятся богаче: ими все более и более интересуется и революционная пресса, и само министерство финансов, организующее стачечную статистику в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. Всего промышленных предприятий в России в 1900 г. было зарегистрировано 38.141 с 2.375.000 рабочих и с суммой производства в 3.005 м. руб. При этом в ведении министерства финансов состояло 19.673 предприятия с 1.586.000 рабочих и с суммой производства в 2.415 м. руб. Другими словами, данные о стачечном движении, собиравшиеся чинами фабричного надзора, охватывали 50% предприятий с 70% рабочих и 80% суммы производства [26]). Согласно этим данным, за десятилетие с 1895 г. по 1904 г. всего было 1765 стачек с 431.254 участниками их, что в среднем за год дает 176 стачек и 43.125 участников их. По отдельным годам, оба эти числа изменялись следующим образом [27]):

Годы.	Число стачек.	В %-х к общ. числу предприят.	Число стачечников.	В %-х к общ. числу рабочих.
1895	68	0,36	31,195	2,01
1896	118	0,62	29,527	1,94
1897	145	0,75	59,870	3,99
1898	215	1,13	43,150	2,87
1899	189	0,99	57,498	3,83
1900	125	0,73	29,389	1,73
1901	164	0,96	32,218	1,89
1902	123	0,72	36,671	2,15
1903	550	3,21	86,832	5,10
1904	68	0,40	24,904	1,46

[26]) «Статист. сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. Изд. мин. фин. Введ. стр. X.

[27]) В. Е. Варзар. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1895—1904 г.г. СПБ. 1905 г. Л. Мартов указывает, что в действительности, стачечное движение

Согласно официальным данным из числа всех этих стачек приходилось:

на предприятия с числом до 20 рабочих	11%	48%
„ „ „ „ „ 21— 50 „	24%	
„ „ „ „ „ 51— 100 „	13%	
„ „ „ „ „ 101— 500 „	28%	52%
„ „ „ „ „ 501—1000 „	12%	
„ „ „ „ свыше 1000 „	12%	

При этом, число предприятий, затронутых стачками, составляло по отношению ко всему числу предприятий данной группы:

для предприятий с числом до 20 рабочих	2,7%
„ „ „ „ „ 21— 50 „	7,5%
„ „ „ „ „ 51— 100 „	9,4%
„ „ „ „ „ 101— 500 „	21,5%
„ „ „ „ „ 501—1000 „	49,9%
„ „ „ „ свыше 1000 „	89,7%

Эти две таблицы [28]) указывают, что во-первых, больше половины всех стачек приходилось на крупные промышленные предприятия, во-вторых, число стачек пропорционально возрастает с увеличением размера предприятий. Иначе говоря, классовая борьба пролетариата гораздо усиленнее развертывается в области крупного производства, чем мелкого или среднего.

Что касается успешности стачечного движения 1895—1904 г.г., то о ней можно судить по след. данным:

в пользу рабочих окончилось стачек	28,2%
компромиссом	21,8%
в пользу хозяев	15,4%
с неизвестным исходом	1,6%

Приблизительно, за тот же период времени для стачечного движения Зап. Европы сравнительно с Россией имеются след. сведения [29]):

	Число стачек в %-х.				Число стачечников в %-х			
	Англия	Франц.	Австрия	Россия	Англия	Франц.	Австрия	Россия
в пользу рабочих вполне или отчасти	62,8	53,1	55,2	50,0	59,5	62,6	64,8	46,0
против рабочих	35,2	46,9	44,7	45,4	39,7	37,3	35,2	51,0

Из общего числа 1765 стачек в России за рассматриваемое десятилетие в 535 случаях проявились "особые условия", как деликатно выражается официальная статистика. Такими "особыми условиями" явилось прямое вмешательство в борьбу

было значительно шире, чем это показывают официальные данные. Так, по его сведениям, почерпнутым из газет и журналов этого времени, за пятилетие 1895—1899 г.г. количество забастовщиков составляло до 464.000 чел., а не 220.000, как это насчитывает В. Е. Варзар (»Ист. Россия в XIX в.». Т. VII. Стр. 69). Эта разница об'ясняется тем, что пресса регистрировала стачки и в предприятиях, неподчиненных надзору фабр. инспекции, как, напр., железнодорожные, предприятия в Сибири и на Кавказе, горные заводы и пр.

[28]) В. Е. Варзар. Op. cit. Стр. 13.

[29]) Op. cit. Стр. 66 и прим.

труда с капиталом государственной власти, конечно, в интересах охраны капиталистического "порядка". Из этих "особых условий" было [30]: 269 случаев—призыва войск, 190—частичного рассчета, 164—арестов и высылок, 137—общего рассчета, 44—разрушительных действий, 31—судебных преследований.

По степени интенсивности стачечного движения в 1895—1904 г.г. разные губернии занимали далеко неодинаковое место, что, в первую голову, зависело от их промышленного развития. В. Е. Варзар в этом отношении разбивает все губернии, затронутые стачками, на 7 групп [31]:

1 группа губерний с числом забастовщиков свыше 100% общего числа рабочих в губернии: Кутаисская, Калишская, Бакинская.

2-я группа с числом забастовщиков от 75% до 100%: Тифлисская.

3-я группа с числом забастовщиков от 50% до 75%: Тверская, Черноморская, С.-Петербургская, Херсонская.

4-ая группа с числом рабочих от 25% до 50%: Варшавская, Екатеринославская, Минская, Лифляндская, Нижегородская, Владимирская, Курляндская, Гродненская, Донская область, Костромская.

5-ая группа с числом забастовщиков от 10% до 25%: Сувалкская, Виленская, Ковенская, Харьковская, Могилевская, Рязанская, Орловская, Московская, Ярославская, Петроковская, Полтавская, Витебская, Киевская, Эстляндская.

6-я группа с числом забастовщиков менее 10%: все остальные губернии.

Как это видно из приведенных данных, особенную склонность к стачкам обнаруживали рабочие Кавказа, Петербурга, некоторых губерний центрального района, Польши и Прибалтики.

Из производств больше всего было охвачено стачечным движением текстильное и металлургическое [32]. Так, за 1895—1904 г.г. было:

	Число стачек.	% к общему числу их за 10 лет.	Число стачечников.	% к общему числу их за 10 лет.
в текстильном производстве . .	592	33,4	236,812	54,9
„ металлургическом	336	19,0	116,973	27,1
Всего . .	928	52,4	353,785	82

Для характеристики напряженности стачек, измеряемой количеством потерянных каждым забастовщиком дней, у нас есть след. данные [33]:

в 1895 г.	на одного	забастовщика	приходилось	5,0	потерянных	дней.
„ 1896	„	„	„	„	6,4	„	„
„ 1897	„	„	„	„	5,3	„	„
„ 1898	„	„	„	„	3,7	„	„
„ 1899	„	„	„	„	4,0	„	„
„ 1900	„	„	„	„	4,0	„	„
„ 1901	„	„	„	„	3,4	„	„
„ 1902	„	„	„	„	3,5	„	„
„ 1903	„	„	„	„	5,1	„	„
„ 1904	„	„	„	„	7,4	„	„

[30] В. Е. Варзар. Op. cit. Стр. 78.

[31] Op. cit. Стр. 18.

[32] Op. cit. Стр. 27.

[33] Op. cit. Стр. 41.

Сравнивая напряженность русских стачек с западно-европейскими, мы увидим, что она возрастает по странам в зависимости от их промышленного развития и организованности в них труда и капитала [1]):

Страны.	Среднее число стачек. Число забастовщиков на одну стачку.	Среднее число стачек. Число потерянных дней на одну стачку.	Напряженность стачек. Число потерянных дней на одного стачечн.
Англия	280,4	9,601	34,2
Франция	150,9	2,162	14,3
Австрия	182,3	2,452	12,1
Италия	299,9	3,093	10,3
Россия	244,3	1,178	4,8

Чтобы покончить со статистическими данными, характеризующими стачечное движение в рассматриваемое десятилетие, приведем след. таблицу, вскрывающую степень интенсивности вызывавших его причин [35]):

Причина стачек.	Число стачек.	% к общему их числу.		Число стачечников.	% к общему их числу.	
Заработная плата . . .	1071	60,8		208,560	48,6	
Рабочее время	385	21,4		129,358	30,0	
Условия труда и быта .	131	7,4		58,632	13,5	
Разные причины:						
случайные	9	0,5	10,0	2,508	0,5	7,9
профессиональные . .	169	9,5		32,195	7,4	
	178			34,703		

Такова в общих чертах статистическая картина развернувшейся в 1895—1904 г.г. стачечной борьбы рабочих в России. Обозревая вышеприведенную скалу движения по отдельным годам, можно было бы вычертить кривую, которая идет вверх почти до 1899 г., довольно резко падает в 1900 г., снова поднимается с 1901 г. и достигает своего кульминационного пункта в 1903 г., после чего сразу понижается до точки 1875 г. Эти изменения кривой стачек вполне соответствуют изменениям в ходе промышленного развития страны. Промышленный расцвет 90-х годов, исключительный по своей широте и интенсивности, завершился, правда, непродолжительным, но очень острым кризисом. В 1899 г. последний охватил Царство Польское, где в Белостоке, Варшаве и Лодзи стали почти все фабрики, а в 1900 г. распространился и на Россию—Петербург, Москву с центральным районом на юг. Но ход промышленного развития страны отразился не только на количественной стороне стачечного движения: он вызвал в нем и качественные перемены. Промышленный под'ем 90-х годов впервые в России породил массовые выступления рабочих, носившие преимущественно экономический характер. Только теперь русский рабочий класс почувствовал свою силу и пред'явил грозный счет капиталу, который эксплоатировал его вне всяких пределов. Наиболее популярными были требования о повышении заработной платы и уменьшении рабочего дня. Особенно сильным было стачечное движение петербургских текстильщиков в 1896—

---

[1]) Б. Г. Варзар. Op. cit. Стр. 42.

[35]) Op. cit. Стр. 42. Под профессиональными причинами стачек официальная статистика понимала стачки по симпатии и стачки, возникшие под «внешним» влиянием, т. е. влиянием [illegible] пропаганды.

97 г.г. Ему предшествовали отдельные стачки по фабрикам, начиная с фабрики Торнтона, в ноябре 1895 г., когда впервые в среде стачечников были распространены с.-д. прокламации, в которых петербургский "Союз борьбы" раз'яснял недостаточность разрозненных выступлений и необходимость совместной организационной борьбы. В следующем году на почве отказа фабрикантов заплатить рабочим за три коронационных дня—эти праздники устроили в честь коронации Николая II 14 мая 1896 г. сами фабриканты,—началась дружная стачка 30.000 текстильщиков. Этой стачкой вплотную уже руководил с.-д. "Союз борьбы", выпустивший ряд листков и старавшийся придать движению организованные формы. Впечатление от выдержанного и организованного выступления рабочих получилось настолько грандиозное, что сам министр финансов Витте выступил с воззванием, уверяя, что правительство рассмотрит их требования, ибо для него одинаково дороги как интересы фабрикантов, так и рабочих. 18 июня, т. е. через 26 дней, стачка текстильщиков, к которой примкнули еще несколько машиностроительных заводов, резиновая мануфактура, одна писчебумажная фабрика и сахарный завод, прекратилась. Но так как наступление нового 1897 г. не принесло рабочим обещанного законодательного уменьшения рабочего дня, движение снова возобновилось. Начала стачку фабрика Максвеля, пригласившая чрез своих делегатов присоединиться к ней и другие фабрики и заводы. Особенно важное последствие имела остановка работ в Александровских мастерских Николаевской ж. дороги. Министр путей сообщения немедленно удовлетворил требование рабочих о прекращении работы по субботам в 2 часа, причем распространил эту меру на мастерские всех казенных дорог. Это не мало способствовало пробуждению духа борьбы и в железнодорожном пролетариате, вызвав стремление добиться для себя той же льготы и среди рабочих частных железных дорог. С другой стороны, само правительство официально об'явило, что законопроект о рабочем дне вырабатывается, и предлагало рабочим стать за станки. Однако, потребовалось еще ряд стачек, чтобы дело с изданием закона продвинулось вперед, и, наконец, последний появился 2 июня 1897 г. Эта принципиально крупная победа явилась в результате, как говорит Л. Мартов [36], "первого, до известной степени романтического, порыва только что пробужденных масс к немедленному боевому выступлению для завоевания коренных экономических улучшений и для манифестации классовой солидарности".

Однако, в 90-е годы начавшаяся в России настоящая классовая борьба пролетариев еще носила характер преимущественно экономический. Политические выступления рабочих в общем были редки. Недовольство правительственным гнетом, правда, нарастало в рабочих кругах, но оно являлось пока и не достаточно глубоким, и не достаточно сознательным, чтобы вылиться в широкий политический протест. Естественно, что и социал-демократы, перешедшие, как мы видели, в этот период от пропаганды в кружках к агитации в массах, склонны были переоценивать степень существовавшего в рабочем классе политического развития, и поэтому и базировали свою тактику на руководстве лишь его экономическим движением. Вопреки "манифесту", принятому в 1898 г. на первом с'езде с.-д. партии, многие считали, что политическая борьба в России есть дело буржуазии, ко-

[36] "История России в XIX в.". Т. VIII. Стр. 83.

торую в этом отношении рабочему классу следует только поддерживать; главную энергию он должен обратить на экономическую борьбу, стараясь добиться в рамках самодержавного строя поднятия и материального уровня своей жизни, и прежде всего — признания своих профессиональных организаций. "Отказываясь идти в своей агитации дальше сознанных массой интересов, экономисты принижали таким образом сознание социал-демократии до уровня стихийного рабочего движения" [37]).

Наступивший в 1899 г. кризис много способствовал пробуждению в стране, с 1881 г. находившейся в цепких об'ятиях мертвой реакции, общественного движения. Буржуазные слои начинают разочаровываться в мощи самодержавия. Среди них возникает либеральная партия, создающая свою заграничную газету "Освобождение", редактором которой стал П. Б. Струве, автор первого "Манифеста" Рос. с.-д. В рядах демократии оживают народовольческие настроения, приведшие к возникновению партии с.-р. Все начинают понимать, что дальнейшая судьба России зависит от разрешения кардинального вопроса — аграрного, грозно ставшего к XX веку, в результате всей земельной политики русского царизма, начиная с реформы 19 февраля 1861 г. Особенно это стало ясно, когда весной 1902 г. по всему юго-востоку страны прокатилась бурная волна крестьянских беспорядков. Даже бюрократия, в лице государственного контроля, признала, что "у нас обширную обрабатывающую промышленность можно создать лишь, подготовив внутренний рынок, который может быть основан только на цветущем земледелии" [38]).

Что касается рабочего движения, то в годы промышленного кризиса оно сильно упало по своим размерам, но зато начинало приобретать ярко выраженную политическую окраску. Уже 1 мая 1900 г. в Царстве Польском и Харькове произошел ряд первомайских стачек и уличных демонстраций, во время которых рабочие, рядом с экономическими требованиями, выставили и требования свободы собраний, союзов, стачек и печати. В 1901 г. политические выступления рабочего класса становятся обычными явлениями почти во всех крупных городах. Все демонстрации теперь сопровождаются красным знаменем, на котором красуется лозунг: "Долой самодержавие".

С господствовавшим в рядах социал-демократии "экономизмом" теперь победоносно борется революционное меньшинство, оставшееся верным марксизму. Уже в 1899 г. появляется брошюра Плеханова: Vademecum [39]) и Ленина: "Задачи русской социал-демократии", в которых все основные идеи Кусковой и Прокоповича, этих главных теоретиков "экономизма", подверглись уничтожающей критике [40]). В 1900 г. "Группа Освобождения Труда", уже в 1898 г. порвавшая с "Союзом рус. соц.-демократов", состоявшим почти целиком из "экономистов", вместе с возвратившейся из продолжительной ссылки группой старых социал-демократов [41]), основали газету "Искру", во главе с Плехановым и Лениным. Теоретические удары "Искры" по "экономизму" в 1900—1902 годах сопровождались и ударами, какие наносила ему сама практика рабочего движения, приобретавшего

[37]) И. Батурин. «Очерк Истории С.-Д. в России». Изд. 4. Птр. 1923. Стр. 71.
[38]) Л. Мартов. «История России в XIX в.». Т. VIII. Стр. 112.
[39]) Что значит: путеводитель, справочник.
[40]) Г. Зиновьев. «История рос. коммунист. партии». М. и П. 1923 г. Стр. 54—55.
[41]) Ленин, Старовер-Потресов, Мартов.

все более и более политический характер. Классовая борьба русского пролетариата, действительно, стала выявлять свою настоящую голову, тогда как раньше, по выражению Плеханова, "экономисты" видели только ее зад. Таким образом, успех "Искры" был обеспечен самим ходом событий в России. Из этих событий особенно показательной была стачка в Ростове в 1902 г., носившая явно предреволюционный характер. Брожение началось в субботу 2 ноября, в котельном цехе мастерских Владикавказской железной дороги, по какому то мелкому поводу. Учитывая настроение рабочих, Донской комитет с.-д. выпустил 4 ноября воззвание, в котором приглашал всех рабочих этих мастерских бросить работу и выставить требования, из которых главными были: 1) 9-час. рабочий день, 2) окончание работ перед праздниками в 2 часа, 3) повышение заработной платы на 20%, 4) отмена штрафов, 5) удаление двух мастеров, 6) вежливое обращение и 7) устройство школы для детей рабочих. В понедельник 4 ноября на митинге, происшедшем во дворе, рабочие мастерских одобрили формулированные в воззвании требования и решили забастовать. На следующий день к ним присоединились рабочие железнодорожного депо, а 6 ноября механический завод Пастухова. Митинги с заводов были перенесены за город, в долину реки Темерника, и на них приходило до 20—30 тысяч человек. Между тем стачка приобретала всеобщий характер, захватив железоделательные заводы Токарева и Дутикова, табачные фабрики, хлебопекарни и ряд других заведений. Благодаря политической окраске движения, большое сочувствие к рабочим проявляли и различные слои местной буржуазии. Слушать ораторов, выставляемых Донским комитетом, собирались, кроме забастовщиков и их жен, и домашняя прислуга, и интеллигенция, и даже буржуа, приезжавшие на собственных лошадях. Взрыв общественного возбуждения совершенно парализовал энергию местных властей, и они пришли в себя, лишь когда, по инструкции из Петербурга, к Ростову были стянуты из окрестных пунктов войска. 11 ноября очередной митинг, после упорного сопротивления рабочих, был разогнан военной силой, причем казаки дали залп по запоздалым кучкам забастовщиков, убив 6 и ранив 12 человек. После этого стачка длилась еще две недели, и лишь 24 ноября рабочие вернулись к станкам, получив обещание об удовлетворении части их требований [42]).

Ростовские события 1902 г. послужили прологом для еще более грандиозных событий, разыгравшихся на юге России в след. году. Начало 1903 года совпало с новым под'емом промышленности в России, правда, уже в 1904 г. опять сменившимся застоем, наступившим вследствие русско-японской войны. "Тем не менее, — говорит Л. Мартов [43]), — короткого и небольшого оживления оказалось достаточно, чтобы в массах, раздраженных несколькими годами кризиса и возбужденных политической борьбой, вызвать стремление к обратному завоеванию отобранных капиталистами позиций". Экономическое движение тесно переплеталось в это время с политическим. Празднование 1 мая прошло в особенно значительных размерах, вызвав забастовку в Николаеве, Одессе, Иркутске, Харбине, Белостоке, Гродно и

[42]) Л. Мартов. «История России в XIX в.». Т. VIII. Стр. 124—125; И. Батурин. «Очерк истории С.-Д. в России». Изд. 4-е Птр. 1923 г. Стр. 91.

[43]) «История России в XIX в.». Т. VIII. Стр. 128.

т. д. и демонстрации в Варшаве, Ростове-на-Дону, Феодосии, Таганроге, Баку, Баладханах, Тифлисе, Томске, Чите. Первомайская агитация послужила непосредственным толчком для ряда экономических стачек, охвативших ткацкие фабрики Петербурга, Николаев, Вышний-Волочек, Кострому, Москву, Лодзь, Иваново-Вознесенск и др. города. Стачки эти в большинстве случаев сопровождались победой рабочих. Но самых грандиозных размеров достигло движение на юге России, вылившееся в июне во всеобщую стачку. Начали его рабочие нефтяных промыслов в Баку и рабочие, занятые в Одесском порте. Учитывая наступление промышленного оживления и в нефтяной промышленности, и в морском транспорте, инициаторы движения желали удержать его в чисто профессиональных рамках, не примешивая к нему политического элемента. Но начатые ими стачки вызвали среди рабочих самых разных категорий бурный взрыв возмущения, в котором стремление к экономическим улучшениям переплеталось с протестом против политического и гражданского бесправия. Немудрено, что руководство движением перешло в руки социал-демократов. Самое движение захватило Кавказ, Одессу, Николаев, Елизаветград, Киев, Екатеринослав, Александровск, Феодосию, Керчь, Конотоп. В результате этого движения, экономическое положение некоторых групп рабочих, особенно отсталых и наихуже оплачиваемых, несколько улучшилось. Но не в этом заключается его значение: оно вовлекло в классовую борьбу громадные массы пролетариата, стоявшие до того в стороне от нее, и далеко продвинуло вперед политическое сознание рабочего класса, упрочив его связь с социал-демократией [44]). Кроме того, это движение, стихийно вылившееся в форму всеобщей забастовки, дало возможность пролетариату испробовать то оружие, которым он в 1905 г. нанес первый удар царизму, а в 1917 г. и последний.

Правительство реагировало на рабочее движение по разному. Министерство финансов пробовало уменьшить его размах робкими попытками в области дальнейшего развития фабричного законодательства. 2 июня 1903 г. появился закон об обеспечении рабочих, пострадавших от несчастных случаев, ½ действительного заработка во время болезни, 30-ю рублями на похороны взрослых и 15 руб. — малолетних рабочих; ⅔ заработка в виде пенсии утратившему трудоспособность, ½ пенсии — вдове умершего от несчастного случая и т. д. Главнейшими недостатками этого закона являлись: 1) игнорирование случаев утраты трудоспособности, вследствие профессиональных болезней, 2) освобождение предпринимателя от ответственности в случае доказанной "грубой неосторожности" рабочего, 3) определение "действительного заработка помножением поденной платы на 260, тогда как количество действительных рабочих дней в году значительно больше, и 4) предоставление сторонам права входить в соглашение о получении потерпевшим меньшего вознаграждения.

10 июня того же 1903 г. был издан закон о старостах, согласно которому рабочие могли, с разрешения владельцев предприятий, выбирать кандидатов в старосты, а из этих кандидатов фабричная администрация назначала самих старост; губернская же власть получила права увольнять этих старост за неблагонадежность, хотя неблагонадежные при таком способе выборов едва ли могли попасть в

44) Л. Мартов: «История России в XIX в.». Т. VIII. Стр. 129—133.

старосты. Нечего и говорить, что закон этот был встречен рабочими с недоверием, и в 1905 г. он применялся всего лишь в 30 — 40 предприятиях. Таким образом попытка министерства финансов, руководимого Витте, открыть "законные" пути для некоторого проявления самодеятельности рабочего класса в области часто профессиональной, потерпела полный крах.

Подобного рода фабричное законодательство не могло удовлетворить рабочий класс, так как правительство этим законодательством не столько заботилось о рабочих, сколько о предпринимателях. В отчете госуд. совета за 1903 г. прямо говорится: "Правительство не должно забывать о надлежащем охранении интересов фабрикантов, тем более, что последние составляют класс, ближайшим образом заинтересованный в сохранении общественного порядка. Указанное обстоятельство должно особенно побуждать благоразумное правительство опираться на этих лиц при обсуждении различного рода мероприятий в области фабричного законодательства" [45]).

Иначе реагировала на рабочее движение министерство внутренних дел. С одной стороны, оно продолжало идти по старой дороге, усиливая репрессии. Так, в 1901 г. против рабочих демонстраций был один случай применения огнестрельного оружия, в 1902 г.—уже 3 и в 1903 г.—12. В 1900 г. впервые пускаются в ход для расправы со стачечниками телесные наказания, в 1902 г. к этой мере власть прибегает уже 4 раза. В 1902 г. обычная для социалистов и стачечников административная ссылка сменяется преданием суду сословных представителей и тяжелыми приговорами на поселение. В 1903 г. демонстранты и агитаторы привлекаются уже к военному суду. С другой стороны, министерство внутренних дел, обеспокоенное ростом рабочего движения и приобретением им политической окраски, делало попытки овладеть им в целях направления его по чисто экономическому руслу.

Экономический кризис, тесно связанный с обнищанием деревни, как уже было отмечено, разрушил гармонию, казалось прочно установившуюся между буржуазией и самодержавием. Аграрии приобретают преимущественный вес в правительственных кругах, где устанавливается все более резко выраженная гегемония полицейского ведомства над другими органами управления. Министр внутренних дел Плеве в 1902 г. окончательно становится выше всемогущего до тех пор министра финансов Витте. Исключительное покровительство крупной промышленности сменяется заботой о сохранении во что бы то ни стало сословно-крепостнического режима. Вот почва, на которой министерство внутренних дел утвердилось в своем новом решении до известной степени игнорировать интересы капиталистов там, где они сталкивались со стремлениями царизма внести некоторое успокоение в рабочие массы.

На этом поприще особенно выдвинулся бывший революционер, предавший в 80-х годах своих товарищей, Зубатов. В 1901 г. начинается его деятельность в Москве, направленная на то, чтобы отвлечь рабочий класс от политики, путем создания ряда культурно-просветительных и экономических организаций.

---

[45]) Л. Мартов. «История России в XIX в.». Т. VIII. Стр. 153—156.

Зубатову удалось 19 февраля 1902 г. устроить в Москве громадную патриотическую манифестацию перед памятником Александра II, при чем рабочим говорил речь сам ген.-губ. вел. князь Сергей Александрович. Делались попытки зубатовцами к одурачению рабочих масс идеей патриархально-полицейской опеки, как средства улучшения своего положения, и в других городах, напр., Минске, Петербурге, Сормове, наконец, Одессе. В этом последнем городе, как и в Москве, "независимая рабочая партия", как стали называть себя последователи Зубатова, тоже имела некоторый успех. В нее шли здесь некоторые категории лучше оплачиваемых и умеренно настроенных квалифицированных рабочих, и массы темных чернорабочих, почти люмпенпролетариев (преимущественно портовых и судовых рабочих). Оба эти элемента, главным образом, и являлись той средой, где развертывались полицейско-демагогические опыты зубатовцев. Их одесский опыт оказался, однако, последним. Стихийно возникшее на юге России в 1903 г. движение захватило и "независимых". Главному руководителю их в Одессе, Шаевичу, пришлось, выступать в роли организатора ряда экономических стачек, примкнувших затем к всеобщей южно-русской стачке. Это обязательство заставило правительство убедиться, что руководство рабочим движением в нужном для него направлении ему не под силу.

"Всеобщая стачка 1903 г.,—говорит по этому поводу Л. Мартов,—привела с собою полное банкротство "зубатовщины". В качестве попытки отвлечь рабочих от революционного социализма, она могла бы рассчитывать на известный частичный успех, если бы правительство, с одной стороны, не стремилось сделать профессиональные организации орудиями своей активной контр-революционной политики, а, с другой, — могло занять сколько-нибудь независимую позицию по отношению к предпринимателям". Но для него ни то, ни другое не было возможно. Растущее недовольство в буржуазных слоях не позволяло до конца пренебрегать пока еще лойяльным крупным капиталом, тем более, что переход значительных групп помещиков в лагерь земской оппозиции, вызванный аграрным движением, не оставлял для власти надежды, что уход из правительственного лагеря крупных капиталистов будет возмещен другими социальными элементами в пределах имущих классов. "Демагогический же эксперимент в более смелой форме, — говорит Л. Мартов, — в виде попытки опереться на время на народные массы, был невозможен в силу самой исторической природы полицейского абсолютизма, боящегося всякой формы народной самодеятельности; вдвойне невозможен был бы потому, что налицо, к моменту зарождения зубатовщины, было прочное сплочение широких слоев рабочих под революционно-социалистическим знаменем, делавшее возможными и вероятными новые революционные потрясения при каждом успехе "легального" рабочего движения" [46]).

И это последнее, как нельзя более, оправдалось в рабочем движении 1905 г., которое началось с Гапониады, приведшей к 9 января. Предательский расстрел Николаем II мирно шедших к нему с хоругвями и образами безоружных рабочих Петербурга вызвал со стороны рабочего класса всей России единодушный взрыв негодования, вылившийся в небывалую еще нигде в мире эпидемию стачек и демон-

[46]) Л. Мартов. «История России в XIX в.». Т. VIII. Стр. 139—153.

страций. Эти последние происходили в январе и феврале и послужили мощным толчком для открытых выступлений и либеральных групп, и крестьянской массы, и части войск. Но самодержавие сравнительно легко подавляло все эти разрозненные выступления и первую более серьезную уступку сделало лишь тогда, когда рабочий класс устроил настоящую всеобщую забастовку в октябре, охватившую, между прочим, всю сеть русских железных дорог, длиною в 40 тыс. километров. Манифест 17 октября, с одной стороны, и советы рабочих депутатов с другой, — вот что было непосредственным завоеванием октябрьской забастовки. После нее начинается отход буржуазии вправо, и рабочий класс в своей дальнейшей борьбе рассчитывает лишь на беднейшее крестьянство. Его ближайшей задачей становится вооруженное восстание в целях захвата власти и установления диктатуры городского пролетариата и деревенской бедноты. Его вождем на этом пути делается большевистская фракция с.-д. партии во главе с Лениным. Ноябрь проходит в героической борьбе за 8 часовой рабочий день, в декабре вспыхивает еще более героическое восстание в Москве, на Кавказе, в Прибалтийском крае и в Сибири. Но царизм, получив поддержку от русской буржуазии и международной, жестоко подавляет рабочих, надежды которых на помощь деревни не оправдались.

Более или менее точные цифровые данные о размахе рабочего движения в 1905 г. имеются только для промышленных предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции и находившихся в ведении горного департамента. Оказывается, что в этом году в предприятиях первой категории было зарегистрировано 13.995 стачек с 2.863.173 участниками, что по среднему расчету, составляло 93% общего числа этих заведений и 163% общего числа рабочих в них[47]). Чтобы понять значение этих цифр, припомним, что за предыдущее 10-летие в среднем по расчету за год стачками было охвачено лишь 0,98% общего числа фабрик и заводов, подчиненных надзору фабричной инспекции, и 2,7% общего числа рабочих.

Что касается предприятий второй категории, т. е. горнозаводской промышленности Урала, Кавказа и Донецкого бассейна, то здесь в 1905 г. было 333 случая стачек с 205 тыс. рабочих забастовщиков[48]). Таким образом, всего в вышеуказанных заведениях обеих категорий, по официальным данным в 1905 г. произошло 14.392 стачки, в которых приняло участие свыше 3.068 тыс. человек!

Известно, что наивысшие точки напряжения стачечного движения в других наиболее крупных государствах, за истекшее десятилетие, выражаемые в количестве рабочих, принимавших участие в забастовках, определялись следующими цифрами:

для С.-А. Соед. Штатов в 1894 г.	в	533.597 рабоч.
„ Италии в 1901 г.	„	430.353 „
„ Германии в 1905 г.	„	526.810 „
„ Франции в 1904 г.	„	271.267 „

[47]) В. Е. Варзар. «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г.». СПБ. 1908 г. Стр. 3, и его же: «Статистика и пр. за 1906—1908 г.г.». СПБ. 1910 г. Стр. 66 и «Приложения».

[48]) Там же, стр. 111.

Если же взять какой-либо год из десятилетия 1894—1905 гг., напр., 1900 г., то общее количество бастовавших рабочих в главнейших государствах выразится в след. размерах:

С.-А. Соед. Штаты	446,218 забастовщ.	Австрия	101,427 забастовщ.
Франция	222,769 »	Италия	94,883 »
Англия	135,145 »	Бельгия	32,445 »
Германия	131,888 »		
Всего	—		1,164,775 челов.

Из этих цифр видно, что "в течение последнего десятилетия по силе стачечного движения Россия в 1905 г. превзошла в пять раз Америку, Германию, в десять раз Францию и т. д., а абсолютный под'ем стачечного возбуждения превзошел более, чем в два раза общую сумму числа рабочих, бастовавших, напр., в 1900 г. в семи государствах мира с наиболее развитой промышленностью" [49].

Начавшаяся в 1906 г. в России свирепая правительственная реакция, нашедшая могущественную поддержку в надвинувшемся на страну экономическом кризисе, в первые моменты встретила энергичный отпор в рабочем классе. Но последний, несмотря на высокую степень революционной энергии, развившейся в нем в 1905 г., долго противостоять напору об'единившихся самодержавия и капитала не мог, и с 1906 г. его движение пошло на убыль. Об этом наглядно говорят след. цифры [50], относятся также к предприятиям, подчиненным надзору фабр. инспекции.

Годы.	Число стачек.	В % отношении к числу заведений.	Число стачечников.	В % отношении к общ. числу рабоч.
1906	6,114	42,2	1,108,406	65,8
1907	3,573	23,8	740,074	41,9
1908	892	5,9	176,101	9,7

Следующая таблица дает представление о тех мотивах, какие вызывали стачечное движение в 10-летний пред революционный период и затем в след. 4 революционных и послереволюционных года [51].

Причины стачек.	За 10 л. (1895 — 1904 г.) в сумме.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.
Заработная плата	1,071	2,679	1,933	685	283
	808,561	620,145	302.515	115,392	50,311
Рабочее время	385	1,317	338	154	97
	129,338	306,269	80,224	34,885	17,240
Условия быта и труда	131	191	218	99	37
	58,632	94,047	62,727	21,086	13.651
Профессион. и политические	169	9,781	3,613	2,634	473
	32,195	1839,348	659,658	568,181	94,799

[49]) В. Е. Варзар. «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г.». СПБ. 1908 г. Стр. 4.

[50]) В. Е. Варзар. «Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906—1908 г.г.». СПБ. 1910 г. Стр. 3.

[51]) Тэм же, стр. 47.

Если, приняв число рабочих-забастовщиков, как более постоянный признак, в каждый год за 100, выразить в процентах число бастующих по указанным четырем группам причин, то по годам картина представится в след. виде [52]):

	За 10 лет (1895—1904).	За 1905 г.	За 1906 г.	За 1907 г.	За 1908 г.
Рабочая плата	48,6	22,9	27,3	15,6	28,6
Рабочее время	30,0	11,3	7,2	4,8	9,8
Условия быта и труда . .	13,5	3,4	7,2	4,8	9,8
Профессион. и политич. . .	7,9	62,4	59,8	76,8	53,9

Отсюда видно, что стачечное движение, начиная с 1905 г. протекало при исключительном преобладании профессиональных и политических мотивов. Число участников этого рода стачек составляло значительно больше всего числа бастующих. Даже в 1907 и 1908 годах, когда безуспешность экономических требований, в силу неблагоприятной экономической кон'юнктуры, заметно уменьшила склонность к выступлениям со стороны рабочих, профессионально-политические мотивы продолжали занимать главное место в движении. 1905-й год тесно спаял рабочий класс с социал-демократией, и особенно, с ее левым крылом, большевистской фракцией. Это признает и официальный статистик стачечного движения, В. Е. Варзар. "По мере того, — говорит он, — как бесплодность забастовок с экономическими требованиями в последние два года являлась очевидной, — *овладевшее рабочими массами организованное руководительство со стороны* с тем большей энергией направляло рабочих на забастовки демонстративного характера" [53]).

Несмотря, однако, на героический под'ем и значительную степень сознательности рабочего класса, борьба его окончилась поражением.

Он устал, о чем наглядно говорят след. цифры стачечного движения за 1909—1911 года [54]):

Годы.	Число всех стачек.	Число всех стачечников.	Число политич. стачек.	Число участников политич. стачек.	% политич. стачечн. к общ. числу
1909	340	64,000	50	8,363	13
1910	222	46,623	8	3,777	8
1911	446	105,110	24	8,380	8

Начиная с 1905 г., когда рабочее движение достигло своего кульминационного пункта, сравнительно с каждым из предшествующих годов, падение и возвышение стачечной волны рисуется в процентах в след. виде [55]):

Годы.	Стачечное движение в целом.	Экономич. стачки.	Политич. стачки.
1906	— 62%	— 57%	— 64%
1907	— 44%	— 57%	— 17%
1908	— 77%	— 58%	— 83%
1909	— 64%	— 44%	— 91%
1910	— 28%	— 24%	— 55%
1911	+110%	+109%	+111%

52) Там же, стр. 48.

53) Там же, стр. 48.

54) Данные об общем числе стачек и стачечников за 1909 г. взяты у А. Ельницкого: «История рабочего движения в России». Ч. II. «XX-й век». (Птр. 1919 г. Стр. 144). Те же данные за 1910 и 1911 г.г. взяты из «Особого журнала совета министров» от 24 окт. 1913 г. (Арх. гос. совета. Дело 1913 г. по письму министра С. Тимашева). Остальные данные взяты у Л. Каменева: «Между двумя революциями». (М. 1923 г. Стр. 512—513).

55) Л. Каменев. «Между двумя революциями». М. 1923 г. Стр. 573.

Таким образом, стачечное движение с 1906 по 1911 г. неуклонно падало. Реакция 1906 — 1910 годов, т. е. в первые 5 лет своего безудержного господства прежде всего совершенно ликвидировала все политические и экономические завоевания, сделанные рабочим классом в героический 1905 г. С особой свирепостью она набросилась на профессиональные организации, создававшиеся в разгаре стачечной борьбы и руководившие ею, и почти целиком их разгромила.

В 1907 г. было закрыто 159 рабочих союзов, в 1908 г. — 101, в 1909 — 96, наконец, в 1910 г. — 86. За тот же период было отказано в регистрации 604 союзам! Такая участь постигла и профессиональную печать: за пять лет погибло свыше 100 периодических изданий [56]). Полный разгром рабочих организаций и свирепые репрессии за малейшее проявление какой бы то ни было общественной самодеятельности повели за собой в 1909 — 1911 гг. почти полное прекращение политических выступлений в рабочем классе.

Однако, затишье охватившее, рабочие массы России, было затишьем перед грозой. Уже к 1910 г., т. е. к моменту, когда внешне рабочее движение, в своей наиболее яркой форме стачек, свелось на нет, относятся и первые признаки так сказать внутреннего оживления в рядах пролетариата, или точнее, в рядах наиболее передовой его части.

В этом году благодаря энергии сознательных рабочих Петербурга после долгого перерыва снова появляются, наконец, социал-демократические газеты: сперва еженедельная "Звезда", превратившаяся затем в ежедневную "Правду", "Луч" и др., встретившие горячий отклик в самых широких массах пролетариата; последние начинают стремиться теперь ближе связаться и с думской социал-демократической фракцией. Одновременно с этим в стране снова начался промышленный под'ем, давший прочные основы возродившемуся уже в 1911 г. рабочему движению, опять принимавшему по преимуществу стачечный характер.

Движение это, начиная с 1911 г., неуклонно росло вплоть до второй половины 1914 г., т. е. до начала мировой войны, в самый канун которой оно, без сомнения, переходило уже в настоящую революцию, как это видно из таблицы на стр. 169.

При анализе помещенныхв в таблице данных, нам прежде всего придется отметить, что 1910 год является временем наибольшего упадка сил и энергии в рабочем классе; это особенно рельефно выразилось как в общем уменьшении числа всех стачек, так и в почти полном прекращении стачек политических. Немного лучшего в этом отношении принес и 1911 год. Русский пролетариат, изнемогший в борьбе с самодержавием и капиталом за 1905 — 1908 годы, следующие года — 1909 — 1911 гг. — почти не боролся, накапливая средства для нового взрыва. И такой взрыв произошел в 1912 г. 4 апреля 1912 г. по приказанию жандармского ротмистра Трещенко на Ленских приисках было убито 270 и ранено 250 рабочих. Отвечая на запрос по этому поводу в гос. думе, министр вн. дел Макаров произнес свою знаменитую фразу: "Так было и так будет впредь". "Ленский расстрел с ясностью, бросающейся в глаза всякому, — говорит Л. Каменев [57]), —

[56]) А. Ельницкий. Op. cit. Стр. 143.

[57]) «Между двумя революциями». М. 1922 г. Стр. 563.

ГОДЫ [1].	Число всех стачек.	Число всех забастовщиков.	Число потерянных рабочих дней.	ЭКОНОМИЧ. СТАЧКИ. Число стачек.	Число забастовщиков.	Число потерянных рабочих дней.	На одного забастовщ.	ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАЧКИ. Число стачек.	Число забастовщиков.	Число потерянных рабочих дней.	На одного забастовщ.
1910 [2]	222	46,623	256,385	214	42,846	252,636	5,89	8	3,777	3,749	0,91
1911 [2]	446	105,110	791,063	442	96,730	782,783	8,09	24	8,380	8,280	0,98
1912 [2]	2032	725,491	2,375,606	732	175,678	863,113	10,65	1,300	549,813	512,493	0,93
1913 [3]	2142	861,289	3,591,376	1,181	365,895	3,027,005	8,27	961	495,394	364,371	1,14
1914 [4]	3543	1,337,458	5,755,072	969	278,347	3,984,015	14,31	2,565	1,059,111	1,771,057	1,67

Примечания: 1) Цифровые данные в таблице касаются лишь предприятий, подчиненных надзору фабр. инспекции.

2) Сведения за 1910—1912 г.г. заимствованы из „Особого журнала Совета Министров" от 24 окт. 1913 г. Арх. Госуд. Сов. Дело 1913 г. по письму мин. С. Тимашева.

3) Сведения за 1913 и 1914 года заимствованы из месячных отчетов, составлявшихся в Мин-ве Торговли и Промышл. Арх. Госуд. Сов. Ук. выше дело.

4) Данные за 1914 г. касаются целого года. Но имея в виду, что в эти данные не вошло стачечное движение рабочих Варшавского округа, во-первых, и во-вторых, что наиболее грандиозные стачки происходили как раз в первые 7 до-военных месяцев года, наконец, в-третьих, что с августа по декабрь всего произошло лишь 68 стачек с 34,747 участниками, мы можем сказать, что приведенный для всего 1914 г. цифровой материал почти в полной мере относится как раз к интересующему нас до-военному периоду.

сразу вскрыл, как во имя эксплоатации рабочих сплетается в один отвратительный, кровью напитанный, клубок международный капитал, царский дворец, охранное отделение" [58]).

Рабочий класс России сразу вышел из своего оцепенения, выразив свой протест демонстрациями и стачками, охватившими Петербург, Москву, Киев, Харьков, Николаев, Саратов, Одессу, Херсон, Екатеринослав, Юзовку, Нахичевань, Ростов-на-Дону, Баку, Варшаву, Сосновицы, Белосток, Вильно, Сормово, Ригу, Гельсингфорс и ряд других городов [59]). В предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, в стачечном движении участвовало до 246 тыс. рабочих. "Ответ на ленский расстрел, по своему духу протеста и по единодушию рабочих, — говорит М. Ольминский [60]), — явился повторением того ответа, который был дан рабочими после расстрела 9 января в Петербурге. Стало ясно, что воскресает рево-

[58]) Прииски на Лене принадлежали «Ленскому золотопромышл. товариществу», знач часть акций которого была в руках англ., франц. и америк. капиталистов. а в состав правления входили бывший министр промышл. и торг. В. П. Тимирязев, директор госуд. банка Н. И Бояновский и член Горн. уч. комитета В. Н. Липин.

[59]) М. Ольминский. «До войны». Прилож. в брошюре Н. Батурина: «Очерк истории с.-д. в России». Изд. 4-е. Петр. 1923 г. Стр. 153.

[60]) Там же, стр. 154.

люция, задушенная 5 лет назад". Довольно грандиозные размеры приняло в этом году и празднование в России 1 мая, выразившееся в стачках, в которых участвовало до 217 тыс. рабочих в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции [61]). Всего же за 1912 г. в таких предприятиях, как это видно из вышеприведенной таблицы, было 2032 стачки с 725.491 участником. Если же прибавить к этому горнозаводские предприятия, то общее число забастовщиков выразится в сумме 1.062.720 чел., из которых в политических стачках участвовало 855 тыс., а в экономических лишь 207.720 чел. [62]).

До 1905 г. рабочее движение в России стихийно шло от экономики к политике. В годы первой революции оно стало вполне сознательным, слив воедино экономические интересы с политическими и приняв руководство социал-демократии. Реакция этого, единственно сохранившегося в рабочем классе, революционного завоевания уничтожить не смогла, и в 1912 г. борьба началась с того самого пункта, на котором она остановилась в 1907 — 1908 гг.: политические стачки составили вновь почти 75% всех стачек.

Резкий под'ем рабочего движения в 1912 г., с его ярко-революционной окраской, послужил толчком и для нового активного политического возбуждения в русском обществе. "В душной атмосфере общественной приниженности нудных годов послереволюционного периода,—писал по этому поводу Н. Быховский [63]), в атмосфере политической слякоти, третье-июньского представительства, торжествующего хамства и всеобщего, прямого, равного, кромешного и беспроцветного прозябания почувствовались возбуждающие освежающие токи. Среди темной ночи переживаемой реакции, среди "кровавых наветов" и кошмарных легенд средневековья, среди стонов, доносившихся из Нарымов и Турухансков, из Зерентуев и Акатуев и множества других подобных мест "последнего успокоения" российского гражданина, прозвучали вдруг подлинные, бодрящие голоса жизни". Таким образом, и в 1912 г. русский рабочий класс выполнил свою почетную роль — быть застрельщиком революции, которую до того он уже дважды с честью выполнил — в 90-е годы и в 1903 г.

Возродившись, рабочее движение, найдя благоприятную почву в новом расцвете промышленности, продолжало неуклонно расти в 1913 и 1914 гг., при чем сохранило тот же революционный характер, что и в 1912 г. Так, в 1913 г. в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, бастовало в годовщину 9 января 73 тыс. чел., в годовщину Ленского расстрела — 118 тыс., 1 мая— 196 тыс., а в 1914 г. соответствующие цифры дошли до 174 тыс., 132 тыс. и 321 тыс., при чем в этом году массовые стачки, кроме того возникли в марте из-за преследований рабочей печати, охватив до 223 тыс. рабочих, и в июле из-за событий на Путиловском заводе, вызвав движение 292 тыс. чел., при чем в Петербурге стачечная борьба перешла в баррикадную [64]). Для 1913 г. имеются сведе-

[61]) Арх. госуд. совета. Дело по письму мин. С. Тимашева.
[62]) «Отчет о-ва заводч. и фабрик. московск. промышл. района» за 1912 г.
[63]) «Север. Записки». 1913 г. № 1. Стр. 150.
[64]) Архив гос. сов. Дело по письму мин. С. Тимашева.

ния о рабочем движении и в других промышленных предприятиях. По подсчету о-ва заводчиков и фабрикантов Московск. района, всего в этом году бастовало 1.185 тыс. чел., из которых 820 тыс. участвовало в политических стачках; по сведениям же рабочей печати, первое число доходило до 2 милл., а второе до 1¼ милл. чел. [65]).

"Понадобился бы большой том, — говорит М. Ольминский, — чтобы подробно рассказать о росте рабочего движения и социал-демократии в России в годы перед войной: профессиональное движение, страховая кампания, вовлечение в движение работниц, формы и рост партийных организаций, избирательная кампания 1912 г., деятельность фракции в государственной думе и отклики рабочих на жизнь думской фракции, забастовки на экономической почве, принципиальные забастовки из-за некоторых острых вопросов рабочей жизни, стачки протеста против отдельных случаев произвола и насилия со стороны хозяев, правительства и думского большинства; далее очередные забастовки 9 января, 4 апреля, 1 мая, митинги, демонстрации и, наконец, открытая борьба на улицах Петрограда перед самым началом войны, — таковы были главнейшие проявления жизни сознательного пролетариата в те годы" [66]).

Нечего и говорить, что руководство в эти годы рабочим движением принадлежало исключительно большевикам: ликвидаторы к "стачечному азарту", как они называли активные выступления рабочих, относились с нескрываемой враждой. С большим опасением смотрела на завязавшуюся борьбу и буржуазия. "Мы идем к неизбежной тяжелой катастрофе", — говорил Гучков на происходившем в конце 1913 г. с'езде октябристов. "Вера в возможность мирного исхода уже утеряна" — вторил ему в феврале 1914 г. лидер кадетов Маклаков. Действительно, летом 1914 г. Россия вплотную подошла к рабочей революции, которую война, однако, отсрочила на два года, слишком.

Одновременно с мобилизацией, Петроград, игравший в движении 1912—14 г.г. исключительную роль, был об'явлен на военном положении. К шпионажу, провокации и охранке, оберегавшим самодержавие в обычное время, присоединился еще генеральный штаб. На пролетариат посыпались военно-полицейские кары: аресты и посылка на передовые позиции наиболее сознательных рабочих, полный разгром профессиональных организаций, просветительных обществ, рабочей прессы. Не мудрено, что в первые месяцы войны рабочее движение почти заглохло, но вскоре затем начало оправляться: количество стачек стало расти и среди них вновь появились политические стачки, число которых чем дальше, тем больше увеличивалось. Вот данные указывающие на рост стачечного движения за годы войны по месяцам [67]).

---

[65]) Л. Каменев. «Между двумя революциями». 1922 г. Стр. 578 — 579.

[66]) «До войны», в кн. Н. Батурина: «Очерк истории с.-д. в России». Изд. 4-е. Птр. 1923 г. Стр. 171.

[67]) Данные за 1914 — 1916 гг. взяты из упомянутого «Дела» в Архиве Госуд Совета; данные за январь 1917 г. взяты из № 6 — 7 «Архива Истории Труда в России». Стр. 188 — 189.

МЕСЯЦЫ.	Число стачек.	Число стачечников.	Число потерянных дней.	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТАЧКИ				ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАЧКИ			
				Число стачек.	Число стачечников.	Число потерянных дней.	На одного стачечника.	Число стачек.	Число стачечников.	Число потерянных дней.	На одного стачечника.
1914 г.											
Август . .	24	24,688	142,723	22	22,738	142,123	6,25	2	1,950	600	0,30
Сентябрь .	10	4,661	7,831	10	4,661	7,831	1,68	—	—	—	—
Октябрь .	9	1,153	1,285	9	1,153	1,285	1,11	—	—	—	—
Ноябрь . .	16	2,646	6,294	11	1,751	5,461	3,11	5	895	833	0,93
Декабрь. .	9	1,604	2,098	9	1,604	2,098	1,30	—	—	—	—
1915 г.											
Январь . .	20	8,853	16,733	14	6,814	14,760	2,17	6	2,039	1,973	0,96
Февраль. .	28	23,107	92,831	21	19,609	90,213	4,60	7	3,498	2,618	0,74
Март . . .	26	15,368	31,136	20	10,409	29,935	2,87	6	4,959	1,201	0.24
Апрель . .	104	35,727	263,667	103	35,507	263,447	7,41	1	220	220	1,00
Май . . .	162	59,055	212,294	149	57,732	211,372	3,66	13	1,323	922	0,69
Июнь. . .	164	80,054	228,173	162	76,930	226,165	2,94	2	3,124	2,008	0,61
Июль. . .	90	27,827	75,309	90	27,827	75,309	2,71	—	—	—	—
Август . .	76	54,625	102,456	26	10,696	41,109	3,84	50	43,929	61,347	1,39
Сентябрь .	184	113,866	224,482	69	26,245	82,484	3,14	115	87,621	141,998	1,62
Октябрь. .	79	77,992	337,123	71	75,935	334,842	4,41	8	2,057	2,281	1,10
Ноябрь . .	54	39,543	249,400	48	33.437	243,477	7,28	6	6,106	5,923	0,97
Декабрь. . .	47	17,077	51,820	46	16,118	51,248	3,18	1	959	572	0,59
1916 г.											
Январь . .	166	128.450	525,570	128	74,961	469,085	6,26	38	53,489	56,485	1,06
Февраль .	108	91,978	586,396	104	82,528	579,396	7,02	4	9,450	7,000	0,74
Март . . .	107	98,435	336,374	61	47,792	222,893	4,66	46	50,643	113,481	2,34
Апрель . .	157	112,449	372,838	150	96,302	295,052	3,06	7	16,147	77,786	4,82
Май . . .	154	118,198	769,227	153	117,448	768,477	6,46	1	750	750	1,00
Июнь. . .	123	100,329	595,888	118	90,459	581,357	6,43	5	9,870	14,531	1,47
Июль. . .	82	76,517	349,054	81	64,402	325,448	5,05	1	12,115	23,606	1,95
Август . .	104	46,919	155,620	97	38,491	147,920	3,84	7	8,428	7,700	0,91
Сентябрь .	88	46,850	166,868	88	46,850	166,868	3,56	—	—	—	—
Октябрь .	198	187,134	608,798	79	48,603	246,282	5,07	119	138,531	362,516	2,62
Ноябрь . .	66	39,456	83,719	51	28,579	74,473	2,61	15	10,877	9,246	0,85
Декабрь. .	57	39,649	98,966	57	39,649	98,966	2,50	—	—	—	—
1917 г.											
Январь .	267	232,025	776,366	н е и з в е с т н о.				н е и з в е с т н о.			

Из приведенной таблицы видно, что за последние 5 месяцев 1914 г. в среднем в месяц происходило в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, при том без Варшавского округа, рано занятого немцами, в 1914 г. по 13 стачек с 7.000 участников, в 1915 г.—уже по 77 стачек с 45.000 участников, в 1916 г.—почти по 118 стачек с 90.000 участников, наконец в январе 1917 г.—267 стачек с 232.025 участниками.[68]). Таким образом, рабочее движение за годы войны сначала значительно упало, но затем быстро оправилось и стало неуклонно расти. С другой стороны, на первых порах оно носило преимущественно экономический характер, но вскоре уже вновь восприняло и ярко - политическую окраску. За 5 последних месяцев 1914 г. политические стачки составляли всего 10,3%, в 1914 г.—уже 23%, в 1916 г.—около 18, а в январе 1917 г.—почти все стачки были сплошь политическими. Учитывая рост рабочего движения и его характер, бывший "легальный марксист", ставший правым кадетом, А. Изгоев, еще в июньском № "Русск. Мысли" за 1916 г. писал: "Если конституционных сил России окажется недостаточно для мирного государственного преобразования, то большевизм несомненно будет победителем"[69]). Против собственной воли, он оказался пророком[70]).

С. Вознесенский.

Кроме того, у нас имеются след. сведения о забастовочном движении в горных и горнозаводских предприятиях за 1915 и 1916 г.г. (То же «Дело» в арх. госуд. сов.).

	1915 г о д.						1916 г о д.		
	Число всех стачек.	Число стачечников.	Число потерян. дней.	Число стачек	Число стачечников.	Число потерян. дней.	На одного рабочего.	Число всех стачек.	Число стачечников.	Число потерян. дней.
Январь . .	2	1553	36,053	1	1,500	36,000	24,00	3	7,079,	49,072
Февраль . .	4	1822	1,953	1	1,134	1,049	0,97	10	2,581	5,489
Март . . .	9	7036	13,461					4	482	1,392
Апрель . .	7	2863	9,649					9	12,637	127,439
Май . . .	3	3953	17,479					59	36,436	271,600
Июнь . . .	—	—	—					33	12,813	73,853
Июль . .	2	277	544					3	1,027	2,285
Август . .	—	—	—					3	5,626	22,595
Сентябрь .	—	—	—					5	4,150	18,557
Октябрь .	1	35	35					4	341	710
Ноябрь . .	1	85	372					—	—	—
Декабрь. .	1	25	100					3	1,370	2,030

[68]) Цифры за 1915 г. имеются вполне точные. А именно, всего было стачек 928 с 539.528 участниками, при чем из этого числа 715 стачек экономических с 383.587 участниками, потерявшими каждый по 4,28 рабочих дней, 213 политических стачек, со 155.941 участником, потерявшими каждый по 1,42 рабочего дня. Что касается цифр за 5 месяцев 1914 г. и за 1916 г. то они носят приблизит. характер: в «Деле» прямых указаний нет, и приходится общие цифры получать путем сложения данных за каждый месяц. Т. к. стачки регистрировались по-месячно, то некоторые из них попали в подсчет дважды. Таким способом, для 1916 г. получается общая цифра стачек в 1.410 с 1.086.374 участниками, из которых 1.167 было экономических с 743.258 участниками, и 243 политических с 343.121 участником. В статье В. Васильевской в № 1 «Пролетар. Революция» за 1918 г. сведения, приведенные на основании агентурных данных департамента полиции, за 1915 г. совпадают с нашими, а за 1916 г. значительно расходятся. Так, всего она насчитывает 1593 стачки и из них политических 797. Это разногласие необходимо проверить.

[69]) Цит. по Л. Каменеву: «Между двумя революциями». М. 1922 г.

[70]) Автор детальнее осветит рабочее движение предвоенной и военной эпох в особой работе, имеющейся появиться в Записках Исслед. Института при Университете им. Зиновьева.

I Приложение.

Стачечное движение в предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. за 1895—1916 г.г.

ГОДЫ.	ОБЩЕЕ ЧИСЛО В ГОД.		% ОТНОШЕНИЕ К ОБЩЕМУ ЧИСЛУ.				Среднее число участников на одну стачку вообще.
			Политические		Экономические		
	Стачки.	Стачечники.	Стачки.	Стачечники.	Стачки.	Стачечники.	
1895—1904.	176	43,125	9,5	7,4	91,5	92,6	245
1905	13,995	2,863,173	68,0	62,4	32,0	37,6	204
1906—1908.	3,526	674,860	56,5	68,5	43,5	42,5	191
1909—1911.	342	71,967	8,0	9,5	92,0	90,5	210
1912—1914.	2,573	974,764	62,5	71,8	37,5	28,2	370
1915—1916.	1,169	812,951	20,9	30,2	79,1	69,8	695

ГОДЫ.	Число всех стачек.	Число всех стачечников.	Число стачек в год.	Число стачечников в год.
1895—1904	1,765	431,254	176	43,125
1905—1914	32,336	7,873,000	3,233	787,300
1915—1916	1,338	1,625,902	1,169	812,951

К истории ремесленного труда в древней Руси (10—15 в.в.).

IV. Каменное, гончарное и ювелирное дело *).

Умение древних руссов справляться с каменными работами характеризуется словами Даниила Заточника: "лепши есть камень долотити нежели зла жена учити или железо варити". Работа по камню приравнивалась древне-русским мыслителем к совершенно непосильному, или во всяком случае тяжелому труду, научить "злую" жену—добру. Летописные источники указывают первое время лишь на самые элементарные работы по камню. Так из камня делались идолы и простые предметы домашнего обихода. Работы более сложные, предполагавшие другие орудия труда, а следовательно и рабочих другой квалификации, производились долгое время под руководством иностранных мастеров. Так в 991 г. кн. Владимир "помысли создати каменную церковь св. Богородицы" и "послав приведе мастеры от Грек". Долго строилась эта церковь и много труда пришлось приложить греческим мастерам, чтобы совместно с русскими рабочими "совершить" ее в пять лет.

В интересах господствующих классов было строить прочные и бьющие на эффект храмы с целью—наглядно показать населению могущество и богатство молодой религии. Постройка каменных церквей приобретает массовый характер. На более ранних работах, руководимых иностранными мастерами, обучаются русские, и вскоре, как отмечают летописцы, заурядные постройки каменных церквей исполняются уже своими силами. Так, известие от 1089 г. говорит о многочисленных каменных работах, производившихся под руководством Переяславского митрополита Ефрема. Напр., он выстроил каменный город "и строенье баньное *(каменное)* сего же не бысть преже в Руси" и церковь св. Михаила [1]). Та же летопись сообщает, что в 1098 г. "заложи Владимир церковь каменну св. Богородицы, Переяславль, на княже дворе", в 1101 г. строит церковь в другом городе и т. д. Год за годом растет число каменных храмов и в 12—13 в.в. они уже сетью покрывают территории княжеств.

Церкви, часто случалось, не успев окончиться постройкой, рушились, или рассыпались через короткий срок. Так "свершиша церковь каменну... и за мало дни

*) См. «Архив истории труда в России», кн. 4 и 5.

1) Лавр. летопись.

рассыпася" [2]). Каменная церковь, построенная митрополитом Ефремом в 1089 г., рухнула в 1123 г., т. е. продержалась уже 34 года, а это был, ведь, первый опыт каменной постройки своими силами. Трудно установить по летописным данным нормальный срок постройки каменной церкви. Часто работы выполнялись в течение одной—двух недель, а иногда работа тянулась в течение нескольких месяцев и даже лет. В большинстве случаев церкви выстраивались в летний период. Часто в одном и том же городе начинали постройку сразу нескольких церквей и из-за недостатка средств, материалов и рабочих рук работы приостанавливались [3]).

Если в 10—11 в.в. постройка каменной церкви являлась событием настолько из ряда вон выходящим, что летописец уделял ему внимание и место в своем повествовании, то в конце 12 и в следующих веках каменные постройки были явлением настолько обыденным, что о них не считали нужным упоминать. Лишь в случаях особо исключительных, по замыслу ли, или по качеству работ, летописец останавливает наше внимание. Так, в 1199 г. была заложена каменная стена под церковью св. Михаила на Днепре. Стена эта являлась первым опытом подобной постройки, и поэтому летописец, указав на некоторые подробности, считает нужным отметить, что "о ней же мнози не дръзноуша *помыслити* от древних, али (тем более) не дѣлоу ятися" [4]). Заурядными явлениями являлись постройки: "вежи" (башни) по середине города—"вежа же среди города высока... подсоздата каменьем в высоту на 15 локот", каменных отделок и каменных же ворот для церквей [5]).

Каменные здания, главным образом—церкви, возводились по инициативе и на средства князей, должностных и духовного звания лиц. Так, "поставиши братеничи Юрьи посадник и брат его Яков церковь камяну". Случалось, что церковь строилась на средства купцов. Известие от 1431 г. указывает, что "земцы Бережскыи даху Пскову триста рублев в каменоу стену" [6]).

Каменные постройки требовали самого различного материала. Так "имаши две пещи на творение вароу (смолы) горяшти присно на зданье требьникоу нашемоу" [7]), или "повеле заложить (церковь) около кирпичем, а изнутрь белым каменем", "овии своды веряху, а иныі замыкаху своды, носящие же камень и известь, и древне носяху" [8]). Материал, необходимый для постройки, был дорог, и не каждый желающий мог без помощи имущих построить каменный храм. Потому "еще се бы кто захотел бы храм сотворить шед бы к богатым спросил от них от ового мрамора, от другого брьселая (кирпича)" [9]). Работы по камню не ограничивались, конечно, постройками каменных церквей, стен и пр. Следует отметить производство каменных гробов и гробниц—"по сем же вземше Глеба в раце камяне", "целовавши мощи, вложиша в раку камене" [10]). Обтесывание камня производилось довольно простым способом "валяти (обтесывать) камень на ся валить".

---

[2]) Новг. I лет. 1382 г.
[3]) Новг. I лет. 1195 г.
[4]) Ипат. лет. 1199 г., хлебный список.
[5]) Псков. I лет. 1473 г. Ипат. лет. 1259 г.
[6]) Пск. I лет. 1431 г.
[7]) Супр. р. 422.
[8]) Соф. I л. 1450 г.; Никон. лет. 1474 г.
[9]) Іе. екз. шест.
[10]) Лавр. лет. 1072 г.

Камень скоблили, гладили: "аще же требник от каменія отворити мне, да не гладиша сечивом...". Сечиво (секира) служило, таким образом, орудием для обработки камня. Выделывались каменные ящики и каменные доски для алтарей. Так, при освящении соборной церкви в Печерском монастыре не доставало каменной доски для престола. Но нашелся жертвователь, который и положил эту доску в алтарь [11]). В деяниях Петра и Павла так же упоминаются "четыре доски каменные гладкие".

Эти изделия—относительно простые. Ипатьевская летопись под 1259 г., описывая все достопримечательности построенного города Холма, среди многочисленных каменных изделий отмечает "столп", воздвигнутый около города—"столп камен, а на нем орел камен изваян, высота же камени десять лакот с головами же и подножками 12 лакот".

При постройках и других каменных работах в больших количествах употреблялась известь—"св. Софию... известью маза всю около". Однако, несмотря на богатый практический опыт, строитель терпел неудачи, так "но не разумеша силы в том деле, известь жидко растворяху с песком, ино не клеевить" [12]). Часто известь смешивали с другим материалом—"смолу и вапьно (известь) и воск разварити".

При постройках каменных церквей пользовались и мрамором, и это ставилось строителю в особую заслугу. Мраморный гроб—признак особого уважения и почета. Умер кн. Борис: "и вложиша в корсту мраморяну, схраниша тело его с плачем, блаженного князя" [13]). Мрамором пользовались еще ранее при изготовлении идолов: "и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, а *другии мрамаряны*, а иные златы и сребрены".

С древнейших времен камень являлся необходимым материалом для удовлетворения материальных и эстетических потребностей древнего русса. От неуклюжего каменного идола к художественно исполненному изображению орла, от простых каменных скамеек к сложным каменным постройкам, от слепого исполнения указаний иностранных мастеров к собственной инициативе, вот путь, пройденный русским каменным "здателем" и "зиждителем" (создатель, архитектор). Надо было долго учиться, внимательно следить за способами и приемами иностранных мастеров, чтобы иметь возможность впоследствии справиться с работами своими силами. "Всяко художество *вѣнутрь* оучимо бѣ: жижительское и кузньчьско, и камѣньное сѣчение" [14]). "Каменные здатели"—рабочие на каменных постройках, это особая группа ремесленников, о которых говорят и в законодательных актах и в духовных грамотах. Постройка церквей, принявшая в 12—15 в.в. огромные размеры, потребовала и соответствующей в этой области специализации. Духовные лица, принимавшие деятельное участие в насаждении церквей, соприкасавшиеся чаще с веяниями как Запада, так и Востока, были сведущи также и в вопросах каменного строительства. Потому летописцы так часто и говорят о руководящей роли духовенства при постройке церквей—"игумен Антон заложи церковь камяну,

[11]) Аристов, стр. 102.
[12]) Новг. I лет. 1151 г.; Соф. вр. 1472 г.
[13]) Лавр. лет. 1015 г.
[14]) Жит. Феод. ст. 100.

святыя Богородицы", "заложи Курьяк игумен и кн. Всеволод церковь камяну в Новгороде" и т. д. [15]). Но они не были профессионалами. Летописные же известия говорят и о других каменных строителях. В целях морального характера инициаторы постройки церквей порою вызывали дорогих иноземных специалистов-мастеров для руководства работами. "В то же лето поставиша заморстии (иностранцы) церковь камяну на Торговище", "церковь сделана камянная, а сверщина ее заморскии" [16]). Случалось, что строительные работы производились совместно иноземными и русскими мастерами —"того же лета постави владыка палату (каменную) во дворѣ у себя..., а мастеры дѣлали Нѣмецкие из Заморія с Новгородскими мастеры" [17]). Но начиная с конца 12-го века все чаще церкви строятся под руководством русских мастеров. Каменную церковь в Новгороде, в довольно короткий срок—с апреля по июль месяц, строил "мастер бяше с Лубяней улице Коровь Яковличь". В Новгороде же построил каменную церковь мастер "Вячеслав Прокшиниць, внук Малышев" и т. д. [18]).

Когда перед освящением Печерского монастыря оказалось, что кто-то тайно пожертвовал и положил доску на алтарь, игумен долго искал жертвователя и, наконец, решил послать три гривны серебра туда, "идѣже дѣлаются таковыя вещи... да тоя мастер возмет за свой труд" [19]). Следовательно, существовали специальные мастерские, в которых выделывались различные предметы из камня, необходимые при постройках церквей, стен, зданий или для других каких-нибудь целей. Более всего было развито каменное дело во Владимире, жители которого в значительном числе были каменьщиками-специалистами.

Кирпич шел в большом количестве на постройку печей. Древние памятники знают наименование "печные зижители", подразумевая ими специалистов по постройке печей. Однако, наибольшим распространением из глиняного производства пользовалась горшечная посуда. Тарелки, блюда, чаши и т. д. употреблялись или металлические (у имущих классов серебряные и золотые) или глиняные. Выделка горшечной посуды уходит в глубокие времена. Русские, повидимому, интересовались историческим прошлым этого производства, отмечая, что "скудельники гончары в стране Египетской замыслиша творити глиняны имуща скважия оузкы". О стеклянной посуде почти совсем нет никаких известий. Производство глиняной посуды считалось необходимым и важным также и в отношении "купли и продажи",—"Добро глиняные съсуды чинити, добро свадбы творити... добро купити и продати". Из глины делали самые различные сосуды. Мастеров называли "зьдарь", "глиньник" и т. д. Глину употребляли и при постройках —"часть глина желѣзо, а другая глина".

Глиняная посуда—горшки, кадильницы, корчаги и т. д., выделывались не только для удовлетворения потребностей данной хозяйственной единицы. Глиняные изделия шли на рынок. Так, в 992 г. в Новгород везли горшки на продажу.

---

[15]) Новгор. I лет. 1117, 1119 г.г.
[16]) Там же, 1156, 1207 г.г.
[17]) Там же, 1433 г.
[18]) Там же, 1188, 1196, 1211 г.г.
[19]) Аристов, стр. 102.

В 1146 г. Ольговичи взяли в Киеве глиняные кадильницы—"кацьи" [20]). Гончарное производство росло, крепло, облекалось в известные формы, и через некоторое время в Новгороде существовал уже специальный Гончарный конец, жители которого занимались исключительно глиняным производством. Ясно, что их производство было расчитано на рынок. Образцовые хозяйства имели свои гончарные мастерские, а среди великокняжеских несвободных или полусвободных людей мы найдем также и гончаров. "А, что наши люди деленыи, а они свои места и ухожаи ведают по старине и городские рыболовы, истобники, псари... и *гончары*" [21]).

Ипатьевская летопись, описывая одну из церквей, отметила, что "двери же ее двои украшены каменьем галичким белым и зеленым холмским, тесанным изрыты некимь хытрѣцемь Авдесмь" [22]). Следовательно, в целях украшения постройки употреблялись часто и редкие каменные породы. Способы изыскания их не были общедоступны и известны, и потому в указанном летописном сообщении раздобывший галицкий и холмский разноцветные камни и называется "хытрѣцемь". Из драгоценных и редких камней делались различные вещи—предметы роскоши. Древние памятники указывают, что русским были известны различные породы камней, как-то: акинт, аметист, ахайтис, акротома, антракс (рубин), бисер, достокан и т. д. Было известно, как и где можно добыть тот или иной камень. Так, рубин "зѣло грьвен есть", "обрѣтаеть издалечя бо акы доуплятица али акы оугль искрами мьчьште" [23]). Про бисер было известно, что он "бываеть в водѣ в скалках" [24]). Камень ахайтис отличался своей твердостью, благодаря которой, им легко делать узоры на других более мягких породах. Наибольшим распространением пользовался алмаз. "Алмаз же родиться в горе каменои, а продают же тоу гору каменоу локоть по две тысячи фунтов золотых" [25]). Алмаз назывался еще адамантом. Драгоценными каменьями украшали чаши, блюда, церкви и т. д. "Стол нѣмецкое дѣло, камень деманит на ношках серебренних" привлекал внимание. Повидимому, на Руси таких предметов не делали. В княжеских домах были предметы из драгоценных камней, вырезанные, разукрашенные и покрытые золотом. В значительном большинстве они были привезены из "заморских" стран. Русские умели обращаться с драгоценными и редкими каменьями и создавать из них предметы роскоши. Но древние письменные памятники не дают основания полагать, что эти работы проводились в широких размерах. На внутренний рынок сбывать удавалось, повидимому, очень немного. Внешний рынок был закрыт, так как сами драгоценные камни являлись заморским товаром, да и по художественному исполнению иностранные мастера стояли значительно выше русских.

V. Полотняное, шерстяное, суконное производство и др.

Еще в древнюю пору русские вырабатывали полотна, из которых шили себе одежду. Летописцы указывают, что в каждом хозяйстве производилась выработка

20) Там же, стр. 110.
21) Собр. гос. гр. и дог., т. I № 127. 1496 г.
22) Ипат. л. 1259 г.
23) Изборник 1073 г.
24) Сборник 15 в.
25) Путешествие Аф. Никитина в Индию.

материй. Среднее хозяйство и средние классы довольствовались материей собственной выработки, грубой, но прочной. Лишь лица господствующего класса шили себе одежды из заграничного материала. Греческие кружева, бухарские ткани, испанские ткани и сукна, выбойки (ткани с напечатанными узорами), самые разнообразные шелка с золотым и серебряным шитьем, ввозимые в Русь иноземными и своими купцами, находили покупателей на княжеском дворе. Среднему классу эти материи были не под силу, и понятно поэтому, что при разграблении княжеского двора горожане г. Боголюбска уделили золоту, серебру с одной стороны и дорогим "наволокам" с другой—одинаковое внимание [26]). Князь Олег, идя в Киев, вез с собой на ряду с золотом, вином, также и "узорочья" и наволоки [27]). Дорогие шитые золотом одежды -явление не заурядное, и потому летописец считает нужным отметить, что "бѣ Якун сълепь и луда бѣ у него золотом неткана" [28]).

Население пользовалось полотном собственной выделки. Этим были заняты главным образом женщины. Летописи передают поученіе царя Соломона, которое в главе "о добрых женах" говорит, что каждая хозяйка "обретая" волну и лен "сотворит благопотребная руками своими" и уподобится кораблю "куплю деющи" [29]). Поученіе царя Соломона не противоречило русской действительности. Русские женщины много времени уделяли выработке различного рода материй. шили платье, "копытьца" (чулки) и т. д. Лен и конопля издавна разводились русскими. В монастырях, в крупных и мелких хозяйствах одни был занят обработкой сырого материала, другой—шитьем платья, белья и т. д. В житие Феодосия говорится, что иноки сами пряли и ткали себе одежду. Антимине—освященный плат из льняной ткани, вырабатывался исключительно в монастырях [30]). Монастыри пользовались, конечно, также и трудами своих крестьян—"а лен даст игумен в села, а они прядут" [31]). Материю выделывали не по мере необходимости, а постоянно, между делом. Так, в житиях Феодосия говорится: "Оному же (Феодосию) псалтырь оусты поюще тихо и роукамы прядоуюю вълноу, или иное какое дело делающе [32]). Монахи занимались различными ремеслами не только в целях удовлетворения своих личных потребностей, но также в целях продажи на сторону предметов своего производства. В отношении разного рода тканей наблюдается та же картина—"сядяше прядяи вълноу на сплетение копытцем", а затем "и роукамы своими дѣлахоуть дѣло, ови ли копытьца плетоущи и клобоуки, и ина роучьная дѣла строяще, и тако посяще в град продояху, и тем жито коупяхоу" [33]).

Выражения "жена добра оучини персты своя на веретено", "локти же свои оутвержае на веретено" сплошь и рядом встречаются в поучениях и других письменных документах древней Руси. Пряли и ткали почти все. Жители носили одежду главным образом своего производства. Полотно, холст обрабатывались теми же способами, как в настоящее время в деревнях. Белением холста занима-

[26]) Лаврентьевская лет. 1175 г.
[27]) Ипатьевская лет. 907 г.
[28]) Лаврентьевская лет. 1024 г.
[29]) Лаврентьевская лет. 980 г.
[30]) Псковская лет. 1149 г.
[31]) Уст. гр. М. Кипр. Конст. Мон. 1392 г
[32]) Нестор. Житие Феодосия 16.
[33]) Там же, 9.

лись также и специалисты—белильники, бельники. Белые одежды приготовлялись посредством валяльных головок. Беление холста, повидимому, не было абсолютно совершенно. Так в одном из известий 1117 г. говорится—"быша ризы его блщашася бѣлы зело, ако снег, а цѣх же не можеть бѣлильник на земли тако обѣлити" [34]). Изготовлялись "вареги"—вязаные рукавицы. В 16 в. мастера, их выделывавшие, назывались варежниками—"Я Богдан Тимофеев сын, варежник" [35]).

Разведение льна и пеньки было обложено податью. Еще кн. Владимир дал духовенству десятину от всякого жита. Начиная с 12-го века налоги со льна брались различно: как изделиями (полотенца, скатерти, неводы и т. д.), так и общими для всяй промышленности единицами—"а то княже имати по 20 векши отъ ладье и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба" [36]).

На Руси вырабатывались также и грубые сукна. Согласно правилам, в монастырях нельзя было носить одежду из иностранного сукна. В 1115 г., когда произошла задержка в работах по постройке церкви—"повеле Володимер метать наволоки, фофудью и орничь людем сильно налягшим, а быша легко дошла церковь" [37]). Орничь—суконная ткань, а фофудья—шерстяна. Повидимому, выработка суконных и шерстяных изделий была не так развита, как полотняных. Это можно заключить из того факта, что кн. Владимиру удалось уговорить плотников продолжать прерванную работу лишь раздачей сукон и шерстяных материй. Следовательно, в них ощущался недостаток. Из суконных и шерстяных материй шились одежды разных родов носящие в письменных памятниках самые разнообразные названия [38]). Полотняный и холстяной материал из заграницы не привозился, ибо он вырабатывался своими силами и в количестве, вполне удовлетворяющем потребность населения. Шерстяные материи, сукна и шелка употреблялись первые—в большинстве, а вторые—исключительно заграничные. Следует отметить, что из шерсти русские делали высокие шапки—"клоубоки". Валяльным искусством русские владели вполне; так путешественник Рубриквис прямо указывает, что русские носили высокие валеные шапки [39]).

В крупных хозяйствах, при значительном потреблении разного рода материй, нельзя было ограничиться женским трудом. Княжеский двор не мог удовлетвориться доморощенными тканями и шитьем самой хозяйки и ее сподручных. Требовались специалисты, которые могли бы одеть князя подобающей его положению одеждой. Нужны были мастера—портные. И действительно, по духовной грамоте, кн. Ив. Юр. Патрекеевич завещает своей жене Авдотье среди прочих людей также и "Куземку Ермолина—сына Пашукова портного мастера с женою и с детьми" [40]).

Кожевенные изделия вырабатывались на Руси издавна. Различные предания указывают на уменье древних руссов изготовлять кожанные сапоги, ремни, седла, колчаны (кожанные) для стрел и т. д. Несмотря на то, что русским были давно

[34]) Мр. IX. 3 Мст. ск. д. 1117 г.

[35]) Поручн. 1592 г.

[36]) Собр. гос. гр. и дог., т. I. Договор Новгорода с князьями г.г. 1264, 1265, 1270. 1307 и т. д.

[37]) Лаврентьевская лет. 1115 г.

[38]) О роде одежд и их названиях см. Аристов, стр. 138 и сл.

[39]) Аристов, стр. 142.

[40]) Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 130.

известны кожанные сапоги, они преимущественно носили лапти. Лесу было в достаточном количестве и его выделка была значительно легче обработки кожи. Кожа шла на выделку других изделий и промысел этот подвергался налогам. В Новгороде жили мастера, специально занимавшиеся дублением и выделкой кож. Так в бою со шведами пал со стороны новгородцев "Дрогило Нездылов сын кожевника"[41]. В 13 веке зажиточные слои носили башмаки ("высотупцы: бачмачи або пантофли"), которые назывались чоботами и черевиками. Больше того. Летописец под 1451 г. сообщает, что в Пскове произошел большой пожар—"загореся от кутня костра от Боркове лавице от хитре от кожевника"[42]. Следовательно к концу 15 в. в Пскове уже существовали кожевенные лавки-мастерские, а это в свою очередь указывает, что кожевник-ремесленник работал совершенно самостоятельно, со своим материалом.

В стенах большого города почти всегда жили на ряду с другими ремесленниками также и кожевенных дел мастера. Они выделывали сапоги, седла, лучники и т. д. Так построив храм кн. Даниил призвал среди различных мастеров также мастеров седельницы и лучницы и тульницы и т. д. Они селились в самом городе и в его окрестностях. Из кожи делались мелкие предметы, необходимые в повседневной жизни: уздечки, сбруя, пояса, барабаны и т. д. и т. д.—дело рук кожевенников. Письменные памятники мало дают материала в отношении этого промысла. Но это об'ясняется не его слабым развитием, а его серым будничным характером, в силу чего летописец и не находил нужным уделять внимание кожевенному производству.

VI.

Слабо развитое в древней Руси земледелие обусловливало в свою очередь развитие ремесленных форм производства. Изолированное хозяйство не могло процветать материально. Требовалось тесное постоянное общение с другими хозяйствами. Слабо развитая техника определяла формы общественной жизни. Поэтому начало исторической жизни русских племен и характеризуется изолированным хозяйством. Орудия труда были слишком примитивны, чтобы преодолеть природные условия, препятствовавшие общению различных групп. Развитие техники своим необходимым следствием имело налаживание общения не только между различными группами, племенами, но также и другими народами. Связь различных общественных групп выражалась прежде всего в обмене продуктов труда, т. е. устанавливалась трудовая связь. Согласно закону постоянного движения и постоянного нарушения равновесия между обществом и природой и восстановления нарушенного равновесия на новой основе, исторически необходим был переход от изолированного, семейного или племенного хозяйства к хозяйству ремесленному. Идеологи древней Руси это изменение в хозяйственной жизни предвидели и поэтому летописец еще под 980-м годом приводит поучение, которое, повидимому, поддер-

[41]) Новгородская I лет. 1240 г.
[42]) Псковская I лет. 1451 г.

живалось мыслителями того времени. Одна из глав этого поучения говорит, что каждая хорошая хозяйка должна расширить свое домашнее производство с целью сбыта на рынок. В этом же поучении далее указывается, что предметы, сработанные хозяйкой и ее рабынями, нет надобности переправлять в другие страны. Они легко сбываются у крыльца дома [1]). Другое поучение прямо говорит, что изделия следует носить на продажу, на рынок, так как на вырученные деньги—"жито коупяхоу" [2]). Таким образом об'ективные условия требовали перехода к новым хозяйственным формам.

В 10-м веке этот переход только обозначался, но во всяком случае производство с целью сбыта из расчета на рынок идеологически было признано. Доминирующего значения в хозяйственной жизни оно еще не получило. Курганные раскопки показывают, что некоторые предметы первой необходимости безусловно местного происхождения изготовлялись в больших количествах. Так как производство топоров, клещей, скобок, гвоздей и т. д. и т. д. было неудобно для каждого хозяйства отдельно, то, конечно, можно полагать, что эти предметы поступали в хозяйство путем обмена. Археологические данные определенно указывают на эмальерные изделия высокой художественности и техники, которые безусловно подтверждают существование в то время хорошо оборудованных мастерских. Письменные источники также дают много указаний, что в 10—11 в.в. развитие ремесла сильно двинулось вперед. Летопись под 986 г. сообщает, что "дьявол в большое прельщение вверже человека и начаша кумири творити ови древяны, ови медяны, ови мраморяне". Ясно, что не каждый житель мог сделать медного идола. Нужно было знать свойства этого металла, уметь с ним обращаться, нужно было, наконец, иметь *специальные орудия труда*. Следовательно, лишь отдельные лица могли выполнять такие работы. Возможно, что работа по металлу не являлась их единственной специальностью и, сделав изображение бога, они продолжали свою жизнь не отлично от других. Но скорее можно предположить, что человек, сделавший медного кумира, занимался выделкой самых, может быть, разнообразных, медных предметов вообще. В 10-м веке наблюдается известная специализация, которая постепенно выделяется все резче и резче и приходит в конце концов к ремесленным формам.

В специальной главе мы уже рассмотрели в какие формы вылилась работа по дереву. "Древоделы", "древянные здатели", "строители" и т. д.,—все это наименования, присущие лицам, производившим по дереву самые разнообразные работы. Когда Новгородцев насмешливо называли "плотниками"—это говорит о том, что значительное количество новгородцев занималось отхожим плотническим промыслом. В таких случаях мы имеем дело с ремесленниками, работающим с материалом потребителя, в "избе" заказчика. Здесь ремесла в чистом виде нет, оно имеет значение побочного занятия. Но постройка кораблей находилась уже в руках специалистов. "Корабличий" это квалифицированный рабочий, мастер, ремесленник. На ряду с существованием отхожего промысла мы встречаемся и с фактами чисто ремесленного производства. В 1092 г. вследствие эпидемии в одном Киеве

[1]) «Архив истории труда в России», кн. 4, стр. 47.

[2]) Там же.

погибло свыше 7000 человек. Гробовщикам было очень много работы и в течение двух месяцев они изготовили и продали свыше 7000 гробов. Здесь мы сталкиваемся с ремеслом в его чистом виде, с производством из своего материала.

Но кроме того рабочие по дереву организовывались в специальные артели, братии. Они имели своего старшину, который принимал и сдавал работу, являлся руководителем и ответственным лицом. Такие артели составлялись не случайно, по мере надобности, а существовали организованно и более или менее постоянно. Так, в 1420 г. Псковичи "наняша мастера Федора и дружину *его* побивати церковь" [3]). Значит мастеру Федору при получении заказа не пришлось набирать людей. Они были раньше, организованные в дружину, артель. Эти организации имели *свои* орудия труда, свой материал. Так, в 1435 г. Псков, порядившийся с плотниками на постройку нового моста, условился, что балки поставляются рабочими (ремесленниками), а быки и дубовый лес—городом.

Таким образом в отношении плотнического ремесла мы различаем две формы: *первая*—ремесленник работает в "избе" заказчика с его материалом—отхожий промысел, и *вторая*—постоянные плотнические артели с мастером-руководителем во главе и ремесленники одиночки. Первая форма—это форма отживающая, преходящая, существующая постолько, поскольку новый хозяйственный уклад находится еще в стадии развития. Плотнические артели—это организации нарастающего ремесленного хозяйства.

Все известия, говорящие о постройке каменных церквей и др. зданий, предполагают известный кадр рабочих - каменьщиков. Не всякий умел работать по камню, тем более, что приведенные выше (гл. IV) слова Даниила Заточника характеризуют эти работы, как особенно сложные. 10-й век знает лишь иностранных мастеров, которые и руководили первое время каменными работами. Но постепенно создается свой кадр ремесленников-каменьщиков и работы по камню освобождаются от иноземного руководства. И как Новгородцев укоряли плотническим ремеслом, так Владимировцев укоряли каменным—"то суть наши холопе каменьнице" [4]). И действительно, летописи указывают, что каменные строительные работы раньше всего привились именно в г. Владимире. Поэтому здесь и создался отхожий каменный промысел. Постройка каменных зданий обусловливала наличие ремесленников и других специальностей. Нужна была смола, известь, кирпич и т. д.—нужны были и соответствующие ремесленники. Производство каменных гробов, ящиков, досок для алтарей и др. более сложных предметов также предполагает существование специальных мастеров.

Существование отхожего промысла отнюдь не отрицает развивающееся ремесленное хозяйство. Так, мы знаем, что для Новгорода отхожим промыслом было плотничество, но вместе с тем в Новгороде же жили высоко квалифицированные ремесленники других специальностей, наприм., каменного дела: в Новгороде строил каменную церковь "мастер бяше с Лубенци улице Коровь Яковличь" или "мастер Вячеслав Прокшиниць, внук Малышев" [5]). Известие от

[3]) Псковск. II лет.
[4]) Ипат. лет. 1175 г.
[5]) Новг. I лет. 1188, 1196, 1211 г.г.

1433 г. говорит о постройке каменной палаты усилиями новгородских мастеров. В Новгороде жили специалисты каменьщики, которые, судя по ссылкам летописцев на имена ответственных мастеров, были организованы в артели. Но и в каменном деле мы можем установить дальнейшую специализацию. Так, каменные доски для алтарей выделывались специальными мастерами [6]).

Ранее других приобрело чисто ремесленные формы гончарное производство. Еще в 992 г. новгородцы везли глиняную посуду (горшки) на продажу. Понятно, что в этом случае ремесленник работал со своим материалом. Гончарное дело, уходящее в глубокие времена, было широко развито. Глиняная посуда являлась предметом первой необходимости и поэтому еще очень ранние известия указывают на существование специальных ремесленников—"глиньников", "скудельников" и т. д. В Новгороде существовал особый гончарный конец. К сожалению, нет определенных данных, которые указывали бы на формы организации ремесленников-гончаров. Можно лишь предположить, что раньше других развившееся оно и ближе других подошло к совершенным формам ремесла.

Выработка полотняных, шерстяных и т. п. изделий носит яркий отпечаток производства с целью сбыта. На лен и коноплю был установлен особый налог. Шили платье, белье, вязали чулки, валяли шерсть, выделывали сукна, полотна и т. д., а потом несли продавать на рынок. Ремесленник работал со своим материалом, из расчета на потребительскую емкость рынка. Следовательно, здесь мы имеем дело с чисто ремесленными формами производства—"ови ли копытца плетоущи и клоубоуки... и тако носяще в град продаяху, и тем жито коупяхоу". Здесь определенно выявляется производство с целью сбыта и поэтому говорить лишь о зачатке ремесла не приходится. В данном примере мы сталкиваемся с совершенно развившейся ремесленной формой производства. Более того, выше (гл. IV) мы указывали на наблюдавшуюся специализацию в выделке различного рода материй, шапок, рукавиц и т. д.

В повседневной жизни требовались различного рода кожаные изделия. Летописные данные не оставляют никаких сомнений, что древняя Русь знала специалистов—кожевников. Более того, мы имеем весьма ценные данные, указывающие на совершенную ремесленную форму этого производства. Так, в 1451 г. в гор. Пскове большой пожар начался в *лавке кожевника* — "загореся от кутня костра от боркови *лавице от Хитре от кожевника*". Это известие определенно указывает, что ремесленник работал со своим материалом и не по заданиям отдельного заказчика, а согласно требованиям *рынка*.

Металлическое производство имеет больше всего примеров, указывающих на его ремесленный характер. Обработка меди, железа и др. являлась наиболее сложной, требовала применения технически более усовершенствованных орудий труда, а, следовательно, и формы производства должны были быть другие. Наличие мастерских-кузниц подтверждается еще словами Даниила Заточника "не огнь творит разжение железу, но надыманне мешное", т. е. огонь в кузницах раздували мехами. В 12-м веке кузнецы сосредоточились около городских ворот, которые и стали называться "кузнечими". Кузнецкая улица была и в Пскове. В Курске

[6]) Аристов, стр. 102.

также жили кузнецы и потому Феодосий, когда заказывал вериги, мог выбирать—"шед к единому от кузнецы". Орудия труда были настолько сложные, добыча металлов предполагала такие затруднения, что каждое хозяйство не могло самостоятельно производить необходимые ему металлические изделия. Условия производства требовали его сосредоточения в руках специалистов и его наиболее детальной специализации. Одни ремесленники работали по олову, другие по свинцу, третьи по меди и т. д.

Летописи говорят о "братии множества реместв различна, швець, кузнець, древоделя". Кузнец—наименование более широкое, обнимающее работников по металлу вообще. Древняя Русь знает также и другие специальные наименования: коваль, котельник, укладник, оловяник и т. д. Территориальное сосредоточение ремесленников по металлу предполагает наличие артелей, братий с выдающимися мастерами во главе. В металлическом производстве специализация достигла особо значительных размеров. Литье колоколов, выделка замков, оружия, чеканка монет и т. д. находились в руках отдельных специалистов и об'ясняется это требованием применения специальных, необходимых для производства данного предмета, орудий труда. По этим же причинам металлическое производство не создало отхожего промысла. В древней Руси полотна выделывают почти все, но очень немногие, сравнительно, работают по металлу. Интересный пример дает летопись под 1420 г. Псковичи наняли "мастера Θедора и дружину его побивати церковь св. Троицы свинцом". Но оказалось, что специальная артель ремесленников металлистов под руководством опытного мастера не умеет лить свинцовые доски. Посылали в Юрьев за немецким мастером, но тот отказался приехать. Наконец, приехал мастер с Москвы и "научи Θедора мастера" этому сложному делу [7]). Применение при производстве отдельных металлических предметов специальных орудий труда необходимым следствием имело и специализацию труда.

"Быстрее всего развиваются и достигают экономически совершенной формы не ремесла, обслуживающие обыденные потребности, а производство предметов роскоши" [8]). И действительно, производство серебряных и золотых изделий, художественных предметов из драгоценных камней рано преследовало цель сбыта на рынок. Многоразличная золотая и серебряная церковная утварь, чаши, блюда и др. предметы княжеского хозяйства, предполагают тонкое подразделение ремесленников золотых и серебряных дел по специальностям. Работа мастеров золотых и серебряных дел имела повидимому такое значение в экономической жизни княжеств, что представлялось необходимым установить специальный налог с "серебряного литья". Многочисленные указания на предметы Парамшина, Макара и Шишкина "дела" предполагают наличие у этих ремесленников специальных мастерских. Парамшин делал главным образом золотые и серебряные иконы, Шишкин и Макар специализировались главным образом на отделке золотых и серебряных поясов и других украшений, усыпанных драгоценными каменьями. Названные мастера считались особо выдающимися. Но кроме них работало, конечно, много и других "серебряников". Еще в 996 г., когда дружина кн. Влади-

[7]) Псков. II лет. 1420 г.

[8]) М. Н. Покровский. Очерки русской культуры. Ч. I, стр. 82.

мира потребовала замены деревянных ложек серебряными, Владимир "повеле исковати лжице серебряные ясти дружине". Ясно, что один мастер не мог выполнить такой крупный заказ. Следовательно, или существовали организации этих ремесленников или их было сравнительно много и работали они в одиночку. Ювелиры древней Руси выделывали предметы ценные, предметы роскоши и поэтому количественно круг потребителей был более узок, чем у ремесленников других специальностей. Поэтому мастеров этих было меньше, работали они исключительно по своей специальности, об отхожем промысле не могло быть и речи. Сложность и тщательность работ, тонкие технически сложные орудия труда обусловливали существование мастерских с ремесленниками-специалистами.

Правовое положение ремесленников было самое различное. Мы знаем ремесленников абсолютно свободных, полусвободных и несвободных (холопов). Свободные селились в городах, образовывали артели, братии, мастерские. Мастера полусвободные и несвободные жили на монастырских и княжеских землях. Они исполняли работы по заданию и это входило в круг их обязанностей. Надо отметить, что монастырские и княжеские ремесленники работали не случайно, между делом, а специально. Стереотипная фраза княжеских договорных грамот—"а кого собе, Господине, вымешь огородников и мастеров и тебе князю Великому и твоей братии два жеребья, а мне треть",—указывает на зависимое положение княжеских ремесленников с одной стороны и на то значение, которое придавалось ремесленным формам производства с другой. И это понятно. Князь прежде всего крупный хозяин. Но отличительной чертой крупного хозяйства является производство не только в пределах своих потребностей, но также и с целью сбыта на рынок. Плотники, трубники, кузнецы, золотых и серебряных дел мастера, жили на княжеских землях в значительных количествах. Это было выгодно. Княжеские ремесленники производили не только на князя, но и на частного потребителя. А это должно было давать известный доход и княжеской казне. Во всяком случае княжеские духовные не оставляют сомнений, что мастера, жившие на княжеских землях, не влачили жалкого существования, а в трудные минуты ссужали князя довольно крупными суммами. И это явление довольно обыденное. Но вместе с тем ремесленники являлись также и холопами князя и переходили по завещанию к другим владельцам.

На ряду с ремесленниками—полными холопами жили и ремесленники полусвободные, подчинявшиеся общим правовым нормам для полусвободных людей. Монастыри те же крупные хозяева и на их землях также живут рабы (клевреты)—ремесленники и полусвободные.

К сожалению, летописные известия не дают никакого материала для выяснения норм оплаты ремесленного труда. Все имеющиеся сведения носят отрывочный, случайный характер и систематизировать их не представляется возможным. Платили и 400 р. и 40 р., платили и ногату и куну, платили деньгами, материалом, продуктами.

Русские мыслители 10-го века ясно сознавали необходимость перехода к ремесленным формам хозяйства. Практически этот переход в 10-м в. лишь начал определяться. Если 10-й век признает ремесленные формы, главным образом, лишь идеологически, то 13-й в. признал этот переход уже практически. Построив в 1259 г. гор. Холм, кн. Даниил начал призывать в новый город ремесленников

самых различных специальностей. Жизнь города представлялась немыслимой без производственных мастерских. Ремесленным хозяйством сменилось к этому времени изолированное, семейное. Город и ремесленики являлись уже понятиями неотделимыми. Фактически этот переход совершился ранее. В 10-м веке гончары представляли собой чистый вид ремесленников. Они работали со своим материалом и на рынок. Переход к новым хозяйственным формам совершается постепенно и ремесленное хозяйство вовсе не предполагает абсолютного исчезновения старых хозяйственных, экономических отношений, напр., производства из расчета на себя. Как при капиталистическом строе могут существовать и существуют ремесленники, так и при ремесленных формах не только могло, но и должно было еще существовать "производство на себя". И поэтому неправильно утверждение, что, так как в монастырях, например, выделывалась одежда, которую носили сами же производители, то этим отрицается уже существовавшее ремесленное хозяйство. Одно другое не отрицает. В России на ряду с фабриками и заводами работают ремесленники и кустари (сапожники, портные и т. д.) и однако никто не станет отрицать, что мы живем при капиталистических формах хозяйства. *В 10-м веке в древней Руси совершился переход к ремесленному хозяйству.* Ремесло развивается и расширяется. Оно носит сперва как будто случайный характер. Постепенно ремесленники образуют артели, братии. Создаются мастерские. От работы с материалом заказчика ремесленник переходит к своим мастерским, к своим орудиям труда, к своему материалу. Мастерская является в то же самое время и лавкой. И это одинаково относится как к ремесленным артелям, ремесленникам-одиночкам, так и к мастерам полусвободным и несвободным, живущим на монастырских и княжеских землях. Ремесленное хозяйство ширится и развивается до тех пор, пока оно не достигнет максимума своего развития. Когда это случится, тогда значит назрели условия для перехода к новым хозяйственным формам. В период своего доминирующего значения ремесло развивается беспрерывно. И в этот период на ряду с новыми хозяйственными формами эволюционным путем сменившими старые, последние не могут сразу исчезнуть. Они существуют еще долгое время, потеряв лишь свое доминирующее значение. И поэтому нет ничего ненормального в факте существования старых хозяйственных форм; форм изолированного хозяйства на ряду с ремесленным. Первое абсолютно не отрицает второго. В 10-м веке переход к ремесленному хозяйству был признан идеологически, а практически лишь начался. Дальнейшее развитие ремесел шло не случайно или механически, а вполне сознательно. Охранение деятельности ремесленников ярлыком хана Узбека [9]), призвание мастеров-ремесленников в только что построенный город Холм, культивирование ремесла в крупных монастырских и княжеских хозяйствах, указания различных поучений на всю важность тщательного изучения способов того или иного производства, постоянное приглашение иноземных мастеров для обучения русских, лишь подтверждает, что именно в период 10—15 в.в. экономическую структуру русского общества можно определить термином—ремесленное хозяйство.

Вл. Юл. Гессен.

[9]) В. Григорьев. О достоверности ханских ярлыков, стр. 116.

Положение рабочих на постройках Главного Общества Российских железных дорог.

В предыдущих наших очерках [1]) мы охарактеризовали быт и условия труда рабочих при постройке первой нашей магистральной железной дороги между столицами. С постройкой этой железной дороги закончился первый период истории железнодорожного строительства в России. Крымская война показала недостаточность у нас усовершенствованных путей сообщения. Тяжелое же состояние государственных финансов не позволяло продолжать казенное строительство железных дорог. Силою самых обстоятельств пришлось привлечь частный капитал. На сцену выступили французские капиталисты, которые организовали Главное Общество Российских железных дорог. Этому обществу даны были концессии на постройку железных дорог: С.-Петербурго-Варшавской, Московско-Нижегородской, Севастопольской и Либавской. Описанные нами ранее картины эксплуатации труда рабочих при постройке С.-Петербурго-Московской жел. дороги являлись продуктом наших национальных особенностей. Дорогу строили русские инженеры и русские подрядчики. Непосильное бремя, которое налагал на рабочих нормальный договор, создавало такие условия труда, что рабочие в конце концов сбегали с работ, и ничем их нельзя было вернуть. Побеги законтрактованных рабочих являлись формой протеста их против системы угнетений.

Что же нового внесли в это дело просвещенные французы? Оказывается, что стремление к наживе и у них было настолько сильно, что культурность их не помешала установить на линиях Главного О-ва Российских ж. д. такие же каторжные условия труда, как и на СПБ.-Московской ж. д., несмотря на то, что постройка железнодорожных линий Главного Общества совпала с моментом освобождения крестьян от крепостной зависимости. Это обстоятельство только способствовало увеличению числа недоразумений между трудом и капиталом. Отметим случаи более крупных волнений рабочих [2]).

В ноябре 1859 года шеф жандармов князь Долгоруков писал главноуправляющему путей сообщения Чевкину о недостатке полицейского штата на линии работ Московско-Нижегородской железной дороги и о необходимости учреждения особой

---

[1]) «Архив истории труда в России», кн. 3 и 5.

[2]) Архив путей сообщения. Дело № 148 канцелярии деп. ж. д. м. п. с. 1858 г. «О назначении конных казаков для удержания порядка между рабочими по линии СПБ—Варшавской ж. д. между Динабургом и Режицою».

жандармской команды для удержания рабочих в повиновении; особое внимание уделялось тому обстоятельству, что среди "стечения большой массы народа — весьма много иностранцев" и что это еще более может усложнить дело. "Беспорядки на Московско-Нижегородской железной дороге заключались в следующем: рабочие, в 20-ти верстах от Владимира, подрядившиеся по словесному договору работать с 1 мая по 1 ноября, оказали неповиновение подрядчикам и в числе 79-ти человек явились к владимирскому гражданскому губернатору с жалобою, будто бы, на дурное их содержание и обременение работами, отказываясь от дальнейших работ. Как по собранным сведениям означенная жалоба не вполне подтвердилась, то рабочим сделано внушение, и из них 50 человек возвратились добровольно на работы, а остальные 29 человек оказали упорство; более виновные из них наказаны и все отправлены на работы под конвоем роты гарнизонного батальона. По об'яснению владимирского вице-губернатора рабочие искали предлога для нарушения договора, чтобы воспользоваться существующею чрезвычайно высокою платою на поденных работах. Это предположение подкрепляется еще тем, что некоторые подрядчики, не имея достаточного числа рабочих, стараются сманить их от других, обещая высшую плату"... "Потом новая партия рабочих на линии железной дороги в Ковровском уезде, в числе 129 человек, явилась к владимирскому губернатору с жалобою на дурное их содержание, притеснения, изнурение работою и невыдачу заработанных денег. Вся эта партия представляла собрание людей крайне истомленных и усталых, из которых 15 чел. оказались больными, а 5 человек найдены даже без надежды на выздоровление; остальные же, оказавшиеся здоровыми, но только изнуренными от трудов и усталости, возвращены на место работ".

Из этого официального изложения усматривается обычная картина, хорошо известная и детально обследованная главным управлением путей сообщения еще при постройке СПБ.-Московской ж. д. Причины недовольства рабочих исчерпывающе освещены начальником штаба корпуса п. с. Мясоедовым [3]). Однако ничего лучшего не могли придумать, как единственно организацию жандармской команды.

Главное Общ. Росс. ж. д., опасаясь новых расходов на содержание этих команд, с своей стороны, высказало следующее: "главными причинами случившихся беспорядков были неправильные условия, заключенные подрядчиками с помещиками и начальствами крестьян, нанятых на работы, равно притеснения со стороны подрядчиков, которые, поставляя рабочих, переманивали один у другого и дабы иметь после этих сделок выгоду, не производили им надлежащего довольствия. Принятыми мерами все эти причины к неудовольствию между рабочими устранены, как ныне, так и на будущее время и за тем в учреждении особой команды для полицейского надзора за рабочими надобности не представляется, тем более, что бывшие беспорядки, как возникшие вследствие условий, совершенных до прихода людей на работы, не могли бы быть предупреждены и при существовании усиленного полицейского надзора".

В дальнейшем случаи беспорядков между рабочими рассматривались исключительно с точки зрения обуздания их полицейскими мерами. Никаких других мер не проектировалось. Вся острота вопроса заключалась в том, за чей счет содержать

жандармов: за счет ли правительства или за счет Главного О-ва. Последнее всеми мерами отклоняло от себя этот расход, широко пользуясь бюрократической волокитой и возможностью затянуть дело путем канцелярской переписки до окончания работ, когда полиция уже не была бы нужна. В результате по высочайшему повелению расходы были распределены между казной и железными дорогами в "справедливых долях".

Инспектор СПБ.-Варшавской железной дороги Граве в своем рапорте отмечает следующие волнения рабочих, потребовавшие "содействия правительства".

"В январе 1858 года в участке французского инженера Куртина, до 300 рабочих подрядчика Гладина, помещичьи крестьяне, под предлогом получения вольности, требовали от конторы подрядчика преждевременно расчета и увольнения с работ, и не получив такового, самовольно ушли с работ".

В ноябре 1858 года на участке французского инженера Динета 800 русских рабочих ушли с работ вследствие неудовлетворения их подрядчиком Скворцовым.

Даже немцы вынуждены были усвоить пассивный способ протеста русских рабочих.

На участке французского инженера Антуаня, между Режицею и Динабургом, ушли с работ 600 рабочих подрядчика Клочковского, которых старался переманить к себе другой подрядчик.

Среди железнодорожных рабочих находились также и мастеровые из городского пролетариата. Отношение к ним было иное. Рабочие эти отличались независимостью характера и ничего общего не имели "с духом приходящих из деревень на летние заработки рабочих, исключительно деревенских жителей, в глазах которых сотский представляет собою начальника, а становой высшую правительственную власть;— заработанные же в лето деньги — все насущное их существование". Речь идет о мастеровых, присланных из Петербурга генералом Огаревым для постройки моста через реки Череху и Многу в конце 1859 года в числе 100 человек. Занимались они сборкой металлических частей мостов на участке французского инженера Гилью; производителем работ был французский кондуктор Вабр. Граве пишет: "Известно, что заводские мастеровые, составленные из разных сословий, избалованы большим жалованьем и разгульною петербургскою жизнью. Отправляя их за город, заводу следовало озаботиться учреждением за ними особого надзора; между тем, поместив их в 7 верстах от г. Пскова, в дер. Черехе, на Варшавском шоссе, вблизи которого в этом месте идет СПБ.-Варшавская ж. д., — оставили без всякого надзора. Мастеровые начали пьянствовать, производить буйства, а по ночам выходить даже на шоссе и отрезывали у проезжающих чемоданы". В результате для водворения порядка была вызвана военная команда и жандармы. "Более дерзкие и буйные люди были на месте подвергнуты телесному наказанию и толпа была усмирена".

Общее заключение Граве отмечает, что все перечисленные им случаи беспорядков происходили на участках работ, которыми заведывали иностранные инженеры, и происходило это потому, что "никаких предупредительных мер местными инженерами принято не было. Всякому беспорядку дана была возможность развиваться вполне". Правительство же о волнениях не извещалось.

Главное Общество считало недоразумения между рабочими и подрядчиками только невыполнением договорных частных обязательств со стороны рабочих, не видело в этом повода для вмешательства полиции и, во всяком случае "если бы и необходимо было учредить особую полицию на работах, то не столько для защиты рабочих от произвола подрядчиков, сколько для ограждения последних от неосновательных требований рабочих". Кроме того Главное Общество выражало неудовольствие тем обстоятельством, что независимо от него полиция создавала бы неудобство от безраздельного господства над рабочими, которые будут приносить жалобы независимому органу власти.

В дальнейшем велась длинная переписка между главным управлением путей сообщения, министром внутр. дел, шефом жандармов и советом Главного Общества Росс. ж. д. о том, какие штаты полиции следует установить, за чей счет содержать эту полицию, кому ее подчинить: железнодорожному ли обществу, инспектору ж. д. или же шефу жандармов? на основании какого устава должна действовать полиция и в чем должны заключаться ее функции и пределы полномочий и т. д. Одним словом радикальное лечение мерами наказания, а не устранением причин волнений, хорошо известных всем причастным к этому делу, но забытым за грудами канцелярской переписки.

С другой же стороны рисовалась неприглядная картина бесцеремонного расходования средств заправилами [4]): "Главное распоряжение делами Общества сосредоточено было в Парижском Комитете, а для заведывания делами здесь учрежден был совет из 20 членов, из коих половина русских подданных. Ближайшее же распоряжение делом поручено было французскому инженеру Колиньону с званием главного директора. На все высшие и даже второстепенные должности приглашены были французские техники и инженеры с громадными окладами, и оргия безобразных расходов началась. Нам памятны роскошь обстановки этих господ и их раз'езды с целыми свитами экипажей, благо эти расходы делались за счет общества; памятны также и путешествия парижских дам к г.г. техникам в Россию за счет того же общества. Затем баснословные цены на различные работы и поставки, о которых мы здесь в России и не слыхивали". За шпалу, например, платили 1 рубль, вместо 36 коп. действительной стоимости. В результате от общества была отобрана концессия на южную линию и Либавскую ж. д. Несмотря на большие прибыли подрядчиков, положение рабочих мало отличалось от того времени, когда строилась СПБ.-Московская ж. д.

Д. Каргин.

[4]) А. А. Головачев, «История железнодорожного дела в России» (СПБ., 1881 г.).

Медико-санитарные условия на постройке Петербургско-Московской железной дороги.

Крестьяне охваченных неурожаем губерний—Псковской, Витебской, Могилевской и др.—двинулись в 1845 году со своими семьями в поисках заработка на начавшуюся постройку Петербургско-Московской жел. дороги и разместились по Московскому тракту, в селениях Ижора, Саблино, Тосно и др. [1]). Они явились сюда уже изнуренные продолжительным голоданием у себя на родине и сильно нуждались в одежде и обуви.

Большинство крестьян принадлежало к числу казенных, помещичьих среди пришедших рабочих было немного. Местные условия жизни оказались мало благоприятными для пришельцев, и потому среди них вскоре обнаружились различные заболевания, нередко сопровождавшиеся смертельным исходом. Болезнь была об'явлена незаразительной в виду того, что «коренные жители тою не одержимы, в приходящих же она существовала единственно от изнурения по недостатку продовольствия и одежды». Хотя на железной дороге имелся временный лазарет на 80 человек и при нем лекарь, при чем в то время там было 20 свободных мест, в мае 1845 г. были доставлены в Обуховскую больницу в Петербурге девять человек «одержимых горячечно-тифозными свойствами» и двое больных цынгою. Обуховская больница была переполнена, и лишь «в уважение трудного положения больных, за 75 верст привезенных в ночное время», девять человек, одержимых горячкою, были приняты.

В связи с описанным случаем был возбужден вопрос о призрении заболевающих рабочих жел. дороги на месте или о помещении их в ближайшие лазареты и больницы. Главноуправляющему путями сообщения гр. Клейнмихелю было предложено принять меры, чтобы на местах работ были устроены лечебные заведения, так как перевозка больных в городские больницы может на них пагубно отразиться.

Оказалось, что к тому времени на линии жел. дороги уже были устроены лазареты. Но очень скоро обнаружилось, что они недостаточны для борьбы с эпидемиями, что заболевших отпускали на родину в бесномощном состоянии. В конце 1845 г. военный министр обратил внимание на то, что через округа пахотных солдат с работ Спб.-Московской жел.

[1]) Дело хозяйственного департамента, мин-ва внутр. дел, отд. II, ст. 1, № 147—1845 г.

дороги проходило много людей, совершенно истощенных от болезней и голода; многие из них в пути, по деревням умирали, а иные, сохранившие еще небольшой запас сил, едва доходили до крестьянских изб, где им оказывали помощь «из сострадания к человечеству», а после того заражались крестьяне, подававшие помощь. Для предупреждения дальнейшего распространения эпидемии между военными поселянами, предположено было очистить в деревнях, расположенных вдоль большой дороги, по одной избе, куда и помещать приходящих, снабжая их пищей путем сборов с хозяев.

Министр внутр. дел предложил новгородскому губернатору распорядиться, чтобы заболевшие чернорабочие с жел. дороги беспрепятственно принимались в городские больницы, на пути их следования с работ на родину, и чтобы местные городские и земские полиции заботились о доставлении нуждающимся возможной помощи и призрения. Но в феврале 1846 г. по большому Московскому тракту и в окрестных деревнях скопилось значительное число больных горячкой, большей частью из проходящих крестьян; «из сострадания к бедным» в ямах Подберезье и Чудове командиром уланского полка были устроены два госпиталя, а в Чудове на станции производился сбор денег и была заведена книга для записи пожертвований на пособие больным.

Новгородский губернатор предписал врачебному управлению немедленно командировать туда медика и «прекратить сбор денег и подписку пожертвований и дознать, кем и с чьего дозволения они производились». Оказалось, что книга заведена была «без всякого злоумышленного намерения и собственно для памяти, что собрано около 40 руб. сер.», которые пошли на пособие больным и наем двух домов для их размещения. При этом выяснилось, что в деревнях по линии жел. дороги от Валдая к Петербургу обнаружены заболевания горячкой, что в Тосне уже скопилось до 80-ти больных рабочих, лишенных всякой медицинской помощи и живущих подаянием. Это угрожало большой опасностью, в виду ожидавшегося наплыва новых рабочих на линию.

Для тщательного выяснения положения больных рабочих министерство внутр. дел командировало в феврале 1846 г. двух чиновников, которым поручалось проехать по всему Московскому тракту вплоть до Тверской губ., оказывая чрез уездных врачей первую помощь больным, сперва размещая их в частных домах, а затем отправляя по мере возможности в ближайшие больницы. В марте 1846 г. было командировано еще двое чиновников для оказания помощи больным в Новгородской губ., где они находились в еще худших условиях, чем в Петербургской. Кроме улучшения ухода за больными, им было поручено заботиться об отправке на родину здоровых крестьян, не имевших работы; на покупку обуви и одежды для нуждающихся крестьян чиновники получили 61 р. 40 к. сер.

Сообщения одного из командированных чиновников дают картину положения заболевших рабочих. Не имея ни средств к пропитанию, ни теплой одежды и обуви, многие из них страдали так называемой в народе

«желудочной горячкой», а другие—опухолью ног. Первоначально не было постоянных убежищ для больных; некоторые жители из сострадания приютили больных, число которых в холодное время было весьма велико; в течение января и февраля 1846 г. в Тосне умерло 75 человек. Затем были отведены особые обывательские дома для заболевших, устроены нары, готовилась пища, заведено освещение, производилось окуривание можжевельником; были назначены два фельдшера, но у них не имелось не только медикаментов, но даже уксуса, горчицы и инструментов для пускания крови. Врач навещал больных редко.

В больнице в Павловске свободных кроватей не имелось, больные оставались в частных домах без медицинской помощи.

В Чудове 76 больных были размещены в трех избах, в большой тесноте. В другом месте 27 больных лежали в одной избе на скамьях и и под ними на голом полу; некоторые из них были уже мертвы; присматривал за больными слепой старик, жена которого умирала в соседней каморке. От скопившихся нечистот воздух был так удушлив, что не было возможности оставаться там, пока не накурили сильно уксусом и можжевельником. Из этих больных 13 были отправлены в Новгородскую больницу. Остальные больные, которые не могли выдержать переезд, остались на месте; благодаря отсутствию врача и фельдшера, через два месяца половина больных вымерла.

Питались больные вообще приношениями жителей, выздоравливавшие попрошайничали. В Чудове больные содержались на пожертвование одного помещика и офицеров путей сообщения, а в Подберезье обществом офицеров уланского полка. По отзывам командированных чиновников, эти люди не терпели уже голода, но для многих из них, изнуренных голодовкой у себя на родине, оказывалась вредной получаемая ими в достаточном количестве пища, особенно хлеб.

Чиновники, опасаясь что безвозвратное пособие от правительства больным рабочим может «привлечь сюда их еще более, и притом не находя никого безусловно и крайне нуждающимся», не израсходовали отпущенных на пособие больным 2000 руб. сер., вопреки данному им предписанию, и сдали эти деньги в казну. Другой чиновник из отпущенных ему 100 руб. истратил на прогоны 36 р. 34½ коп., а остальное роздал нищим.

Впрочем министерство госуд. имуществ занялось «призрением зашедших в Новгородскую губ. из разных мест крестьян, крестьянок и их детей», а министр внутр. дел предложил выдавать пособия «людям помещичьим и других ведомств», исключая казенных.

Местное начальство, смягчая истинное положение дел, долгое время утверждало, что «горячек и каких-либо острых повальных болезней нет», но командированные чиновники обнаружили повсеместно именно горячечных больных, лишенных всякого ухода и помощи, несмотря на то, что многие из них были «очень трудные». В Чудове 80 больных горячкой лежали в сырых, душных избах, в большой тесноте при худом присмотре и почти без всякой медицинской помощи; лекарства им давали «совер

шенно беспорядочно». В Спасской Полисти 30 больных были расположены «в просторных домах в чистоте и опрятности», но без лекарств, хотя большая половина из них «очень трудные». В Подберезье около 100 страдавших нервной горячкой оставались совершенно без медицинской помощи, и смертность была «весьма значительна».

К концу марта 1846 г. в Чудове и Подберезье скопилось до 200 трудно больных, по 25 человек в избе, на гнилой и смрадной соломе, без присмотра и медицинской помощи; в виду большой смертности хоронили по нескольку трупов в одной могиле, так что «некоторые гробы уже теперь начали обнаруживаться».

В самом Новгороде в больничных сараях найдено «множество умерших от гнилой горячки и оставшихся не похороненными», потому что не прошло 3 суток со дня их смерти. Министр внутр. дел предложил новгородскому губернатору немедленно распорядиться, чтобы «были отведены удобные помещения для больных, чтобы при них находились медики и фельдшера, и чтобы страждущие сколь можно лучше были призрены и содержимы». После погребения умерших от гнилой горячки предложено принять меры к предупреждению распространения заразы. Где небрежно погребены умершие над могилами велели сделать насыпи.

В Ижоре, Саблине и Тосне положение больных найдено командированными чиновниками «в полном порядке, как в отношении размещения, так и присмотра над ними», это об'яснялось стараниями попечителей, находившихся под впечатлением от внезапных наездов ревизоров.

Когда в с. Бронницы (Новг. губ.) было обнаружено «более 100 человек обоего пола, в том числе 16 слепых, калек и малолетних, 2 бесприютных сироты и 11 человек с просроченными видами», и выяснилось, что эти люди принадлежали одному помещику Витебск. губ., министр внутренних дел, имея в виду предоставленные этому помещику «разные способы к обеспечению его крестьян по случаю неурожая хлеба», предложил ему через местное начальство озаботиться «о должном призрении принадлежащих ему крестьян, для предотвращения бродяжничества в Новгородской губ.».

На это только в январе 1847 г. последовал ответ Витебского, Могилевского и Смоленского генерал-губернатора, что „хотя по розысканию неоткрыто того, чтобы крестьяне помещика Ш. бродяжничали и в хлебе они недостатка не имели, но имея в виду отзыв от 29 апреля прошлого года им сделано распоряжение о строгом наблюдении, чтобы крестьяне не были допускаемы до бродяжничества и нищенства".

Далее оказалось [2]), что „некоторые из крестьян, при возвращении на родину, попадают в руки сотских и десятских, которые, из опасения распространения заразы, по очереди пересылают их из деревни в деревню, не дозволяя им не только отдохнуть и переночевать в деревне, но даже

[2]) Дело хозяйственного департамента министерства внутренних дел, отд. II, ст. 1, 1846 г., № 462, ч. 1-я.

согреться, отчего люди сии приходят в изнеможение сил и остаются без приюта и призрения».

В виду этого министр внутр. дел предложил новгородскому губернатору предписать земской полиции, чтобы «со стороны ее отнюдь не было заболевающим крестьянам стеснения в приискании ночлегов по деревням во время следования их на родину, и чтобы им оказываемо было возможное пособие, с облегчением всех способов к поступлению в ближайшие по пути больницы».

В марте 1846 г. было признано необходимым [3]) по Московскому тракту до Новгорода «через станции и вдоль большой дороги до того места, где существуют горячки и проследывают рабочие на железную дорогу», учредить временные лазареты на 50 кроватей с достаточным числом лекарей и всем нужным для оказания врачебной помощи заболевшим.

Такие больницы были открыты сначала в Чудове, Подберезье и Спасской Полисти, а затем в Тосне, Зайцове и Едрове. Устройство этих больниц соответствовало «местными способам и всем справедливым чуждым прихоти требованиям»: больные помещались в теплых сухих и просторных домах большею частью на нарах или наскоро сколоченных из досок кроватях, на соломенных тюфяках, белье давалось чистое, хотя простое; пища свежая, здоровая. Только в Чудовской больнице было тесно и воздух нечист, и больные там были более тяжелые; многие из них были одержимы изнурительными поносами.

Еще хуже обстояло дело в Бронницкой (б. Зайцовской) больнице: здесь больные лежали в собственных рубищах, покрытые насекомыми.

При всех больницах имелись аптеки и особые комнаты для хранения одежды, присланной из Петербурга для снабжения при выпуске из больницы людей, прибывавших большей частью в рубищах и без обуви.

За два месяца во все эти больницы поступило 709 человек, из них 465 крестьян ведомства м-ва госуд. имуществ; остальные были однодворцы, пахотные и отставные солдаты и помещичьи крестьяне. Из них выздоровело 418, умерло 178 и осталось на июнь 1846 г. еще 110 человек.

Затем число заболевших стало быстро падать, и временные больницы были постепенно, одна за другой, закрыты.

Д-р **П. Вакс.**

---

[3]) Дела хозяйственного департамента министерства внутр. дел об учреждении временных лазаретов №№ 462, 463, 464, 1846 г., отд. II, ст. 1.

Содержание кн. 8.

	стр.
1. Строительные рабочие в московском государстве. А. Прусак.	3–6
2. Очерк истории труда в России. (Продолжение). Н. А. Рожкова.	7—23
3. Как жилось рабочим на постройке Волжско-Донской жел. дороги в 1859 и 1860 г. Л. Айзенберга.	24—34
4. Основы социальной организации педагогического труда в 18—19 веках. С. В. Рождественского.	35—63
5. Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в 17 веке. С. Тхоржевского.	64—78
6. Из жизни рабочих и служащих на городских железных дорогах Петрограда. Макса Гордона.	79—103
7. К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. (Окончание). А. Шебунина.	104—120
8. Работные люди в свете депутатских наказов 1767 г. Т. Шатиловой.	121—134
9. Крестьяне крепостной деревни московского промышленного района во второй половине 18 века. С. И. Архангельского.	135—147
10. Стачечная борьба рабочих (в 1870—1917 г.). С. Вознесенского.	148—174
11. К истории ремесленного труда в древней Руси. (Окончание). Вл. Юл. Гессена.	175—188
12. Положение рабочих на постройках Гл. Общества Российских железных дорог. Д. Каргина.	189—192
13. Медико-санитарные условия на постройке Петербургско-Московской жел. дор. П. Вакса.	193—197

□ □ □

Содержание «Архива истории труда в России».

Книга первая.

1. Задачи и деятельность Ученой комиссии по исследованию истории труда в России. Юл. Гессена.
2. История труда и ее значение. Е. Тарле.
3. Вопросы истории русской промышленности и промышл. труда (в дореф. время), постановка их в нашей историч. литературе. И. М. Кулишера.
4. Судьбы крестьянства в русской историографии и задачи их изучения А. Преснякова.
5. Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие (из истории крестьянских волнений). Юл. Гессена.
6. Судьба указа о свободных хлебопашцах в царствование Александра I. В. Бирюковича.
7. „Первое мая" в России. В. Колпенского.
8. Волнения среди фабр.-зав. рабочих (1824 г.—1860 г.). К. Пажитнова.
9. Материалы для истории рабочих на горных заводах. А. Шебалова
10. Против забастовок на заводах морского ведомства. Сообщ. А. Блек.
11. Из практики предварительного обследования заводских архивов (архивы Обуховского и Балтийского заводов). Ал. Блека.
12. О состоянии некоторых фабрично-заводских архивов в Петрограде.
13. Эпизод из хозяйств. жизни крепостной вотчины 19 века. Б. Романова.
14. К сведению и руководству сотрудников Ученой комиссии.

Книга вторая.

1. На московско-новгородской парусной фабрике. Марии Мурзановой.
2. Жизнь рабочих на кренгольмской мануфактуре С. Фарфоровского.
3. Был ли первоначально русский север крестьянским? С. Платонова.
4. Продолжительность рабочего времени в горнозаводской промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
5. Бурлаки в первой половине 19-го века. Юл. Гессена.
6. Фабрично-заводск. волнения и фабр. законодательство. В. Колпенского.
7. Морозовская стачка 1885 года. Р. Кантора.
8. Устройство быта свободных хлебопашцев. В. Бирюковича.
9. Условия труда на петербургских заводах по данным 1901 г. Ал. Блека.
10. Из истории производств в С.-Петербурге за 18-й век и первую четверть 19-го века. П. Столпянского.
11. Цехи „вольных матросов" в Новор. крае в 1830—53 г.г. А. Путилова.
12. Первые шаги легализованного професс. движения в России. Р. Кантора.
13. Из оффициальной записки о крестьянских беспорядках в 80-х годах 19-го века. Сообщил В. Колпенский.
14. Пилиппоны или крестьяне-старообрядцы. Н. Мурзанова.
15. Волнения среди фабр.-зав. рабочих (1824 г. —1860 г.). К. Пажитнова.
16. Крестьяне-самоучки. Наталии Платоновой.
17. Факты и цифры. Заметки архивистов. Движение среди петербургских рабочих в 1901 г.—Об оставлении рабочими работ на фабрике в Вышнем-Волочке. К вопросу об освобождении беглых бродяг от крепостной работы. К статистике горнозаводских рабочих (1828 г.). Бритье помещиками полголовы крестьянам для пресечения самовольных отлучек (1844 г.).—Стоимость наемного труда на полевых работах по данным 1871 г.
18. Сообщения Ученой комиссии.

Книга третья.

1. Первая годовщина.
2. Заработная плата в горнозав. промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
3. О времени и мерах прикрепления крестьян к земле в Московской Руси. С. Платонова.
4. Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае (накануне освобождения от креп. зависимости). Л. Айзенберга.
5. К истории стачек среди фабричных рабочих. Ю. Гессена.
6. Заметки по истории труда на Руси 16—17 века I. Транспортные. рабочие-водники.—II. Строгановские иконники. А. Введенского.
7. Жандармерия и первые рабочие стачки. Р. Кантора.
8. Выборы в комиссию сенатора Шидловского (1905 г.). В. Невского.
9. Женский труд в почтово-телеграфном деле. А. Путилова.
10. К вопросу о рабочем дне при крепостном праве. К. Пажитнова.
11. Крестьяне Демидовского лицея. Т. Шатиловой.
12. Холерный бунт 1892 г. В. Колпенского.
13. Картины из крепостного быта. П. Аргунова.
14. Рабочие на постройке Петерб.-Московской жел. дороги. Д. Каргина.
15. „Разных художеств мастеровые люди". П. Садикова.
16. Запасные хлебные магазины. Н. Мурзанова.
17. Некоторые данные о фабриках в 1767 году. М. Цвибака.
18. Материалы для статистики: Численность государственных и заводских крестьян по девятой ревизии. Стоимость наемного труда на полевых работах в 1871 г.— Фабрично-заводские предприятия в помещичьих имениях (1861 г.).
19. Факты и цифры. Заметки архивистов. Борьба с распространением газет в деревнях. — Об усилении мер наказания по преступлениям крепостных против помещиков. — Цехи в Москве по данным 1856 г. — Запрещение праздновать первое мая
20. Итог годовой работы по составлению архивного каталога.

Книга четвертая.

1. Попытка регламентировать труд в нашей кустарной промышленности И. Кулишера.
2. Закрепощение в императорской России. А. Преснякова.
3. Положение рабочих в горнозав. промышленности при крепостном праве. К. Пажитнова.
4. Из истории касс и обществ взаимопомощи рабочих. В. Святловского.
5. К истории ремесленного труда в древней Руси. Вл. Юл. Гессена.
6. Крестьяне на частных горных заводах в Оренбургском крае (по освобождении от крепостной зависимости). Л. Айзенберга.
7. Рабочие на Ленских золотых приисках. Ал. Блека.
8. Требования рабочих Балтийского и других морских заводов в январские дни 1905 года. А. Львовича.
9. Вопросы труда в иностранной литературе. Я. Канторовича.
10. Из вотчинных архивов. А. Путилова.
11. Значение труда старообрядцев в развитии промыслов. В. Дружинина.
12. Условия быта промысл. рабочих Росс-Амер. Компании. П. Г. Васенко.
13. Сельская школа накануне крест. реформы. В. Колпенского.
14. Из жизни приходских учителей. Ю. Михайловой.
15. Рабочие из „шатающихся" людей на Шлисс. фабрике. А. Шебунина.
16. К вопросу о рекрутском наборе дворовых и деловых людей. П. Садикова.
17. Златоустовская забастовка. И. Бендера.
18. Заметки архивистов: Таежная трагедия. — Несколько слов о самоедах. — Привилегированное положение охтенских ремесленников.—К истории празднования первого мая. — Справка о частных горных заводах

Книга пятая.

1. Побеги помещичьих крестьян в николаевскую эпоху. Елены Коц.
2. Условия труда рабочих при постройке С.-Петербурго-Московской жел. дороги. Д. Каргина.
3. Сельская школа после крестьянской реформы. В. Колпенского.
4. Рабочие на Ленских золотых приисках. (Продолжение). А. Блека.
5. Очерки истории труда в России Н. Рожкова.
6. Военно-судные комиссии для рабочих на золотых приисках Юл. Гессена.
7. Уничтожение половничества в девятнадцатом столетии. Таисии Шатиловой.
8. К истории ремесленного труда в древней Руси (10—15 в.в.). (Продолжение). Вл. Юл. Гессена.
9. Рабочая дисциплина на фабриках и заводах при крепостном праве. К. Пажитнова.
10. Рабочие волнения в царствование Александра I. К. Пажитнова.
11. К закрытию Нижнеисетского завода. А. Шебалова.
12. Материалы для истории стачек в начале 70-х годов 19-го века. И. Сидорова.
13. К характеристике экономического положения рабочего элемента в Иваново-Вознесенске (1871 г.). Р. Кантора.
14. Из стачечного движения на Кавказе в 1903 г. И. Бендера.
15. Заметки архивистов: Резчик печатей Мейер Айзенштат и Николай I.—Рабочие из беглых крестьян и беспаспортных.—Труд ссыльных в Сибири

Книга 6—7-ая.

1. Несколько слов об арестантском труде. Елены Коц.
2. Заметки по истори труда на Руси 16—17 вв. Наемные рабочие в крест. хозяйстве. Наемный труд в крупном хозяйстве. Андрея Введенского.
3. Очерки истории труда в России. (Продолжение). Н. Рожкова.
4. Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 году. Александра Оглоблина.
5. Труд иноземцев в Московском государстве. Инны Любименко.
6. Крестьяне Восточной Сибири во вторую половину 17-го века. Анны Прусcак.
7. Рабочие Экспедиции заготовления гос. бумаг в первую половину 19 века. С. Вознесенского.
8. Народное продовольствие в 1812 году. З. Матковской.
9. К истории борьбы по вопросу о продаже крестьян без земли. А. Шебунина.
10. Условия труда и быт рабочих на госуд. фарфоровом заводе. Э. Голлербаха.
11. К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае. Л. Айзенберга.
12. Рабочие на постройке Уссурийских и Амурской жел. дорог и участие каторжан в работах. П. Васенко.
13. Землепользование новгородских дворцовых крестьян в 17 веке. М. Островской.
14. Возмущение рабочих Ревдинского завода в 1841 году. К. А. Пажитнова.
15. Сельская школа после крестьянской реформы. В. В. Колпенского.
16. К стачечному движению на юге России в 1903 году. И. Бендера.
17. Статистика забастовок за январь 1917 года. Р. Кантора.
18. К истории крестьянских беспорядков в 1905 году. А. В. Шебалова.
19. О судьбе некоторых архивных материалов по истории крепостного хозяйства. А. Большакова.

Книги журнала «**АРХИВ ИСТОРИИ ТРУДА В РОССИИ**» продаются во всех книжных магазинах.

Склад издания: Культурно-просветительный отдел Петроградского совета профессиональных союзов.

Петроград, Бульвар Профессиональных Союзов, Дворец Труда.

Главлит. № 4894 Тираж 3000.

Типография Культ.-Просв. Отдела Петрогубпрофсовета. Красная ул., 24 а.